

Издана при финансовой поддержке
Фонда Развития Науки при
Президенте Азербайджанской Республики

**Н.Дж. Мамедханова, Б.Б. Кулиева,
С.А. Мирбагир-заде, А.И. Мамедова**

СОВРЕМЕННЫЙ АЗЕРБАЙДЖАН В КОНТЕКСТЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ

Научный редактор:

С.А. Гафарова

доктор филологических наук, профессор

Рецензент:

М.А. Алиев

доктор философских наук, профессор

Н.Дж. Мамедханова, Б.Б. Кулиева, С.А. Мирбагир-заде, А.И. Мамедова. Современный Азербайджан в контексте Востока и Запада и мультикультурализм. – Баку: Фонд Развития Науки при Президенте Азербайджанской Республики, 2018. – 168 стр.

Монография посвящена изучению значения и места Азербайджана в контексте Запада и Востока, а также мультикультуральному мировосприятию азербайджанцев, которое имеет древние традиции. Особое внимание уделяется многогранности азербайджанской культуры и ее взаимодействию с другими национальными традициями.

Монография предназначена для исследователей и широкого круга читателей.

**Монография издана при финансовой поддержке Фонда Развития Науки при Президенте Азербайджанской Республики:
Грант № EIF-2013-9(15)-46/42/5**

Этот труд зарегистрирован 13 марта 2014 года Фондом Развития Науки при Президенте Азербайджанской Республики в Агентстве по Авторским Правам Азербайджанской Республики и выдано свидетельство № 7984 (номер регистрации: 04/С-7469-14).

ISBN: 978-9952-516-15-9

© Фонд Развития Науки при Президенте Азербайджанской Республики, 2018

© Н.Дж. Мамедханова, Б.Б. Кулиева,
С.А. Мирбагир-заде, А.И. Мамедова, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 4

Часть I.

АЗЕРБАЙДЖАН – ЦЕНТР МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА
И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В КУЛЬТУРЕ ВОСТОКА.....18

Часть II.

РОЛЬ ФОНДА Г.АЛИЕВА В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНОЙ
И РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ82

Часть III.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ
НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС АЗЕРБАЙДЖАНА..... 119

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено изучению значения и места Азербайджана в контексте Запада и Востока, а также мультикультурального мировосприятия азербайджанцев, которое имеет древние традиции.

Исторически Азербайджан всегда являлся мостом между востоком и западом. Аккумулируя в себе духовные искания разных культур, народов, лучшие представители Азербайджана создавали произведения, которые в свою очередь во многом оказывали воздействие и предопределяли развитие культуры сопредельных стран. С другой стороны, Азербайджан является уникальной страной, в которой сложились свои традиции и особая модель толерантности и гармоничных национально-этнических отношений.

Расположенный на стыке востока и запада, различных цивилизаций, Азербайджан является своеобразным геополитическим регионом, который имеет богатое культурное и историческое наследие. В разные этапы истории наша страна становилась родиной для представителей разных народов, религиозных конфессий, культур. И созданные здесь условия для мирного и свободного проживания различны национальностей, сохранения их культуры и самобытности свидетельствуют о толерантности азербайджанского народа, мультикультурализме, которые имеют в Азербайджане исторические корни.

Но сегодня толерантность, открытость к восприятию иной культуры, мультикультурализм – это не только национальное отличие азербайджанского народа, но, что важно – политика азербайджанского государства. Ибо в век глобализации, когда во всем мире происходит нивелирование национальных ценностей,

традиций и культур, Азербайджан одна из редких стран, где сохранились все условия для развития национальных традиций и культур.

Общенациональный лидер Г.Алиев развил традицию многокультурности в Азербайджане и вывел ее в качественно новую плоскость – политическую. Хотя это было не просто, учитывая распад Советского Союза, бывших союзных республик, армянскую агрессию, унесшую жизнь тысячи азербайджанцев, более миллиона беженцев, захват 20% территорий Азербайджана, геноцид в Ходжалах. Это стало настоящим экзаменом для традиции толерантности в Азербайджане и могла явиться существенным фактором, способным подорвать ее основы. Однако это не произошло, благодаря тому, что Азербайджан получил новый позитивный импульс с приходом к власти Гейдара Алиева, его мудрой государственной политике.

Политика мультикультурализма, основа которой была заложена общенациональным лидером, на современном этапе успешно развивается Президентом Ильхамом Алиевым.

Хотя сегодняшнее время оказалось самым сложным, поскольку по всему миру идут катастрофические и трагические процессы, которые в первую очередь отражаются на международных, межкультурных и межконфессиональных отношениях. И благодаря продуманной и дальновидной политике президента Ильхама Алиева в Азербайджане удалось не только сберечь эти традиции, но и в эпоху глобальных потрясений превратить мультикультурализм в одно из приоритетных направлений государственной политики.

Как сказал сам президент: «Мультикультурализм – образ жизни в Азербайджане. Правда, это относительно новый термин. Но на протяжении столетий в Азербайджане существовали

мультикультуральные общества. Наглядным свидетельством этого является дружба и солидарность между народами¹.

Действительно, Азербайджан является уникальным местом, где органично и гармонично соединяются многие культурные разнообразия. Именно здесь пересекаются Европа и Азия, Восток и Запад, а также стыкуются цивилизации. И это соединение разнообразий высшая миссия, которая предписана самой историей для судьбы Азербайджана. И эта миссия требует, чтобы Азербайджан стал местом встречи, диалога и соединения Востока и Запада. И внесенный, на современном этапе, Азербайджаном большой вклад в межкультурный диалог и интеграцию доказывает, что наша страна достойно выполняет эту миссию.

Распоряжением Президента Азербайджанской Республики Ил.Алиева 2016 год был объявлен в Азербайджане «Годом мультикультурализма» и это стало значимым событием не только местного, но и международного масштаба, которое наглядно свидетельствует о том, что концепция нашего государства направлена на толерантность, взаимодействие различных культур в едином обществе.

Поэтому работа над нашим проектом «Современный Азербайджан в контексте Востока и Запада и мультикультурализм» явилась важной и современной.

Тема, которой было посвящено наше исследование всеобъемлющая и требует глобальных всесторонних исследований в различных направлениях, что в рамках одной работы сделать невозможно. Поэтому задача нашего совместного труда – исследовать и высветить лишь некоторые ее стороны, которые на наш взгляд интересны и мало изучены.

Мы взяли за основу соединения двух версий социокультурного бытия Азербайджана – традиции и модерн и в этом ракурсе

¹ Президент азербайджанской республики И. Алиев. Из выступления на открытом IV международном гуманитарном форуме. Баку, 2 октября, 2014 г.

исследовали феномен Азербайджана. Исходя из этого, мы рассмотрели заданную тему в трех аспектах:

1. Азербайджан – центр мультикультурализма и его значение в культуре Востока.
2. Роль Фонда Г.Алиева в развитии культурной и религиозной толерантности.
3. Мультикультурализм и его влияние на литературный процесс Азербайджана

Первая часть работы называется «Азербайджан – центр мультикультурализма и его значение в культуре Востока».

Азербайджанская культура отличается от многих тем, что здесь сложилась единая национальная культура, которая содержит в себе глубокие традиции и открытость к восприятию другой культуры.

В этой части работы исследуется и такая важная сторона феномена Азербайджана как роль, которую сыграли азербайджанцы в формировании культуры, искусства, науки, общественной мысли других народов Ближнего Востока.

На протяжении истории каждому народу был предопределен генетический потенциал, который призван быть ведущей частью человечества в различных областях – от религии и науки до культуры и искусства. В этом отношении азербайджанцы обладают редкой особенностью. Так было предначертано свыше, чтобы наш народ внес вклад не только в культурное наследие своей нации, но и в историю науки и культуры народов Ближнего Востока, в современную историю и Запада.

Научная мысль Востока, в особенности исламского Востока не нуждается в представлении. Ценный вклад в науку Востока внесли выходцы из Азербайджана. Среди них такие имена, как Бахманйар, Сафи ад Дин Урмави, Махмуд Шабустари, Хатиб Табризи, Сирадж ад Дин Урмави, Юсуф Карабаги и др.

Не менее ценным и ярким оказался вклад выходцев из Азербайджана в формирование искусства и культуры региона, особенно в развитие персидской литературы. Можно сказать, что в процесс формирования практически каждого из стилей классической персоязычной литературы внесли огромный вклад азербайджанские мастера пера. И этому в исследовании уделено особое внимание.

Такие поэты, как Катран Табризи, а позже представители «азербайджанской» школы – Абу ль Ала Гянджеви, Фалаки Ширвани, Муджир ад Дин Бейлагани (поэт, хотя и не жил в Ширване, но получил здесь свое образование), Хагани Ширвани и, конечно же, Низами Гянджеви вошли в золотой фонд мировой поэзии.

Выдающегося азербайджанского поэта Низами Всевышний одарил изумительным талантом, ощущением формы и содержания. Менее, чем через сто лет выдающийся персоязычный поэт Индии Амир Хосров Дехлеви пишет первый поэтический ответ на «Хамсе» Низами. Традицию поэтических ответов на «Хамсе» Низами Гянджеви развили такие выдающиеся имена восточной и мировой поэзии, как Хаджу Кермани, Салман Саведжи, Абд ар Рахман Джамали, Джамали Табризи, Алишир Навои, Мухаммад Физули и многие другие. Школа Низами это феномен. Выдающийся азербайджанский ученый Г.Алиев приводит в своей работе «Темы и сюжеты Низами в литературах Востока» высказывание Луи Арагона о том, что «По сюжетам Низами создано больше подражаний, чем поэм, написанных на греческом и латыни».

В XIII-XIV веках азербайджанские поэты продолжают украшать литературу Востока такими именами, как Хумам Табризи, Ассар Табризи, Имад ад Дин Насими и др.

Начиная с XVI века, азербайджанские авторы Саиб Табризи, Хатеф Исфакхани, Зейн аль Абедин Марагаи и Абд ар Рагим Талыбов, играют ключевую роль в формировании поэзии и прозы в литературе на фарси. По единодушному мнению критиков, про-

изведение Хатефа Исфাহани в жанре тарджибанд на религиозную тему, тему любви к Всевышнему и устремленности к Великому и Единому Творцу, вошло в историю, как один из самых красивых примеров упомянутого жанра за многовековую историю его существования в поэзии на фарси!

В XIX-XX вв. персоязычную поэзию украшают такие имена, как Мухаммад Хусейн Шахрияр, которого один из иранских ученых назвал вторым после Хафиза мастером газели и Парвин Этесами, которая по мнению и иранских, и европейских исследователей является самой известной поэтессой Ирана.

Поэма Мухаммад Хусейна Шахрияра «Приветствие Гей-дарбаба», которую поэт написал на родном азерайджанском языке, по сведениям источников википедии, переведена на 90 процентов языков мира. Тот же источник отмечает, что с 2002 года день кончины Шахрияра – 18 сентября отмечается в Иране как национальный день поэзии и литературы.

Основная идея произведений Парвин Этесами это религиозно-философская тема, тема совершенствования личности на пути к Всевышнему Аллаху. Как пишет википедия, в Иране день рождения Парвин Этесами отмечается как официальная праздничная дата. Тот же интернет ресурс отмечает, что в стране основана ежегодная премия имени Парвин Этесами и проводится кинофестиваль, который носит её имя Парвин Этесами.

Сильное влияние на литературу Ирана оказали Дж. Мамедкулизаде и Сабир. Иранский исследователь Ибрахим Гасеми отмечает влияние представителей азербайджанской литературы Дж. Мамедкулизаде и Сабира на иранских поэтов и прозаиков начала XX века, а также на одно из самых известных изданий в Иране этого периода, а именно «Суре Исафил», и на большую часть изданий начала XX века в этой стране. Ф.Р. Казымова в своей статье упоминает журналы, которые стали выходить в Казани,

Астрахани, Троицке, в Узбекистане под влиянием «Моллы Насреддина».

Согласно работам советских и иранских ученых, во второй половине XX века азербайджанский писатель Г.Саэди заложил основу современной драматургии Ирана.

Во многих источниках указывают, что иранцы сами называют Тебриз «городом первых». Этот город был центром таких видов искусства и культуры, как архитектура, каллиграфия, миниатюра, ковроткачество.

В исследовании подробно анализируется вклад мастеров искусства Тебриза в сокровищницу мировой культуры. Известный иранский архитектор Мухаммад Пирния выделяет четыре стиля в классической исламской архитектуре Ирана. Одним из них является стиль «азербайджанский». Такие жемчужины не только иранской, но и всей ближневосточной и мировой архитектуры, как усыпальница Имама Резы (Е), мечеть Гоухаршад, соборная мечеть в Йезде, в Натанзе, обсерватория в Мараге, Голубая Мечеть в Тебризе и др. относятся именно к этому стилю архитектуры.

Иранский архитектор Б.Аджурлу отмечает: «Азербайджан является одним из мощных центров архитектуры исламского мира». А другой иранский исследователь ссылается на работу итальянского архитектора профессора Пьерро Санпаолези, который полагает, что стиль памятника Гунбаде Султанийе, оказал влияние на архитектуру церкви Санта-Мария дель Фиоре во Флоренции. Тебризская школа каллиграфии и миниатюры известны на весь мир.

В XIII-XIV веках по инициативе выдающегося государственного деятеля Рашид ад Дина, в Тебризе формируется знаменитая тебризская школа миниатюры.

Тебриз и Ардебиль стали важнейшими центрами ковроткачества Востока. История иранских ковров, как считают специа-

листы, уходит своими корнями в глубокую древность. Выдающийся азербайджанский ученый, ковродел и теоретик ковроткачества Лятиф Керимов в своей работе «Азербайджанский ковер» уделяет особое внимание истории тебризского ковра.

Знаменитый тебризский ковер «Шейх Сафи» был соткан в 1539 году по заказу шаха Тахмасиба I для усыпальницы шейха Сафи ад Дина Ардебилли мастером Максудом Кашани, и хранится в настоящее время в музее Виктории и Альберта в Лондоне.

Мудрость, терпение и мужество, тонкое чувство красоты, уважение к самому понятию культура, независимо от того, откуда оно исходит, все эти качества, которые азербайджанский народ не растерял, проходя через века и испытания. Азербайджан и азербайджанцы сыграли важную роль в формировании культуры, искусства и науки, общественной мысли Востока. Наши соотечественники на разных этапах истории смогли обогатить мировое наследие ярчайшими примерами искусства, которые по сей день не перестают восхищать человечество.

Вторая часть исследования «Роль Фонда Г.Алиева в развитии культурной и религиозной толерантности» посвящена изучению, оценке и пропаганде роли Фонда Гейдара Алиева и деятельности его руководителя Посла доброй воли ЮНЕСКО и ИСЕСКО, первой леди Азербайджана, а ныне вице-президента Азербайджанской Республики Мехрибан Алиевой в становлении и развитии, а также в содействии государственной политике по культурной и религиозной толерантности. Исследование начинается с самого основания Фонда, где раскрываются объективные причины его создания. Прежде всего это было вызвано необходимостью выражения уважения и почтения памяти Гейдара Алиева, отражения его богатого духовно-нравственного наследия, подчеркивания значимости философии «азербайджанства» Гейдара Алиева и передаче новым поколениям идей национальной государственности. Исследование одновременно призвано спо-

способствовать установлению религиозной толерантности, построению гражданского общества, сохранению национальных ценностей в условиях глобализации.

Что касается собственно культурной и религиозной толерантности, являющейся неотъемлемой частью гуманитарной политики государства, то Фонд, благодаря своему продуманному комплексу целей и задач в этой сфере, сумел сформировать свою своеобразную стратегию. Предпринятые шаги, реализованные проекты, проведенные мероприятия, результатом которых была достигнута благоприятная атмосфера в Азербайджане, конечно же, стала возможной, благодаря историческим корням. Здесь люди веками жили вместе, среди различных культур, различных религий. С другой стороны, это стало государственной политикой, так как государство уделяет большое внимание защите и сохранению традиций толерантности. И Фонд Г.Алиева прекрасно справляется с задачей соединения политики и гражданского общества.

Вместе с тем, культура толерантности является гарантом многих составляющих национальной безопасности государства – экономической безопасности, транспортной безопасности, культурной безопасности, энергетической безопасности, продовольственной безопасности и др. Каждый из них и все они вместе взятые являются важными для жизни государства компонентами. В данную систему как целостный компонент безопасности можно также ввести мультикультуральную составляющую, которая выступает как неотъемлемая часть духовной, идеологической жизни. Так же, как страна обеспечивает свою энергетическую, экономическую, культурную безопасность, она должна обеспечивать и мультикультуральную безопасность.

Исходя из заданной темы, основное внимание в исследовании уделяется деятельности Фонда Гейдара Алиева в области развития культурной и религиозной толерантности, оно рассмат-

ривается исключительно по первоисточнику; на примере отдельных мероприятий дается обобщенная и вместе с тем охватывающая информация о деятельности Фонда Гейдара Алиева в области развития культурной и религиозной толерантности. Так, в частности, одним из постоянных проектов Фонда является проект «Адрес толерантности – Азербайджан», в рамках которого осуществляются многие мероприятия: реконструкция и реставрация мечетей, церквей, храмов в республике и за ее пределами.

Фонд, опираясь на общественное мнение, на основе обращений и социальных опросов, анализа ситуации и выявления проблем в той или иной области, выступает перед государством с различными проектами и пользуется авторитетом среди государственных структур, что свидетельствует о прозрачности в отношениях гражданского общества с государством и успешной реализации политики толерантности.

Со стороны Фонда проводятся крупные мероприятия, форумы, реализуются масштабные проекты, способствующие формированию позитивного имиджа Азербайджана за рубежом.

В работе также исследуется деятельность Фонда Гейдара Алиева в сфере укрепления двусторонних связей между Азербайджаном и другими мусульманскими и немусульманскими странами, занимающую особое место в реализации политики культурной и религиозной толерантности. Этим Азербайджан, как мусульманская страна, внесла колоссальный вклад в сокровищницу не только европейской, но и мировой культуры.

В заключительной части проекта «Мультикультурализм и его влияние на литературный процесс Азербайджана» нашли органичное отражение теория и практика мультикультурализма в азербайджанской литературе XX-XXI веков. В критический обзор вошли произведения Курбана Саида «Али и Нино», Исмаила Шихлы «Кура неукротимая», Льва Аскерова «Особых примет не имеют», выборочные романы Чингиза Абдуллаева, Айтена Акшин

«Вальс на разбитых бутылках», З. Сафарбекова «Мой проклятый мир», Анара «Ночные мысли» и некоторые другие. Характерно, что указанные произведения созданы писателями в различных (рассказы, повести и романы новеллистического, автобиографического, историко-фантастического и политико-детективного направлений) жанрах. Это, с одной стороны, говорит о ярких гранях дарования названных художников, с другой, – о широких возможностях трактовки мультикультурализма в наши дни. Ибо следует отметить, что на сегодняшний день литература, связанная с мультикультуральной проблемой не представляет собой единого движения, направления, что во многом тоже является знаменем времени. Сформировавшейся эстетики у авторов нет, но можно говорить о возникновении некоторых эстетических констант, системы художественных приемов, которые можно рассматривать в русле мультикультурализма.

На заре XX столетия одним из пионеров мультикультурализма стал роман Курбана Саида «Али и Нино». Он примечателен тем, что сюжетная канва сплетена из абсолютно разных, взаимоисключающих друг друга миров. Писатель одним из первых в Азербайджане впервые сумел на примере молодой влюблённой пары провести разграничительную линию между непознанным таинственным Востоком, олицетворяемый Али Ханом Ширванширом, и грузинки Нино Кипиани. В их лице мусульманское видение непосредственно столкнулось с западным мировидением.

В романе Исмаила Шихлы «Буйная Кура» цивилизованному городу противостоит небольшая деревня. Здесь царит совершенно иная атмосфера, по сравнению с «Али и Нино». И гендерные связи выходят далеко за рамки любовной коллизии. Но в том и состоит вся действенность литературного мультикультурализма, что одной из его граней становится столкновение героев двух цивилизационных систем. Иерархия в них иная, но примат одной культуры над другой сохраняет аналогичное противостояние. А

именно: чтобы удержаться в деревенской этнокультурной среде, необходимо душой и сердцем приблизиться к новому «берегу городской культуры». Это не всем и не всегда удаётся, и автор представленного исследования намечает путь героев, которым предстоит освободиться от многих старорежимных устоев жизни.

Чингиз Абдуллаев является признанным мастером политического детектива. В большинстве его романов заданы такие параметры западной культуры, которые обнаруживают определённое сходство с юридическими нормами российской государственности. Другими словами, показано, что идеи мультикультурализма в его произведениях углублены в область научно-прикладную. Точнее по тексту здесь говорится о сплаве современных информационных технологий с методами мировой сыскной работы. А в романе З. Сафарбекова «Мой проклятый мир» теория мультикультурализма перенесена в иную сферу социального бытия: эмоционально-чувственную. Герой претерпевает лишения, в результате чего происходит личностная переоценка. Он перенимает эстетические ценности Запада, забывая при этом о чувстве национального достоинства. В итоге борьба между двух миров завершается для него ненавистью ко всему человечеству – тема совершенно нетривиальная для современной азербайджанской литературы.

У Анара обнаружилось кредо писателя-реалиста, который на склоне лет выступает решительно против новаций постмодернизма, противопоставляя им новое художественное восприятие западно-восточного образа жизни и мышления в эссе «Ночные мысли». Знаменательно также, по собственному признанию автора, вынашивание плана создания в недалёком будущем семейного романа по образцу западной литературы.

Во всех остальных случаях в исследовании показаны, что мультикультурализм в творчестве азербайджанских писателей выражает различные стороны человеческого бытия. Например,

Лев Аскеров ищет своего героя в жанре фантастики, в которой реализм соседствует с экзистенциализмом. Айтен Акшин соединяет западный и восточный миры на уровне постмодернистского сознания персонажей. Но всегда и везде, как подчёркнуто в данной работе, мультикультурализм в азербайджанской литературе XX-XXI веков представлен как особая историко-философская и социально-политическая категория, которая под пером талантливых азербайджанских художников превращается в рупор значимых идей или в отражение индивидуального мироощущения личности.

Мультикультурализм и сохранение национальной идентичности является важной и актуальной в современную эпоху. И достижение современного Азербайджана в этой области – умение сохранить баланс на всех уровнях – является уникальным опытом, достойным всестороннего изучения. Здесь уместно вспомнить слова известного французского востоковеда Анкетиль Дюперрона, который писал: «Мы напрасно ищем родину античной культуры, литературы и просвещения у греков и римлян. Их следует искать в древней Мидии, Атропатене». Эту мысль, пожалуй, можно дополнить. В Азербайджане нужно искать ключи от грядущей глобальной цивилизации, которая сумеет сохранить разноцветную культурную палитру нашей Земли.

И данное исследование вносит свою лепту в осмысление феномена Азербайджана, его уникального опыта – сохранение национальной идентичности в эпоху глобализации. И изучение этих процессов, происходящих в Азербайджане, является архиважным.

Часть I.

АЗЕРБАЙДЖАН – ЦЕНТР МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В КУЛЬТУРЕ ВОСТОКА

На протяжении истории каждому народу был предопределен генетический потенциал, который призван быть ведущей частью человечества в различных областях от религии и науки, до культуры и искусства.

Каждый народ, разумеется, в разном процентном соотношении может гордиться своими представителями, внесшими вклад в процесс духовного, культурного и научного развития человечества.

Наиболее ярко это наблюдается в науке и такой области искусства, как литература. Стоя перед томами сокровищницы мировой поэзии и прозы, понимаешь ее этническое многоцветие, которое, может быть, в силу глубины и масштаба представленных в прекрасных произведениях идей, теряет смысл, и авторы этих строк, отходя от своей национальной принадлежности, переходят в статус общемирового достояния.

И это справедливо. Вместе с тем, в рамках своей литературной деятельности, такие авторы обязательно сохраняют национальные особенности. В этом смысл и красота многообразия.

Выдающиеся имена становятся украшением истории народа, к которому они относятся, и ее признанием в мире. Ими безмерно гордятся, и это, безусловно, стимулирует этнос к дальнейшему развитию.

В этом отношении азербайджанцы обладают редкой особенностью. Всевышний Аллах распорядился так, и благословил этот народ внести вклад не только в культурное наследие своей нации, но и в историю культуры и научной мысли иных народов.

Азербайджанцы сыграли важнейшую роль в развитии духовности, искусства и науки не только своего этноса, но и народов Ближнего Востока.

Особенно ярко, к примеру, такой вклад наблюдается в истории культуры и науки такой богатой своими талантами страны как Иран.

Культура Ирана одна из самых богатых и древних в мире. Это страна на протяжении многих веков играла важную роль на мировой политической арене. Исторически регион находился в сфере интересов сильных держав, и здесь веками не ослабевали войны, торговля и взаимосвязи на политическом и культурном уровне. Богатая история государственности, внутрорегиональная многонациональность, история страны, ментальность, все это стало прекрасной почвой для зарождения и развития богатейшей духовности и культуры.

Важной вехой в становлении духовной и культурной истории Ирана и всего восточного региона стал приход Ислама. Ислам принес на эту землю мощный духовный заряд, новое понимание статуса личности и в обществе и в мироздании, новую метафизику, новый образ жизни. Эта религия изменила и облик, и науку и культуру региона.

Научная мысль Востока, в особенности исламского Востока не нуждается в представлении. Отношение к изысканиям, исследованиям, к познанию воспринималось в исламе, как часть духовного развития.

Первая сура Священного Корана, которая была ниспослана человечеству, начиналась с аята:

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

Читай во имя твоего Господа, Который сотворил все сущее (96.1), (33).

Ислам воспринимал науку, как способ богослужения, ибо постигая мир, созданный Всевышним Аллахом, рабы Господа вступали на вечный и бесконечный путь познания Творца. Пророк Мухаммад (с.а.с.) во многих хадисах призывал свою общину к исключительному уважению и почтению по отношению к ученым, и отмечал ценность процесса познания.

Все это стало предпосылкой для формирования сильной научной базы в этом регионе. За короткий период ученые Востока смогли заложить основы гуманитарных и точных наук. В регионе были центры, где целенаправленно переводились на арабский язык труды греческих ученых.

Как пишут норвежские ученые Г.Скиррбекк и Н.Гилье в своей работе «История философии»: «На Западе большая часть греческого философского и научного наследия была утрачена в период между падением Римской империи и культурным ренессансом XIII-XIV веков. Однако в «темные века» греческая философия и наука были перенесены в другую культуру. Часто говорят, что западная философия и наука «были сохранены» в арабо-исламской культуре. Это верно, но требует некоторых уточнений. Арабы не были пассивными хранителями греческой культуры и науки. Правильнее сказать, что они активно усвоили эллинистическое наследие и творчески развили его» (61).

Тот же источник, касаясь вопроса о масштабах научных центров исламского Востока, продолжает: «В X-XI вв. по всему исламскому миру уже существовали сотни библиотек с большими книжными собраниями. В период расцвета библиотека в Багдаде насчитывала около 100 000 рукописей. Для сравнения отметим, что в XIV в. Сорбонна (Париж) имела 2 000 манускриптов, приблизительно столько же, сколько и Ватиканская библиотека в Риме» (51).

Распространение ислама принесло эти достижения на все новые территории. Но это был обоюдополезный процесс. Так как, воспринимая арабскую культуру и науку, достижения исламских

ученых, новые страны и народы, принявшие ислам, также вносили в его научную базу свой потенциал.

Важную роль в развитии научной и культурной мысли ислама, наряду с арабскими народами, сыграли представители многих этносов региона – персы, тюрки и др.

Ценный вклад в исламскую науку внесли, безусловно, выходцы из Азербайджана. Рассказать в рамках данного исследования обо всех наших соотечественниках, которые участвовали в процессе развития научной мысли региона, невозможно. И в хронологическом аспекте, и с точки зрения различных научных направлений и областей, это слишком масштабный и трудоемкий проект.

Мы ограничимся лишь некоторыми, наиболее интересными и значимыми именами отечественной науки, о которых сказано сравнительно мало.

Азербайджанский ученый Ф.Алекперли в своей ценной работе «Возникновение и развитие научных знаний в историческом аспекте», прослеживает и исследует становление и развитие научной мысли в Азербайджане с древнейших веков по век XX (15).

Ученый, подробно анализируя исторические и политические процессы, имевшие место в регионе, связывает с ними формирование определенных условий для развития тех или иных направлений в науке. Ф.Алекперли касается фактов биографии и работ известных азербайджанских ученых. Этот список поистине широк. Азербайджанские ученые сыграли важную роль в развитии практически всех отраслей науки Востока (15).

Уже в на этапе ранней средневековой истории науки Востока мы встречаемся в книге Ф.Алекперли с таким выдающимся представителем теологии, философии и медицины, выходцем из Азербайджана, как Бахманйар (15).

Как отмечают источники википедии, ссылаясь на работы выдающегося азербайджанского ученого З.Мамедова, Абу ль Хасан Бахманйар ибн Марзбан Аджами Азербайджани родился в

южном Азербайджане в конце X века. З. Мамедов, в результате своих исследований предлагает дату 993 год. Дата кончины ученого 1066 год (69).

Наследие Бахманяра чрезвычайно ценно.

Тот же источник называет Абу ль Хасана Бахманяра выдающимся представителем восточного перипатетизма и одним из известных учеников Ибн Сины (69).

Как пишет Ф.Алекперли: «...Бахманьяр является автором произведений на арабском языке в области музыковедения, логики, естествознания, социологии и психологии. Такие книги Бахманьяра, как «ат-Тахсиль» («Познание») и «аль-Зинат» («Украшение») переведены на западноевропейские языки, в том числе, на немецкий. Многотомное произведение «ат-Тахсиль» было переведено на русский язык А.В.Сагадеевым и издано в 1983 г в Баку. Произведения Бахманьяра хранятся во многих рукописных фондах мира» (15).

Ценный вклад в изучение наследия Абу ль Хасана Бахманяра сделал выдающийся азербайджанский ученый профессор З.Мамедов. Сайт Центра эффективных инициатив приводит информацию о работах выдающегося ученого, о его вкладе в развитие истории философии (75).

На этом же сайте размещена и статья Фазиль Мустафа о жизненном пути и научном наследии профессора З.Мамедова (67).

Как сообщается в этих работах, до изысканий З.Мамедова бытовала мнение о том, что в Азербайджане не было профессиональных философов, исключение составлял только Бахманяр. З.Мамедов в итоге трудоемкой, многолетней, а именно 40-летней работы, выявил важные научные факты о работах выдающихся азербайджанских ученых, и издал целый ряд монографий высокого научного уровня об азербайджанских религиозных мыслителях и философах.

Ученый изменил представление об истории философии региона и представил мировой науке солидные изыскания, под-

тверждающие высокий уровень развития религиозной и философской мысли в нашей стране (67), (75).

Профессор З.Мамедов, в том числе, посвятил наследию выдающегося азербайджанского философа ценную монографию «Философия Бахманйара» (75).

Авторы википедии, со ссылкой на работу З.Мамедова «Философская мысль в Азербайджане в XI- XIII вв». , выделяют известный на Востоке философский труд «Ат Тахсиль» Бахманйара, который являлся важным источником для изучения логики, метафизики и восточного перипатетизма. По сообщению данного интернет ресурса рукописи этого труда хранятся в библиотеках Рампура, Бейрута, Ватикана, Лондона и др. городов (69).

Н.Б.Солтанова в своей статье «Физика в трактате «ат Тахсиль» Азербайджанского ученого XI века Бахманйара аль Азербайджани» отмечает некоторые темы, обсуждаемые в этом трактате:

1 Строение вещества; опровержение утверждения о том, что тело состоит из неделимых частиц. 2 Движение и покой. Виды движения по природе и траектории. 3 Пространство и время, их особенности. 4 Световые явления, природа солнечных лучей и механизм созерцания. 5 Звуковые явления; процесс происхождения, распространения, восприятия звука (62).

Один из иранских ученых Мортаза Шахид Моттахари в своей работе «История. Взаимное служение ислама и Ирана», отмечает преемственность в произведениях Ибн Сины и Бахманйара и пишет: В первую очередь, он (Бахманйар) прославился, благодаря многочисленным вопросам, которые он задал Ибн Сине, и на которые Ибн Сина дал ответ (большая часть книги Шейха (ибн Сина)»Мубахисат» представляет собой ответы на вопросы Бахманйара), (40).

Иранский ученый отмечает также ценность философских трудов Бахманйара и, в особенности, его работы «Ат Тахсиль», которая по словам исследователя «множественно упоминается в

книгах по философии. Неоднократно ссылается на эту книгу Садр Мутаальхин в своей книге «Асфар», а также дважды – на его книгу под названием «Аль-бахджа ва ас-саада» (40).

Следует отметить также, что «Ат Тахсиль» Бахманйара, с приложением самого М.Ш.Моттахири, был изданом Институтом Богословия и Исламских наук (40).

Еще одним ярким представителем исламской научной мысли является Хатиб Табризи. Автор книги «Выдающиеся сыны древнего и средневекового Азербайджана» Чингиз Каджар, ссылаясь на работы профессора М.Махмудова и Г.Аллахвердиева, пишет Йахья бин Али Хатиб Тебризи родился 1030 году в городе Тебризе. В упомянутой книге Ч.Каджара, приведены мнения средневековых ученых о роли Хатиба Табризи в науке Востока: «поэт и комментатор, признанный арабскими учеными как «предводитель литературных, грамматических и лексикографических наук», «мудрый шейх, предводитель арабских наук, знаменосец литературоведения, источник мудрости», «предводитель всех литераторов» (30).

Все эпитеты были получены, повторимся, от арабских литературоведов и лингвистов. Хотелось бы отметить, что арабская лингвистика и литературоведение, являются одними из самых древних и теоретически разработанных в мире.

Отношение к слову и поэзии подвигло арабских ученых к развитию поэтики и литературоведения. Как пишет И.М. Фильштинский в своей работе «Литературная критика и поэтика IX–XIII вв» уже к VIII–IX вв появляются поэтологические трактаты Абу Убайда (728–825) и аль-Асмаи (ок. 739 – ок. 830), а позже мы видим такие труды, как фундаментальные исследования Ибн Кутайбы (828–889), ас-Саалиби (961–1038), «Книга двух искусств – прозы и поэзии» аль-Аскари (ум. 1005) и «Опора в искусстве поэзии и ее критики». Ибн Рашика (ум. 1070), «Книге о новом стиле» («Китаб аль-бади») Ибн аль-Мутацца и др (63).

В арабском обществе еще до прихода ислама отношение к слову, к поэзии, поэтологическая грамотность были на высоком уровне.

Один из теологов отметил, что на протяжении истории человечества Всевышний Аллах, направляя пророков в общество, наделял Своих избранных посланников такими сверхвозможностями, подтверждающими их пророческую миссию, которые должны были быть поняты и оценены этим народом. Поэтому проявления пророчества были связаны с такими областями науки и знаний, которые были развиты именно в том обществе. Так пророк Муса (Моисей), (д.б.м.) был наделен чудесными способностями, например, посохом, который по приказу Всевышнего, мог менять свой облик. В Египте на тот период было развито искусство волшебства. Вот почему, сведущие в этом египтяне и, в особенности, те, кто занимался этим искусством, тотчас поняли, что возможности пророка Мусы (д.б.м.) превосходят человеческие, и приняли его веру. Знаменательно то, что первыми из окружения фараона, веру пророка Мусы (д.б.м.) приняли именно люди, занимавшиеся волшебством.

Пророк Иса (д.б.м.) был наделен Всевышним Аллахом способностью исцелять больных, потому, что общество, в которое он был направлен, славилось врачами и искусством врачевания.

Пророк Мухаммад (с.а.с) был наделен Священным Кораном, и принес его в общество, в котором умели ценить красоту слова. Есть сведения, что услышав аяты и суры Священного Корана, арабы срывали стихи своих поэтов с Каабы, потому, что те блекли в сиянии Слова Божьего. Священный Коран был тотчас принят и оценен арабским обществом, именно благодаря их знаниям в области словесности.

Мы коснулись этого вопроса для того, чтобы показать уровень, которого достигло арабское литературоведение потому, что с этой точки зрения, отношение и оценка, которую заслужил азербайджанский ученый, занимавшийся арабской лингвистикой и литературоведением, приобретают иное звучание.

Заслужить такие эпитеты от столь сильных знатоков, будучи при этом не носителем языка, мог только сильный ученый.

Как пишет Ч.Каджар, Хатиб Табризи много путешествовал по городам исламского Востока.

Здесь было бы уместным упомянуть один интересный факт, о котором пишет Ч.Каджар, ссылаясь на работы проф. М.Махмудова. М.Махмудов приводит рассказ самого Хатиба Табризи, который рассказывает, как однажды беседовал со знаменитым ученым аль-Маари (30).

Как отмечают источники википедии, Аль Маари является одним из известных арабских философов и филологов. Тот же источник, ссылаясь на работу Филипа Хури Хитти, пишет о том, что ученый был незрячим с детства (49), (77).

Но это не помешало ему получить прекрасное образование.

Ч.Каджар в упомянутой работе, ссылаясь на труд профессора М.Махмудова, который на основе фактов, отмечал феноменальную память аль-Маари, и приводит со слов самого Хатиба Табризи рассказ об одном событии, произошедшем в его жизни.

Как рассказывает Хатиб Табризи, в один из дней он сидел в мечети в городе Нумане вместе с аль Маари. По словам Хатиба он уже два года не виделся ни с кем из своих соотечественников. В этот день в мечеть вошли двое и Хатиб узнал в одном из них своего соседа.

Он попросил разрешения у аль Маари отлучиться и стал вести беседу со знакомым. После того, как они расстались, аль Маари спросил у Хатиба на каком языке те говорили и Хатиб ответил на «азербайджанском» (!).

Аль Маари тогда сказал: «Я не знаю этого языка, но запомнил все, что вы сказали». Затем он слово в слово повторил то, что услышал.

Как пишет Хатиб, его сосед и соотечественник с удивлением спросил: «Как он может запоминать. То чего не понимает?» (30).

Хатиб приводит этот случай для того, чтобы указать на память аль Маари, но для нас важно упоминание именно азербайджанского языка.

Как отмечает Ч.Каджар, со ссылкой на работы М.Махмудова, ученый прожив несколько лет в Сирии, едет в Багдад и здесь происходит важное событие в его жизни, а именно он оказывается в знаменитом багдадском Низамийе (30).

Низамийе это целая сеть учебных заведений, которые были основаны по приказу сельджукских правителей и на их средства. Основным инициатором и организатором этих медресе был знаменитый визирь сельджуков Низам аль-мульк. Его именем и были названы эти учебные заведения.

Надо сказать, что организация и оснащенность Низамийе были на высоком уровне. Низамийе были открыты во многих городах. Как пишет Козем Б.Х. В своей работе «Возникновение и принципы организации учебных центров – Низамийи в эпоху сельджукидов»: »для преподавания в этих медресе приглашались крупнейшие учёные исламского мира, среди которых были и такие известные учёные, как аль-Газали, аль-Джувейни, Абу Исхак аш-Ширази и многие другие» (32).

Источники википедии, со ссылкой на статью Абубакра Дациева в статье в газете «Ассалам», пишут о том, что медресе Низамия были построены практически в каждом более или менее крупном городе, среди которых Багдад, Нишапур, Балх, Герат и Исфахан. Низамия была построена даже в дагестанском селе Цахур. Как пишет А.Дациев это учебное заведение по сей день считается самым старым на территории Российской Федерации! (53), (22).

Однако самой известной Низамийе было медресе в Багдаде. Как пишет тот же интернет источник, «образование в медресе было бесплатным Оно считалось крупнейшим высшим учебным заведением средневековья» (53).

Багдадское низамия было знаменито своими учениками и учителями. Знаменитым «выпускником» этого учебного заведения был выдающийся поэт Саади Ширази.

Мы уже упоминали об оснащенности багдадского низамия. Можно предположить какие были масштабы у библиотеки этого знаменитого учебного заведения. В своей книге Ч.Каджар, ссылаясь на труд М.Махмудова, посвященному жизни и наследию Хатиба Табризи, приводит информацию о том, что: «С первого дня открытия университета «Низамийя» и до конца своих дней, почти 40 лет, Хатиб Тебризи преподает там филологию и является организатором и руководителем (!) прославившейся, в дальнейшем библиотеки» (30).

И далее автор добавляет: «В Багдаде в то время, были собраны ученые всего Востока и, чтобы выделиться среди них, нужно было к тому времени иметь уже достаточно большой научный авторитет» (30).

Наследие Хатиба Табризи богато и ценно. Согласно материалам из википедии, ученый является автором четырехтомного комментария к Священному Корану. Наряду с этим список научных изысканий исследователя включают трактаты по теологии, литературоведению, грамматике, теории арабской поэтики и др (71).

Тот же источник отмечает, что выдающийся азербайджанский востоковед, один из исследователей наследия Хатиба Табризи, М. Махмудов делит все наследие ученого на четыре части исследования в области религиоведения, трактаты по лингвистике, изыскания по проблемам поэтики и комментарии к поэтическим произведениям (71).

В книге Ч.Каджара и в работах М.Махмудова указано, что Хатиб Табризи ушел из жизни в Багдаде в 1109 и в этом же городе был похоронен (30).

Повторимся, что плеяда средневековых азербайджанских ученых столь богата, что упомянуть и рассказать обо всех невозможно.

Каждый из них оставил яркое наследие в различных областях науки. Одним из таких личностей был, безусловно, религиозный мыслитель, ученый и поэт Махмуд Шабистари. Авторы проекта Бухарский квартал Петербурга отмечают, что Махмуд Шабистари родился недалеко от Тебриза в местечке Шабистар (19).

Авторы «Философской библиотеки» называют годами жизни ученого 1287–1320 (13).

Интернет источники, сообщающие о наследии выдающегося ученого и поэта, в основном ссылаются на работу известного азербайджанского исследователя Ш.Исмайлова «Философия Махмуда Шабустари». На этот же источник указывает и Ч.Каджар, и источники википедии. Со ссылкой на работы Ш.Исмайлова упомянутые источники сообщают о том, что ученый является автором целого ряда трудов среди которых «Саадатнаме», «Хагг уль йагин фи марифати Рабб уль алемин», «Мират уль мухаггигин». Но одно из самых известных произведений М.Шабистари это поэма «Гольшане раз» (72), (27).

Википедия, ссылаясь, на работы Ш.Исмайлова, отмечает, что эту поэму Шабистари написал в ответ на вопросы известного хорасанского ученого Мир Хусейна Саадата. Ученый сначала отказался отвечать на вопросы хорасанца, объяснив это тем, что ответы уже содержатся в его произведениях, но затем, по совету своего учителя Амин ад Дина Табризи, решил сделать это в поэтической форме. В результате появилось один из самых глубоких и красивых примеров поэзии Востока поэма «Гольшане раз» («Цветник тайн»), которая заслужила всемирную известность (72).

Поэма «Гольшане раз» это религиозно-философское произведение, в котором излагаются взгляды автора на духовную любовь человека к Всевышнему Аллаху, о путях совершенствования личности.

Это произведение приобрело огромную известность на Востоке. Упомянутый выше интернет ресурс ссылается на исследо-

вания Ш.Исмайлова, который пишет о том, что только в XIV-XVIII вв. на эту поэму было написано 18 комментариев. Это говорит о широкой популярности произведения в литературе Востока. Автор также отмечает, что уже в 1426 году поэма «Гольшане раз» была переведена азербайджанским поэтом Ширази на родной язык, затем был осуществлен перевод на турецкий и целый ряд европейских языков (72).

Один из российских ученых, А.А.Лукашев, посвятивший целый ряд трудов исследованию религиозно-философских воззрений М.Шабистари, пишет: «Сочинение Махмуда Шабистари «Цветник тайны» является важной вехой в истории исламской мысли. Оно объединяет в себе целый ряд традиций суфийских сочинений, развивавшихся прежде самостоятельно». А.А.Лукашев указывает на то, что поэма привлекла внимание европейских ученых в 18 веке. По словам автора, после этого появляется целый ряд переводов на английский, французский, немецкий и русский языки, причем на некоторые европейских языках существует сразу несколько вариантов перевода, первый критический текст поэмы был издан в Тегеране Джавадом Нурбахшем (35).

Наследие Махмуда Шабистари – это яркая страница и религиозной, научной и литературной мысли Востока. На эту поэму писались специальные комментарии.

А.Лукашев в своей статье «История изучения поэмы Махмуда Шабистари «Цветник тайны» отмечает «Популярность «Цветника тайны» была весьма высока в средневековье и не ослабевает до сих пор. Существует около сорока комментариев и толкований к поэме...» и далее «Начиная с XV в., когда был составлен первый комментарий к поэме Махмуд Шабистари, принадлежащий перу Шейха Рух-бахшана Бадахшани – преемника шейха Мухаммада Нурбахша (основатель ордена нурбахшийя), практически ни одно столетие не обходилось без появления нового толкования поэмы» (35).

Традиции Бахманйара, Махмуда Шабистари, Хатиба Табризи продолжали и знатоки исламской философии и права.

Азербайджанские ученые сыграли важную роль в развитии такой научной области Востока как мусульманское юриспруденция. Среди известных факихов Азербайджана Ф.Алекперли называет Ахмеда Бейлагани (1176-1277), Аминаддина Варави (1163-1224), Шамсадина Хойи (1187-1240), Шихабеддина Хойи (1229-1294), Абульфаза Ардабили (умер в 1228), Таджаддина Урмави (1177-1255), Абульманакиба Занджани (умер в 1258), Иззаддина Казвини (умер в 1251), Шамсадина Хосровшахи (1184-1252) и др (15).

Ф.Алекперли среди, выдающихся представителей мусульманской философии и исламского права называет Сирадж ад Дина Урмави и Тадж ад Дина Урмави (15).

Исследованием жизни и наследия этих выдающихся ученых занимался известный азербайджанский философ профессор З.Мамедов.

Со ссылкой на работы З.Мамедова источники википедии сообщают о том, что Сираджа ад Дин Урмави родился в 1198 году в Южном Азербайджане, получил образование в Мосуле и прожил некоторое время в Дамаске (70).

Упомянутый источник, пишет о том, что до 1246 года ученый уже являлся казием города Коньи и участвовал в важных научных диспутах (73).

Примечательным фактом биографии ученого является то, что по сообщениям одного из интернет ресурсов, а именно работы Группы журналистов исследователей «Азадлыг», и, скорее всего это вновь ссылка на работы З.Мамедова, в Конье Сирадж ад Дин Урмави вел научные беседы с Джалал ад Дином Руми (66).

Более того, этот источник сообщает, что Шамс ад Дина Афлаки в своем известном труде «Манакиб уль арифин» высоко ценит знания и талант азербайджанского ученого, и пишет об уважительных отношениях между Джалал ад дном Руми и Сирадж ад Дином. В знак этого уважения, будучи главным казием Коньи, именно Сирадж ад Дин вел церемонию похорон выдающегося поэта Востока и всего мира Джалал ад Дина Руми (66).

Как отмечают и упомянутый выше электронный ресурс и источники википедии, со ссылкой на работы профессора З.Мамедова, к произведениям Сирадж ад Дина Урмави относятся такие труды, как «Выражение Истины», «Восход светил», «Методы», «Трактаты о диалектике» и др (66), (73).

На протяжении всей истории исламской науки мы видим азербайджанских мыслителей, которые обогатили науку не только своего региона, но и иных этносов. Ярким примером такого вклада может служить наследие азербайджанского философа Юсуфа Карабаги.

Как отмечает интернет ресурсы, ссылаясь на исследования А.Алиева и Х.Исмаиловой, Юсуф Карабаги был известен своими трудами в области исламского права, философии, логики и поэзии. По сведениям тех же авторов, Юсуф Карабаги родился в небольшом селении недалеко от города Барда. Отец Юсуфа был известным теологом. Он увозит сына в Иран для продолжения образования и определяет его к выдающемуся ученому ХабибАллаху Мирзаджану Ширази (74).

Юсуф Карабаги не смог оставаться в Иране, и в скором времени едет вместе с учителем в Среднюю Азию, где обосновывается в Самарканде, а затем переезжает в Бухару (74).

Ф.Алекперли в своей статье «История медицины в Азербайджане» отмечает, что Юсуф Карабаги был талантливым врачом. Как пишет Ф.Алекперли Юсуф Карабаги написал множество медицинских трактатов, а также «Пояснение и толкования к «Канону врачебной науки» Ибн Сины» (16).

Юсуф Карабаги оказал сильное влияние на научную мысль Средней Азии. Целый ряд ученых именно этого региона подтверждают роль азербайджанского философа в формировании общественно-философских воззрений в среднеазиатской науке.

Узбекский ученый М.Нуритдинов посвятил отдельное исследование воззрениям азербайджанского мыслителя под названием «Юсуф Карабаги и общественно-философская мысль Средней Азии XVI-XVII веков» (44).

Другой исследователь Б.Б. Ибрахимов в своей работе «Общественно-философская мысль в Средней Азии (XVI–XVII в.)», рассматривая историю развития общественно-философских воззрений в регионе, делит ее на два этапа, первый из которых связывает с именами Мирзаджана Ширази, Юсуфа Карабаги, Мухаммада Шарифа Бухари, Иноятулла Бухари и ряда других (25).

Б.Б.Ибрахимов высоко ценит вклад Юсуфа Карабаги в науку региона. Так, касаясь научного направления Ю.Карабаги, исследователь отмечает: «Другой крупный представитель общественно-философской мысли Средней Азии XVII в. Ибн Мухаммаджан Юсуф ал-Карабаги являлся выходцем из Азербайджана. Несмотря на всю сложность социально-политической обстановки, он сумел достойно продолжить некоторые прогрессивные взгляды и тенденции предшествовавших ему великих мыслителей» (25).

Исследователь отмечает особенности мировоззрения азербайджанского ученого: « По утверждению Карабаги, все вещи мира находятся между собой в причинно-следственных отношениях» (25).

Ибрахимов Б.Б. особо отмечает роль азербайджанского ученого в развитии научной мысли Востока: «Он (Юсуф Карабаги) внес большой вклад в общее развитие общественно-философской мысли как в Азербайджане, так и в Средней Азии, в частности, в Узбекистане» (25).

Азербайджанские ученые внесли ценный вклад в такие области науки, как музыковедение. Одним из выдающихся личностей этой области является Сафи ад Дин Урмави.

Ф.Алекперли называет среди знаменитых трудов Сафи ад Дин Урмави работу «Шарафиййе» («Послание Шарафаддину») и трактат о музыкальных тонах (15).

Как пишет один из источников википедии, Сафи ад Дин Урмави считается основоположником теоретического исследования макамо-мугамной музыкальной традиции (57).

В этом же интернет ресурсе есть ссылка на энциклопедию «Ираника», которая в статье о музыке Азербайджана, называет Урмави одним из наиболее крупных представителей ирано-арабо-турецкой культуры макама (57), (76).

Авторы музыкального словаря, со ссылкой на музыкальную энциклопедию, отмечают:

«Его труды подытожили многовековые достижения арабской музыкальной теории, а также древнегреческой и персидской музыкальной науки» (42).

Объять все направления, науки Востока, в которых мы наблюдаем вклад азербайджанских ученых, невозможно. В данном исследовании мы коснулись малоизвестных фактов. Надо сказать, что Азербайджан был не только регионом, из которого вышли знаменитые ученые, но и страной, где функционировали сильные, научные центры.

Ф.Алекперли в своей статье «Азербайджанский Ренессанс» касаясь таких центров, пишет о марагинской обсерватории. По сведениям ученого обсерватория в Мараге была построена по приказу Газан-хана и по совету выдающегося ученого Насир ад Дина Туси, которому помогал другой известный астроном Мухаэддин Орди. В стенах этой обсерватории были созданы ценные научные труды (14).

Важным моментом здесь является влияние таких научных центров на развитие мировой науки. Так, по словам Ф.Алекперли: «В обсерватории составлялись научные трактаты, карты звездного неба и астрономические таблицы. Написанные там труды частично были переведены на латинский язык и стали известны в странах Западной Европы. Марагинская обсерватория оказала существенное влияние на развитие астрономии в других странах мира» (14).

Автор статьи приводит интересную информацию о том, что в марагинской обсерватории среди учеников Н.Туси был китайский астроном Фао Мун Чи и ряд других китайских ученых.

По сведениям Ф.Алекперли: «Проработав некоторое время в Мараге, Фао Мун Чи и Джамаледдин Бухари вернулись в Китай, взяв с собой чертежи обсерватории. Только после этого стало возможным строительство обсерватории в Пекине» (14).

Автор статьи упоминает также и такой сильный и известный научный центр Востока как «Дар уш Шафа» в Тебризе, который был построен по инициативе визиря Ильханов ФазлАллаха Рашид ад Дина. Как пишет Ф.Алекперли: «В этом центре находились медресе (средневековый университет), а также медицинские учреждения и больница. Здесь, наряду с учеными-уроженцами Азербайджана, трудились и специалисты, приглашенные из Китая, Индии, Сирии и Египта Ежегодно в этот университет приезжали 6-7 тысяч студентов из разных стран Востока с целью обучения естествознанию, философии, медицине, астрономии, логике и другим наукам» (14).

Ислам был формирующим моментом не только в развитии научной мысли, но и оказал огромное влияние на культуру и искусство Ближнего Востока.

Важным элементом здесь явилось влияние арабского языка и словесности. Литература является той областью искусства, которая наглядно отразила в себе это влияние и его великолепные результаты.

Ярким примером потрясающего синтеза двух культур выступает персидская литература. Переняв жанровую систему, количественную метрику арабской поэзии, персидская литература вошла в новую эру своего развития, которая является гордостью ее истории.

Литература на фарси одна из самых богатых страниц мирового культурного наследия. Ее история уходит корнями в глубокую древность, но пожалуй самая значимая талантливая часть этого богатства, безусловно, берет свое начало с раннего средневековья и, можно сказать, продолжается по сей день.

Именно этот период мы хотели рассмотреть в контексте роли этнических азербайджанцев в формировании персидской или персоязычной литературы.

Традиционно упомянутый период или классический средневековый период все школы востоковедения делят на несколько стилей, которые сменяли друг друга в хронологическом порядке.

Современный фарси или как его называют *дари* стал языком поэзии Рудаки и Саади, Джалал ад Дина Руми и Хафиза Ширази, Амира Хосрова и Хаджу Кермани.

И с этим веком связано формирование первого стиля в поэзии на фарси -стиля хорасанского. Как пишет один из выдающихся иранских исследователей Сирус Шамиса свое название этот стиль получил по месту возникновения то есть востока Ирана (11).

Хорасанский стиль это заря персидской классической поэзии. Сирус Шамиса отмечает, что представители этого стиля стали основоположниками вековых традиций и мастерами для последующих поколений. Не удивительно, что одного из самых известных представителей хорасанского стиля – выдающегося поэта мирового уровня Рудаки Самарканди иранцы называют «отцом персидской поэзии» (11).

Хорасанский стиль зародился на Востоке Ирана, но изменившаяся политическая жизнь региона стала причиной распространения новоперсидского языка и его утверждения на новых территориях. Среди них оказалось и Закавказье и, в частности, Азербайджан.

Приход языка дари в Азербайджан тотчас стимулировал развитие поэзии на этом языке. Этнические азербайджанцы откликнулись на это веяние потрясающей плеядой поэтов.

Как пишет один из известных советских востоковедов Е.Бертельс: «...персидская поэзия все же начинает продвигаться и на запад. Уже в начале XI в. в Тавризе появляется такой исключительный мастер персидского стиха, как знаменитый Катран ибн Мансур» (3, с.28).

Почти все источники пишут о скудности информации относительно жизни поэта. Академик Е.Э.Бертельс и ряд других источников, в том числе и Н. Гараманлы указывает датой рождения поэта 1010 год.

Н.Гараманлы приводит в своей работе высказывание Рашид ад Дина Ватвата, который сказал что в жизни он знал только одного истинного поэта-это Хаким (мудрец) Катран Тебризи (21).

Хотелось бы только отметить, что вышеупомянутый Рашид ад Дин Ватват это не просто поэт. Этот человек известен в персидской литературе и своим поэтическим наследием и, конечно же, поэтологическими исследованиями. Самый знаменитый труд Рашид ад Дин Ватвата в области поэтики это прекрасный теоретический трактат «Сады волшебства в тонкостях поэзии».

Как пишет И.Ю.Чалисова «Практически каждое сочинение по поэтике персидского языка так или иначе «учитывало» книгу Ватвата... И по сей день на филологических факультетах иранских университетов этот трактат изучают как основу для понимания персидской классической поэзии (20).

Получить столь высокую оценку у такого знатока поэзии как Рашид ад Дин Ватват было делом нелегким.

Для Катрана Табризи персидский был не родным языком, но его вклад в поэзию на этом языке стал жемчужиной литературы на фарси.

Еще одним доказательством этого, является замечательный курьез, который произошел с диваном стихов Катрана Табризи. Как пишет Е.Э.Бертельс, долгое время исследователи, в том числе и западноевропейские, считали этот сборник диваном Рудаки Самарканди.

По сведениям, которые представляет Е.Бертельс, только усилиями выдающегося иранского ученого и поэта Реза Кулихана Хедаята это недоразумение было устранено (3).

То есть стихи Катрана, а вернее все его наследие, знатоки персидской литературы приняли за стихи поэта, которого назы-

вают «отцом персидской поэзии». Полагаем такая ошибка лучший показатель таланта тебризского мастера.

Катран Табризи не ограничился только поэзией на фарси. Как указывает Н.Гараманлы, Катран составил один из самых древних толковых словарей персидского языка. Н.Гараманлы, касаясь этого вопроса пишет: «Большинство средневековых авторов называют словарь просто по имени автора – «Логате Катран» («Словарь Катрана»), или в том же значении – «Фарханге Катран». Затем появляется указание, что словарь назывался «Тафасир фи лугатил-фурс», или, как впоследствии его стали сокращенно называть «Тафасир».

Катран Тебризи оставил заметный след в развитии поэзии и лексикографии Азербайджана и Ирана» (21).

Как мы видим у же в этот период, то есть на заре формирования персидской классической поэзии, азербайджанские поэты уже вносят ценнейший вклад в сокровищницу литературы на фарси.

Однако азербайджанцы в это время выступают на арену не одним или несколькими именами, а целой школой, названной в честь региона возникновения «азербайджанской» или «ширванской».

Как отмечают и советские, и западноевропейские и иранские ученые, во главе этой школы стоял выдающийся азербайджанский поэт Абу ль Ала Гянджеви. Все эти источники называют Абу ль Ала Гянджеви одним из основателей ширванской школы персоязычной поэзии.

Хотя диван поэта утерян, но сохранившихся отрывков и произведений достаточно, чтобы назвать Абу ль Ала виртуозным поэтом.

Абу ль Ала, оставил след в поэзии и как учитель и наставник. Е.Бертельс называет его выдающимися учениками Хагани Ширвани и Фалаки Ширвани (4).

Большинство исследователей, в том числе и иранских, склоняются к тому чтобы придать азербайджанской школе статус

стиля, то есть по их мнению здесь следует говорить не о локальной школе, а о стиле в персидской поэзии. Азербайджанский стиль в персидской поэзии отличается интеллектуальностью и глубиной. Сильная форма в тандеме с эрудицией представляют особенность этого стиля в поэзии на фарси.

Одним из наиболее ярким представителем азербайджанской школы является Хагани Ширвани. Поэзия Хагани представляет собой яркий пример духовного развития, поэтического таланта, широкого интеллекта и тонкого вкуса.

Один из выдающихся востоковедов мира, чешский ученый Ян Рипка отмечает, что произведения поэта порой столь глубоки и интеллектуальны, что без соответствующей подготовки и комментариев их понять невозможно.

Ян Рипка пишет, что для Хагани конгениальность читателя это само собой разумеющийся момент (28).

Интересно то, что в поэзии Хагани присутствует такой жанр как *фахрийе* самовосхваление. Но ни авторы средневековых антологий – одни из самых строгих и взыскательных ценители поэзии и литературного этикета. ни поэты не укоряют Хагани в преувеличении своих достоинств.

Наиболее известные произведения поэта это его поэма «Подарок двух Ираков», в которой рассказано о паломничестве в Мекку, и конечно знаменитая касыда «Развалины Медаина». В последней поэт взирая на развалины царского дворца в Ктесифоне размышляет о бренности мира. Это произведение одно из самых известных и красивых, талантливых примеров жанра касыды в персоязычной литературе.

Влияние Хагани на литературу Востока огромно. На произведения поэта писались назире или литературные ответы.

Здесь хотелось бы привести небольшую выдержку из книги Е.Бертельса «Низами и Физули». Ученый, исследуя только одну суфийскую касыду Хагани, которая начинается с изумительной строки:

Мое сердце – старец–наставник, а я – его способный ученик.

отмечает: «Все громадное значение этой касыды для литературы Ближнего Востока станет понятно, если указать сколько крупнейших поэтов пытались писать на нее ответы (назира), соблюдая ее размер и рифму». (4).

Ученый упоминает среди авторов назира Амира Хосрова Дехлеви, Абд ар Рахмана Джами, Мир Али-шира Навои, Имад ад Дина Насими, Мухаммада Физули (4).

И затем развивает свою мысль: ... мои скромные познания в области литератур Ближнего Востока позволили мне найти только эти пять ответов. В Средней Азии от одного старика – начетчика мне приходилось слышать, что таких назира ему известно более шестнадцати!»

Е.Э.Бертельс, учитывая происхождение упомянутых авторов назире, приходит к выводу: «Амир Хосров связывает его (Хагани) с индо-персидской поэзией, Навои и Джами устанавливают связь с тимуридским кругом, Насими и Физули показывают его влияние на иракский круг азербайджанских поэтов» (4, с. 62-63).

Однако влияние наследия Хагани Ширвани на развитие персидской поэзии ограничивается не только назире. Е.Э.Бертельс отмечает еще один важнейший момент – это формирование газели как самостоятельного жанра.

В персоязычной литературе газель сформировалась позже касыды. Традиционно заслуга придания газели завершенной формы относили к наследию выдающихся поэтов Саади Ширази и Хафизу Ширази.

Однако, по мнению Е.Бертельса, газели у Хагани «являются самостоятельной формой, в противоположность поэтам хорасанского стиля, у которых она тогда была на втором плане». Из этого ученый делает вывод, с которым согласны и иные исследователи, а именно формирование газели как самостоятельного жанра «не может быть отведена целиком поэтам Ширази. Большая заслуга в этом принадлежит и Хакани» (4, с.63).

Плеяду поэтов азербайджанской школы дополняют такие авторы, как Фелеки Ширавани и Муджир ад Дин Бейлагани.

Разумеется самым ярким представителем азербайджанской школы поэзии является Низами Гянджеви. Писать о Низами в этом исследовании и легко и трудно.

Низами является автором стихотворного дивана и пяти маснави, объединенных в цикл «Хамсе». Диван поэта к сожалению практически полностью утерян, но и пяти поэм достаточно, чтобы говорить о глубине и многообразии таланта Низами. Да и на всем Востоке поэт прежде всего известен своей «Пятерицей».

Всевышний одарил этого человека изумительным талантом, ощущением формы и содержания. Этот талант, в сочетании с глубокими фундаментальными знаниями, заблистал ярким и каждый раз разным блеском в пяти поэмах Низами. Каждая из них это новая грань таланта поэта.

Если «Сокровищница тайн» это тонкая, социальная, а порой глубоко психологически-духовная дидактика, то «Лейли и Медджнун» уводит в мир подсознательного стремления сына человеческого к Всемилосердному Аллаху.

Если «Хафт пейкар» («Семь красавиц») в яркой увлекательной манере рассказывает о жизни одного монарха, и при этом богата мудрыми наблюдениями и вновь глубокой дидактикой, то «Хосров и Ширин» это прелестный рассказ об изменении внутри самого человека, рассказ не только и не столько о любви, сколь о натуре человеческой, о том как труден путь совершенствования и как он прекрасен.

И венчает блистательную плеяду итог жизненных наблюдений поэта -поэма «Искандернаме». В этом произведении мы видим и самого Низами на склоне лет, мы видим итог долгого и красивого жизненного пути поэта.

Как отмечают ученые, в том числе Е.Бертельс, М.Кязимов и др. В поэме «Искандернаме» представлены три ступени жизни Искандера Македонского от правителя к философу и от философа к пророку (4).

В этой поэме Низами представляет и пример государственного устройства наиболее верного в понимании мыслителя (4).

В настоящем исследовании мы не намерены анализировать феноменальное литературное наследие Низами Гянджеви. Рассказать о пяти поэмах Низами невозможно в пределах данного труда. Наша цель проследить влияние этих произведений на литературу Востока, и в том числе персоязычную поэзию. Это влияние было столь ощутимым, что исследователи назвали его результатом школой.

Яркость и многогранность цикла «Хамсе» не могла быть незамеченной восточными ценителями поэзии, и «Пятерница» тотчас стала объектом внимания, а уже через некоторое время стали появляться поэтические ответы. Этот процесс продолжался до середины XX века. Теоретически он не завершен и может иметь продолжение и сегодня.

Надо сказать, что для западного читателя трудно понять суть жанра поэтического ответа в литературе Востока. Этот жанр сформировался под влиянием феномена слова в культуре ислама.

В Священном Коране Всевышний Аллах призывает к уважению и высоко оценивает перо и слово.

Как пишет М.Д. Кязимов, слово в исламе стало восприниматься как живое понятие, которое состоит из формы и содержания, то есть из души и тела. И если фонетические стилистические особенности воспринимались как материальное проявление слова или «лафз», то смысловая нагрузка -»мана» выражения считалась его душой. Такое понимание относили и к литературным произведениям. Соответственно, стиль, манеру изложения воспринимали материальной сущностью художественного произведения, а смысл и идею – духовной или «мэна» (5).

Исходя из этого и сложилась традиция поэтических ответов на наиболее яркие и красивые литературные произведения.

Как пишет М.Д. Кязимов, если произведение отличалось глубокой идеей, то ее подхватывали развивали и считали возможным облечь в новую форму. То есть оригинальная идея ав-

тора или *мэна* могла быть пересказана в новой форме или *лафзе*. Так появилась грандиозная школа литературных ответов или *назире* (5).

Ответы писались и на крупные произведения, и на малые жанры.

Можно назвать десятки имен и произведений в литературе Востока, которые стали предметом для поэтических *назире*. Но, пожалуй, самый интересный масштабный пример *назире* можем наблюдать в традиции ответов на «Хамсе» Низами.

Ареал ее охватывал территорию от Индии до Закавказья, а история – период начиная с XIII века по век XX .

Первый поэтический ответ появился в Индии и автором ее является выдающийся представитель персоязычной поэзии средневековья Амир Хосров Дехлеви.

Амира Хосрова называют основоположником школы Низами. Его начинание подхватили и развили такие выдающиеся имена не только восточной, но и мировой поэзии, как Хаджу Кермани, Салман Саведжи, Абд ар Рахман Джами, Джамали Табризи Алишир Навои, Мухаммад Физули и многие, многие другие.

Школа Низами это феномен. Один из исследователей *назире* на поэмы Низами Гянджеви выдающийся азербайджанский ученый Г.Алиев приводит в своей работе « Темы и сюжеты Низами в литературах Востока» высказывание Луи Арагона о том, что « По сюжетам Низами создано больше подражаний, чем поэм написанных на греческом и латыни» (2, с.8).

При этом мы упомянули здесь имена, имеющие отношение к персидской, азербайджанской или тюркской литературе. Но *назире* на поэмы Низами украсили и другие литературы Востока и Кавказа. Г.Ю.Алиев в упомянутой работе ссылается на исследование таджикского ученого Н.Гуллаева, который говорит о «116 поэмах на тему легенды о Меджнуне на языках фарси, тюркских . урду, курдском, пенджаби, арабском, грузинском, армянском и пушту» (2, с.7).

Автор также опирается на исследования выдающегося советского востоковеда Е.Э.Бертельса, который упоминает о 46 назире только на поэму «Махзан аль асар» («Сокровищница тайн») Низами (2, с.6).

Воистину Господь одарил Низами талантом и редкими жемчужинами, которые не только заблистали в наследии самого поэта, но и привлекли внимание сотен мастеров пера на многие века вперед.

Наследие Низами Гянджеви оказало огромное влияние на литературу Востока. Но плеяда азербайджанских авторов в персоязычной литературе и науке Ближнего Востока не утратила своего блеска и после Низами Гянджеви.

В XIII-XIV веках азербайджанские поэты продолжают украшать литературу Востока своими талантливыми произведениями.

Среди выдающихся представителей литературы этого периода такие имена, как Хумам Табризи, Ассар Табризи, Насими и др.

Говорить о влиянии на поэзию Востока такого поэта как Имад ад Дин Насими излишне.

Вместе с тем, хотелось в этом исследовании коснуться наследия тех поэтов и прозаиков, которые в меньшей степени известны широкой аудитории.

Каждый из упомянутых поэтов оставил яркое наследие в персоязычной литературе. Наряду с этим на примере их поэзии мы уже встречаемся с попытками развивать литературу на родном языке.

В полной мере сказанное относится к выдающемуся поэту, ученому, каллиграфу, политическому деятелю Хумаму Табризи.

Один из исследователей наследия поэта Я.Бабаев, касаясь фактов биографии Хумама Табризи, отмечает, что дата рождения поэта точно не установлена, датой кончины поэта называют 1314 год (18).

По сообщениям источников википедии, а также согласно работе Я. Бабаева, жизнь Хумама была яркой и богатой событиями. Поэт оставил яркий след и в литературе. и в науке Востока.

Как пишет Я.Бабаев автор известной антологии «Тазкират аш шуара» Довлатшах Самарканди называет Хумама в числе 20 известных мастеров слова. Кроме этого, по словам исследователя, Хумам в силу своей известности встречался и имел дружеские отношения с такими поэтами и политическими деятелями своего времени, как Саади Ширази, Порбеха Джами, Шараф ад Дин Харун, Нур ад Дин, Ибрагим Хамави, Гутб ад Дин Амиги и др (18).

Я.Бабаев в своем исследовании пишет о том, что выдающийся политический деятель визирь Ильханидов Фазл Аллах Рашид ад Дин и государственный деятель Сахибдиван Шамс ад Дин Мухаммад Джувейни относились с большим уважением к поэту, а Фазл Аллах Рашид ад Дин даже назвал одного из своих сыновей в честь Хумама.

Я.Бабаев отмечает также, что поэт наряду с литературной деятельностью, занимался и политикой. Так Хумам Табризи некоторое время занимал должность визира в Азербайджане (18).

Как пишут источники из википедии, ученые XIII-XIV веков, упоминая о Хумаме называли его «Гудват аль улама», то есть «Глава ученых». Тот же источник сообщает, что Хумам Табризи был в числе 200 ученых, которым было доверенно написать отзыв о комментариях Хадже Фазл Аллаха Рашид ад Дина к Священному Корану. Этот комментарий назывался «Тоузихат» (70).

Хумам Табризи оставил яркое поэтическое наследие на фарси. К сожалению, из его произведений на родном азербайджанском языке, как пишет Я.Бабаев сохранилось только одно мурebbe с редифом «Сүтə гүнү» (18).

Это произведение очень изящно и глубоко.

В своей статье Я.Бабаев отмечает, что наследие Хумама Табризи включает диван на фарси, поэму «Сохбатнаме» и произведения на арабском и азербайджанском языках (18).

Иранские ученые доктор Н.Ализаде и Ф.Сафдарпур, исследуя произведения Хумама Табризи на персидском языке, называют его выдающимся поэтом и гордостью иранцев (!) и особо отмечают художественные особенности поэзии тебризского поэта (85).

В XVI веке власть в регионе переходит к династии Сефевидов.

Как пишет Сирус Шамиса в своей работе «Стилистика поэзии» политика, проводимая этой династией и, в особенности, идеологические выборы стали почвой для формирования нового стиля в персидской поэзии, так называемого, индийского стиля (11).

Как отмечает С.Шамиса, индийский стиль отличался камерностью темы, усложненностью формы и особенным строением бейта (11).

Этот стиль по общепринятому мнению мирового востоковедения является одним из нескольких основных стилей классической персидской поэзии. И вновь, по общему и утвердившемуся мнению исследователей, основоположником индийского или сефевидского стиля считается наш соотечественник – выдающийся представитель классической персоязычной поэзии Саиб Табризи.

Саиб Табризи был одним из ярких представителей, а по мнению многих исследователей основателем стиля, который стал важной отправной или поворотной точкой в развитии персидской литературы.

Л.Авлишвили пишет о том, что семья Саиба вела свое происхождение из Тебриза и, по приказу шаха Аббаса, в числе тысячи семей тебризцев была переселена в Исфахан. Отец поэта был крупным купцом и не имел прямого отношения к литературе, но, как пишут практически все источники, дядя со стороны отца Шамс ад-Дин Мухаммед Табризи был известнейшим каллиграфом Востока, за что получил почетный титул «Ширин калам» (12).

Саиб является одним из самых ярких авторов газели в персоязычной литературе. Как пишет азербайджанский ученый М.Мухаммади: «В газелях Саиба любовная тематика явно переносится на задний план и уступает свое место этическим идеям, составляющим целостную систему» (36).

Наследие поэта имело влияние не только на литературу Ирана, но и на индийскую поэзию.

В.Мусалы в своем исследовании, посвященном средневековым онтологиям, отмечает, что стихи Саиба Табризи использовали как учебное пособие в османской Турции (68).

Л.Авлишвили в своей статье «Саиб Табризи» пишет о том, что поэт провел некоторое время в Индии при дворе знаменитого правителя Шах Джохана. По возвращению в Иран Саиба приглашает ко двору шах Аббас II и назначает его Малек аш шуара (12).

Наследие Саиба очень богато. Л.Авлишвили, ссылаясь на источник, называет цифру 300 тыс. бейтов, а затем приводит высказывание выдающегося иранского исследователя, азербайджанского происхождения Мухаммед Али Тарбийата, который в своей книге «Выдающиеся деятели Азербайджана» пишет, что видел «Диван» Саиба Табризи в 120 тысяч бейтов (не считая поэм), (12).

Л.Авлишвили в своей статье, ссылаясь на источники, приводит высказывания известных исследователей и ученых о поэзии саиба Табризи.

Мы хотели представить этот отрывок из работы Л. Авлишвили:

«Все исследователи, как один, признают талант Саиби и его выдающуюся роль в поэзии Востока. Известный чешский востоковед Ян Ринка считает, что после Хафиза и Саади, Саиб Табризи является самым ярким поэтом. Академик А.Крымский считает, что Саиб

был учителем поэтов Ирана XVII века. Академик Бертельс видит в Саибе Хафиза XVII века. Видный индийский ученый Шибли Неман считает Саиба последним крупным поэтом Ирана.

Очевидно, здесь надо добавить – последним поэтом старой школы» (12).

Если продолжим это путешествие во времени, то в 17-18 в.в. встречи с нашими соотечественниками в литературной жизни региона неизбежны. Упомянутый период это сложное время для всех стран Ближнего Востока и Азии, в том числе и для Ирана и Азербайджана.

В Иране все расширяющиеся связи с Западом, внутренние проблемы экономического и политического характера, заставили передовую часть интеллигенции задуматься над причинами этих проблем.

Ответом на трудные вопросы стала мысль о необходимости реформ в различных областях жизни страны. В круг этих сфер, нуждающихся в изменениях, попала и литература.

Однако здесь все было не так просто. Литература на фарси, с многовековой и богатой историей, была слишком сильной, обладала столь глубоким содержанием и развитой формой, что отвергала все виды влияния извне. Таким образом, если европейские стандарты были привлекательны для государственного устройства или экономики страны, то на фоне культурного и особенно литературного статуса Ирана, эти стандарты просто блекли.

В тоже время упомянутый индийский стиль в силу камерности тем и идей, усложненности формы, изощренности изложения не соответствовал духу времени и потому ограничивал возможности литературы.

Все эти параметры требовали изменений, и ответом на сложившуюся ситуацию стал выход, предложенный литературной элитой страны, а именно резкое упрощение литературного стиля и приближение его к ранним образцам классической поэзии.

Все это способствовало зарождению уникального литературного течения, которые некоторые исследователи называют стилем, а именно «Возвращение» или «Базгяшт».

Мы не будем вдаваться в подробности анализа упомянутого литературного течения. Скажем, только, что хронологически «Возвращение» есть следующий, вслед за индийским, этап развития литературы региона. Нас интересует вопрос о роли азербайджанцев на этом этапе истории литературы на фарси.

И ответ на этот вопрос не отнимет много времени потому, что искомые имена вновь в авангарде литературного фронта.

Говоря о зарождении стиля «Базгяшт», Й.Арьянпур называет имена нескольких поэтов, которые по его мнению, стали родоначальниками направления и среди них, непременно, упоминает Хатефа Исфакхани- поэта имя, которого вошло в историю персидской поэзии не только в связи с формированием литературного направления «Возвращение» (10).

Как отмечают источники, и среди них, автор одного из самых серьезных и весомых исследований литературы Ирана этого периода выдающийся ученый и исследователь XX века Йахья Арьянпур, Хатеф родился в Исфакане, но его семья была родом из Ордубада (10).

Упомянутые источники отмечают, что будущий поэт получил прекрасное образование и овладел различными науками, среди которых особое место занимали литература, арабский язык, медицина и логика.

Йахья Арьянпур пишет о том, что медицина стала в последующем профессией Хатефа. Он был одним из известных и именитых врачей Исфакана. Но литература была призванием. Тот же источник упоминает о глубоких знаниях Хатефа в области арабского языка. Поэт, наряду с персидским, писал произведения и на арабском языке (10).

Хатеф Исфакхани стоял у истоков литературного течения «Базгяшт» и пробовал перо в стиле старых, классических поэтов Саади и Хафиза.

Жемчужиной поэтического наследия Хатефа Исфакхани является произведение в жанре тарджибанд на религиозную тему. В этом произведении поэт обращается к теме любви к Всевышнему,

к теме устремленности созданного к Великому и Единому Творцу.

Особенностью этого произведения является жанр, в котором оно написано. Один из электронных ресурсов, определяют тарджибанд как произведение, в котором объединены несколько газелей в едином метре и связанных одним *тарджи* бейтом или *бенд герданом* (86).

Тот же электронный ресурс пишет, что на время жизни Хатефа этот жанр являлся классическим, и существовал в персидской поэзии много веков (86) Но по единодушному мнению критиков, произведение Хатефа стало одним из самых красивых и ярких примеров этого жанра за всю тысячелетнюю историю поэзии на фарси!

XIX век в истории литературы Ирана это время потрясений, новаторства, смелых решений и рождения нового. В литературе этот период ценен как время формирования новой художественной прозы.

Проза в персоязычной классической литературе была всегда на позициях падчерицы. Эстетические воззрения Востока видели в поэзии наилучший путь для выражения художественного слова.

Поэзия в силу своей ритмичности, эмоциональности и воздействия на психику читателя на многие века заняла основное место в литературе Востока.

Проза же предназначалась, в основном, для научных, дидактических сочинений. Редкими исключениями здесь являются такие перлы классической литературы как «Голестан» Саади, «Бахаристан» Джами и др. Но упомянутые произведения, хотя и считаются примерами прозы, во-первых относятся к дидактической, наставительной литературе, а, во вторых, оба упомянутых произведения написаны не простой, а рифмованной прозой, которая, к тому же, обильно пересыпана стихотворными отрывками.

Таким образом, вплоть до XVIII века в персоязычной литературе художественная проза была развита слабо. Век XIX становится отправной точкой для ее развития.

И здесь, без малейшего преувеличения, можем сказать, что вновь представителя азербайджанской литературы сыграли роль основоположников этого процесса.

Первым из них следует упомянуть Зейн ал Абедина Марагаи. Это человек с удивительной судьбой. Самое интересное в том, что он не был писателем и не занимался профессионально литературной деятельностью.

Целый ряд источников, и авторы электронных ресурсов, и советские исследователи и, упомянутый выше Йахья Арьянпур в своей фундаментальной работе «от Саба до Нима» пишут о том, что Зейн аль Абедин Марагаи родился в городе Марага в Южном Азербайджане в семье купца. Здесь же получил образование, и затем уже в 16 лет продолжил дело своего отца.

Энциклопедия, со ссылкой на книгу Йахья Арьянпура «От Саба до Нима», пишет о том, что проблемы с властями и беспокойный нрав Зейн аль Абедина вынуждают его в скором времени податься на Кавказ, а именно в Тбилиси (80).

Тот же источник сообщает, что патриотизм Зейналь Абедина, его честность и талант экономиста стали причиной того, что консул Ирана в Грузии приглашает его на пост вице-консула в Кутаиси. На этом посту Зейн аль Абедин работает с огромным рвением. Он тратит свое личное состояние на иранских рабочих, которые приезжали в Грузию за заработком. Судьба этого человека с успехом могла бы стать сюжетом для динамичного и интересного романа (80).

Согласно сведениям википедии, Зейн ал Абедин со временем покидает Грузию и оказывается в Крыму, затем поселяется в Ялте. Несколько раз он теряет состояние, но затем вновь вместе с братом становится обладателем солидного капитала.

Слухи о деловых, а самое главное, личных и моральных качествах братьев, доходят до российского императорского двора,

где Зейн аль Абедина и его брата называют честными торговцами (80).

Тот же интернет ресурс, со ссылкой на работу й.Арьянпура, сообщает, что братьям предлагают принять российское подданство. Из-за сложной ситуации в Иране и невозможности вернуться туда, они вынуждены согласиться. Однако этот шаг гложет Зейн ал Абедина и он считает себя чуть ли не предателем. В конце концов, отказавшись от российского подданства, Зейн ал Абедин уезжает в Стамбул, где хлопочет о возможности вернуться на родину (80).

Как видно из краткого экскурса, этот человек не имел прямого отношения к литературе. За всю свою жизнь Зейн ал Абедин Марагаи написал только одно произведение, но этому сочинению было суждено войти в золотой фонд персидской литературы.

Роман «Дневник путешествий Ибрагим-бека» Зейн ал Абедина Марагаи стал важнейшим этапом для развития только формирующейся художественной прозы нового типа в Иране. Но не только.

Как пишет большинство исследователей среди которых Эдвард Браун, Ахмед Кесреви, Абдаллах Мостоуфи и др. отмечают исключительную роль этого произведения в подготовке общественного мнения перед революцией Машруте в Иране (80).

По мнению выдающегося иранского ученого Йахья Арьянпура (кстати тоже азербайджанца по происхождению) «Дневник путешествий Ибрагим-бека» З.Марагаи – это первый социальный роман европейского типа в истории литературы Ирана (10).

Большинство вышеупомянутых источников, в том числе и Й.Арьянпур, википедия, отмечают, что скромный по своей природе автор издал свое произведение анонимно в Стамбуле. Но популярность романа в Иране, куда его доставляли подпольными путями, достигла такой степени, что властями, по обвинению в авторстве, было арестовано несколько человек.

Только после этого, Зейн аль Абедин, не желая быть причиной страданий невинных людей, открыто заявляет о своем авторстве (80).

Роман «Дневник путешествий Ибрагим-бека» произвел сильное влияние на сознание общества и стал важнейшей вехой в формировании персоязычной прозы.

Однако роль наших соотечественников в этом направлении не ограничивается только именем Зейн аль Абедина Марагаи.

Практически параллельно с Марагаи, на литературной арене появляется Абд ар Рагим Талыбов Табризи.

Источники википедии, подробно исследовавшие факты биографии и произведения Абд ар Рагим Талыбова, отмечают, что Талыбов – выходец из простой азербайджанской семьи ремесленников, в 17 лет едет на Кавказ и обосновывается в Дагестане, где в изучает русский язык и успешно развивает собственное дело, связанное со строительством железных дорог.

Скопив солидное состояние, Талыбов, в 55 летнем возрасте обращается к литературе. Произведения Талыбова, по единодушному мнению ученых, также как и в случае с романом Марагаи, повлияли не только на литературную, но ина политическую мысль страны (83).

Те же электронные источники, то есть источники википедии, среди которых энциклопедия Ираника, труды Мухаммада Хади Мухаммади, Сеида М.Резави, Ф.Адемийята, работы Й.Арианпура, а также советские исследователи отмечают, что романы Талыбова «Книга Ахмеда» и «Пути добродетельных», статьи писателя, его переводы, в том числе для учебных заведений в Иране, передавались из рук в руки. Популярность писателя в Иране была столь велика, что его, всю жизнь прожившего за пределами страны, население Тебриза избрало заочно депутатом в первый в истории страны созыв Национального Меджлиса (8; 10).

Произведения Марагаи и Талыбова стали важнейшей страницей в развитии прозы в Иране. Большинство исследователей называют их вехами в развитии новой литературы в стране.

Если до XIX–XX вв. мы говорили в основном о роли этнических азербайджанцев в формировании и развитии персидской литературы, то начиная с конца XIX века и, особенно, в веке XX можно с уверенностью говорить о влиянии литературных процессов в Северном Азербайджане на литературу Азербайджана Южного.

И в этой связи, один из самых ярких примеров – это влияние произведений таких представителей азербайджанской литературы, как Джалил Мамедкулизаде и Сабир.

Деятельность этих двух мастеров пера оказало большое влияние на литературу Ирана XX века.

Один из иранских исследователей Ибрахим Гасеми занялся исследованием этого вопроса и пришел к выводу о том, что литературная деятельность Дж. Мамедкулизаде и Сабира стали важным ориентиром для иранских поэтов и прозаиков начала 20 века. В этом смысле, Ибрахим Гасеми уделяет особое внимание одному из самых известных и ярких изданий в Иране этого периода, а именно «Суре Исрафил» (8).

Этот журнал стал вехой в истории иранской журналистики. Если задать вопрос о самом известном издании в Иране за последние два века назовут первым возможно именно «Суре Исрафил».

Как отмечают источники википедии «Суре Исрафил» начал издаваться в 1907 году (83).

Ибрагим Гасеми пишет о том, что основателем газеты был Мирза Гасем Табризи, директором Мирза Джахангир хан, а главным редактором и автором статей выдающийся филолог, писатель и журналист М.А.Деххода (8).

Газета освещала все политические, экономические и социальные проблемы в стране в остро ироничной и близкой простому читателю форме.

Издание пользовалась огромной популярностью. Безо всякого сомнения, и это утверждает большинство исследователей, в том числе иранских, на это издание оказал сильное влияние именно журнал «Молла Насреддин».

Ибрагим Гасеми, касаясь этого вопроса, отмечает большое влияние журнала «Молла Насреддин» на большую часть изданий начала XX века в Иране (8).

Другой исследователь Ф.Р. Казымова в своей статье журнал «Молла Насреддин» и восточная печать» отмечает влияние «Молла Насреддина» не только на иранскую, но и на всю историю печати Востока. Ф.Р. Казымова пишет: « В городе Казани вышли сатирические журналы «Ялт-юлт» (1910), «Яшен», в Астрахани – «Топ» (1907), в Троицке – «Ак Мулла» (1911), в Узбекистане «Чаян» (1917), которые являлись последователями «Моллы Насреддина» (31).

Как отмечает И.Гасеми, влияние журнала «Молла Насреддин» на иранскую периодику усилилось после того, как Дж. Мамедкулизаде был вынужден перенести его редакцию в Тебриз (8).

И.Гасеми в своей диссертации приводит любопытную фразу российского консула в Тебризе, адресованную редакции «Молла Насреддина», в которой тот выражает искреннее удивление столь скорому и сильному влиянию, которое журнал приобрел в Тебризе, где так трудно что-то начать (8).

Подходя к литературе Ирана XX века все труднее становится быть последовательным в освещении выбранной темы. Это связано с тем, что в отличии от классического периода новая и новейшая история литературы на фарси изобилует различными течениями и направлениями, проследить которые приходится параллельно. К примеру, в этот период набирает рост женская литература. Женщины поэтессы и прозаики Ирана приносят ценный вклад в литературное наследие на фарси.

Такие имена как Симин Данешвар, Симин Бехбехани, Жале и др. уже стали классикой персидской литературы. Но в этой плеяде есть имя, без которого нельзя представить не только женскую

линию, но и всю литературу Ирана XX века, а именно Парвин Этесами.

Парвин Этесами, безо всякого сомнения, одна самых талантливых и видных представителей поэзии на фарси. Как пишет википедия, со ссылкой на персоязычные источники, настоящее имя поэтессы Рахшанде, позже она меняет его на Парвин (78).

Источники википедии отмечают, что Парвин Этесами родилась в Тебризе в семье известного писателя и переводчика Этесам уль Мулька. Отец – широко образованный человек, лично занимался образованием дочери. Уже с раннего возраста Парвин овладела фарси, арабским и английским языками (78).

Тот же интернет ресурс пишет о том, что первое же издание дивана поэтессы стало событием. Успех книги стал причиной повторных изданий. Парвин писала, в основном, в классических жанрах маснави, кыта и касыды, и отдавала предпочтение такой форме восточной поэзии, как литературный спор или моназере, когда в произведении противопоставляются два образа и, путем их диалога, автор выражает свои идеи (78).

Важное место в литературном наследии поэтессы играет басенная форма. Основная идея произведений Парвин Этесами это религиозно-философская тема, тема совершенствования личности, психологии, социального неравенства и морального развития человека. Манера изложения поэтессы это краткость, эмоциональность, точная передача характера персонажа, наблюдательность, психологизм, эффектная символика.

По единодушному мнению и иранских, и европейских исследователей Парвин Этесами является самой известной поэтессой Ирана.

Как пишет википедия, любовь читателей стала причиной того, что по сей день в Иране день рождения Парвин Этесами отмечается как официальная праздничная дата.

Тот же интернет ресурс отмечает, что наряду с этим, в стране основана ежегодная премия имени Парвин Этесами. Эта премия присуждается женщинами – литераторам в самых раз-

личных номинациях от поэзии, прозы до детской и научной литературы.

Примечательно то, что в Иране проводится и кинофестиваль, который носит имя Парвин Этесами. На кинофестиваль представляются фильмы, посвященные именно женской теме (78).

XX век в истории персидской поэзии и прозы это многоликая сложная картина. Проводить здесь систематизацию дело не легкое, но и на этом богатом яркими талантами литературном поле есть дарование, о котором нужно говорить отдельно.

Это поэт, которого называют не просто в числе выдающихся представителей литературы XX века, не просто, как талантливого мастера поэзии. Это поэт, которого мы видим в числе корифеев классической литературы на фарси таких как Саади, Хафиз, Низами, Руми, Санай, Джамии и др.

Этого человека называют поэтом, в произведениях которого возродилась сила и красота многовековой классической персоязычной поэзии. Мы говорим о самом известном представителе азербайджанской и персоязычной литературы XX века Мухаммад Хусейне Шахрияре.

Как пишут большинство источников, в том числе источники википедии, Мухаммад Хусейн Шахрияр родился в 1906 году в Тебризе. Отец поэта Хаджи Мираги Хошкинаби был адвокатом. Будущий поэт получил свое раннее образование в Тебризе, затем продолжает обучение в Тегеране. Мухаммад Хусейн становится студентом медицинского факультета (82).

Википедия отмечает, что примерно за полгода до завершения университета и получения диплома Мухаммад Хусейн оставляет свое образование незавершенным.

Причиной этому некоторые исследователи называют несчастную любовь, которая оставила глубокий след в жизни поэта, другие отмечают скрытые политические мотивы (82).

Мухаммад Хусейн Шахрияр стал звездой на небосклоне мировой поэзии XX века.

Согласно источникам википедии, когда в 1931 году был впервые издан диван стихов Шахрияра, предисловие к нему написали виднейшие литературоведы, поэты и ученые Ирана-Малек аш шуара Бахар, Саид Нафиси и Пезман Бахтияр (82).

Как пишет другой интернет ресурс, Малек аш Шуара Бахар – выдающийся ученый и один из самых известных знатоков и теоретиков персидской литературы, уже тогда, усмотрев в еще молодом Шахрияре огромный дар Всевышнего Аллаха, назвал Шахрияра будущей гордостью не только Ирана, но и, возможно, всего мира (43).

Наследие Шахрияра – это великолепное сочетание формы и глубокого содержания, высокого стиля и смелых решений. Шахрияр не боялся самых неожиданных экспериментов. Он писал и в классических жанрах, арузом и в стиле «новой поэзии».

Как пишут и интернет ресурсы, и советские иранские исследователи именно Шахрияра считают одним из основоположников современной газели.

Особенность стиля поэта заключалась в том, что он, сохраняя традиционные формы, смог внести в них, не нарушая гармонии, современные темы, начиная от политики и завершая религиозными размышлениями.

Наряду с этим, Шахрияр не боялся экспериментов и новаторства. Когда в Иране стала формироваться «новая поэзия», представители которой отходили от традиционных канонов и требований и предпочитали строгой форме восточного стихосложения свободный белый стих, многие ревнители классической персидской поэзии выступили против или, в лучшем случае, сохраняли «холодное молчание» по отношению к новаторам. Шахрияр – признанный мастер старых форм, заслуживший уважение и любовь ценителей литературы, легко принял это нововведение, «не испугался» его и, вновь доказав тезис «талант во всем талант», сумел и в «новой поэзии» утвердить свой почерк.

Как пишет исследовательница наследия Шахрияра Насрин Джафари: «В новой поэзии он был последователем Нима Юши-

джа, но в то же время, со своим собственным, неповторимым стилем, которая выделяла его от других поэтов» (24).

Нима Юшидж один из выдающихся представителей персидской поэзии и основоположников «новой поэзии» в Иране. Особая страница в наследии Мухаммад Хусейна Шахрияра – это поэма «Приветствие Гейдар баба», которую поэт написал на родном азербайджанском языке. Это произведение является шедевром азербайджанской литературы и пиком поэтического наследия Шахрияра.

Поэма «Приветствие Гейдар баба» это рассказ о детстве поэта, о его родных местах, это мастерски тонкая зарисовка эмоционального, визуального, субъективного ощущения человека, которого память уносит в далекие и счастливые годы юности. Поэма написана в форме отдельных строф очень динамичным легким языком.

Она за короткий срок приобрела огромную популярность и среди азербайджанцев, и среди персоязычной аудитории.

Согласно сведениям википедии, практически сразу появились и переводы на фарси, и литературные подражания на это произведения (79).

Источники википедии отмечают, что произведение заслужило признания не только в Азербайджане и Иране, но и во всем мире (79).

Один из интернет ресурсов сообщает, что поэма Шахрияра переведена более чем на 80 языков мира. Другой источник говорит о 90 процентах языков мира (79).

Наследие Мухаммада Хусейна Шахрияра чрезвычайно богато. Его произведения и на фарси и на азербайджанском языке вызвали большое количество подражаний.

Мухаммад Хусейна Шахрияра один из иранских ученых назвал вторым после Хафиза мастером газели.

Иранцы чрезвычайно гордятся своим литературным наследием. Не удивительно, что посол Исламской Республики Иран в

Азербайджане сказал как-то, что одним из национальных достояний этого народа является его литература или точнее поэзия.

Как отмечает википедия с 2002 года день кончины Шахрияра – 18 сентября отмечается в Иране как национальный день поэзии и литературы. В честь этого в различных городах и регионах Ирана проводят мероприятия в память о Мухаммедхусейне Шахрияре (82).

То есть в стране, где поэзия признана национальным достоянием, официально отмечается Национальный День поэзии и литературы и отмечается он 18 сентября, а именно в день памяти Мухаммада Хусейна Шахрияра.

Роль азербайджанских мастеров пера в развитии литературы региона всегда была актуальна. И в XX веке она сохраняла эту актуальность.

В этом смысле было бы уместным упомянуть такого автора как Г.Саэди.

Литературная деятельность Саэди приходится на вторую половину XX века и на ее примере мы вновь видим новаторство и талант.

Как отмечают исследователи наследия писателя. А также электронные ресурсы, в том числе и википедия, Саэди родился в 1935 году в Тебризе в азербайджанской семье. Будущий писатель переезжает в Тегеран и поступает на медицинский факультет университета, который с успехом завершает, получив диплом специалиста по психиатрии. Саэди начинает активную медицинскую практику. Его друзья писали позже, что он лечил неимущих безвозмездно (81).

Всевышний распоряжается нашими судьбами по Своему Высшему усмотрению и Он предопределил для Саэди, наряду с медицинской стезей, сыграть важную роль в развитии литературы такой богатой своими культурными традициями страны, как Иран.

Согласно сведениям википедии, а также работам советских и иранских ученых, в 60-е годы XX века Саэди участвует в кон-

кур се драматургов Ирана. Его пьеса получает высшую награду и большинство исследователей полагает, что этим произведением Саэди заложил основу современной драматургии Ирана (81).

Наследие Саэди очень богато. Несмотря на то, что писатель прожил недолгую жизнь, омраченную тяжелыми годами эмиграции и тюремным заключением, тем не менее, вклад его в литературу Ирана огромен.

Рассказы Саэди – это яркие примеры прозы XX века. Наряду с этим, писатель обратился к такому интересному и редкому в литературе Ирана жанру, как этнографические очерки. Его путешествия по югу Ирана описаны в прекрасной работе «Ахле хава», которая по сей день является ценным трудом, как с литературной, так и с научной точки зрения.

Саэди не ограничился литературной деятельностью и научными исследованиями.

Как пишут источники википедии, он обратился к тогда еще только зарождающемуся телевидению. Работы этого человека в области драматургии гармонично перенеслись и на почву телевизионных постановок. Сценарии Саэди с успехом ставились на молодом иранском телевидении (81).

Источники википедии отмечают, что еще большую известность писателю принесла экранизации его рассказов. Одна из них – фильм «Корова», снятый по одноименному произведению Саэди из сборника «Траур в Баяле», имел большой успех в европейском прокате (81).

Как пишет один из интернет ресурсов, этот фильм был удостоен специальной премии на кинофестивале в Каннах. Тот же источник добавляет: «В первую очередь стоит вспомнить о фильме Дарьюша Мехрджуи «Корова» (1969) – экранизации рассказа Голамхосейна Саэди из сборника «Траур в Баяле». «Корова», один из первых фильмов иранской «новой волны», избежал печальной участи многих экранизаций и стал самостоятельным произведением искусства» (46).

Наследие Саэди ярчайшая страница в прозе Ирана XX века. На ее примере мы вновь видим роль этнических азербайджанцев в формировании и развитии культуры иного народа. И эта роль не ограничивается только литературой. Азербайджан всегда был будто родником, источающим новые идеи, смелые и талантливые решения. Как отмечают источники википедии и целый ряд иных источников, иранцы сами называют Тебриз «городом первых».

Если мы отвлечемся от литературы и обратимся к иным видам культуры и искусства, наши выводы вновь найдут свое подтверждение.

Причем здесь мы будем иметь дело не только с отдельными личностями, но больше с целыми школами и направлениями, которые возникали на территории Азербайджана, а затем распространялись на весь регион. Так происходило с такими видами искусства и культуры, как архитектура, каллиграфия, миниатюра, ковроткачество.

Архитектура наиболее фундаментальное и наглядное проявление самобытности этноса. Иранская архитектура – одна из богатейших в мире. Ее делят как правило на древнюю, средневековую или исламскую и современную. Как отмечают источники википедии, и целый ряд иных источников известный иранский архитектор Мухаммад Пирния предложил разделить историю исламской архитектуры Ирана на несколько стилей. В хронологическом отношении, таких стилей ученый выделяет четыре. Одним из них является стиль «азербайджанский» (====).

Как отмечают источники википедии, а также целый ряд иранских источников, в частности выдающийся архитектор и теоретик архитектуры Ирана Мухаммад Пирния, этот стиль зародился в Мараге, затем постепенно распространился на весь Иран и за его пределы (====).

Как пишет один из интернет ресурсов, иранские ученые видят среди особенностей этого стиля усиленное использование геометрических форм. Такие жемчужины не только иранской, но и всей ближневосточной и мировой архитектуры, как усыпальни-

ца Имама Реза (ع), мечеть Гоухаршад, соборная мечеть в Йезде, соборная мечеть в Натанзе, обсерватория в Мараге, Голубая Мечеть в Тебризе и др. относятся именно к этому стилю архитектуры (====).

Дж.Гияси, исследуя азербайджанский стиль в архитектуре, отмечает: «Большинство исследователей архитектуры Ближнего Востока полагают, что Азербайджан является родиной двухъярусной системы куполов, которая считается одной из основных систем покрытия в этом регионе» (23).

Эту мысль развивает и иранский источник. Согласно ему, такая система куполов имела влияние и на европейскую архитектуру. Так, иранский исследователь ссылается на работу итальянского архитектора профессора Пьерро Санпаолези, «который изучал структуру куполов в иранских и итальянских сооружениях и написал книгу о многих купольных зданиях мира.» (29).

Тот же источник приводит выдержку из книги Пьерро Санпаолези, который пишет, упоминая Гунбад Султанийе: «Яркий образец этого искусства – применение важной технологии в двухслойном куполе Гунбада Султания, с двумя параллельными слоями из кирпича, в которых никоим образом не используется каркас. Этот архитектурный стиль вышел из г. Султания, путешествовал сотни километров и через сто лет нашел выражение в церкви Санта-Мария дель Фиоре во Флоренции. Таким образом произошла одна из крупнейших передач художественной формы» (29).

Азербайджанский стиль в архитектуре Ирана имел влияние и на последующие школы и направления. Иранский источник по архитектуре этой страны, отмечает: «В процессе исторического развития архитектурного искусства в Иране, мы видим, что азербайджанская архитектура серьезно повлияла на исфаганский стиль. Так, в Сефевидский период, цари этой династии копировали архитектурный стиль, распространенный в азербайджанских городах Бонабе и Мараге с применением древесины и колончатых форм» (29).

Иранский архитектор Б.Аджурлу отмечает: «Азербайджан является одним из мощных центров архитектуры исламского мира» (85).

Ученый, развивая эту мысль и пишет: «В период правления Ильханидов центр культуры и искусства Ирана переносится из Хорасана и Мавераннахра в Азербайджан» (85).

Именно к этому периоду, как отмечают ученые, и относится формирование азербайджанского стиля в архитектуре, который затем продолжает свое развитие в период правления Тимуридов (85).

Бахрам Аджурлу, исследуя азербайджанский стиль, выделяет в его рамках нахичеванскую и тебризскую школу, и отмечает, что влияние азербайджанского архитектурного стиля распространилось далеко за пределы региона возникновения, проявив себя в архитектуре Хорасана, Туркестана, а также Египта (85).

Азербайджан и, в особенности, Тебриз были центрами или отправными точками для развития различных областей и отраслей искусства и культуры Востока.

Наиболее ярким примером тому, конечно, может служить история развития каллиграфии и миниатюры, коврового дела и прикладного искусства. Тебризская школа каллиграфии и миниатюры известны на весь мир.

Приход ислама в Иран стал новой вехой в истории искусства этой страны. Исламское мировоззрение, соприкосновение с исламской и арабской культурой привнесло в искусство региона богатейший потенциал, и эти ростки синкретизма двух культур дали великолепные всходы. Среди них, конечно искусство каллиграфии.

Каллиграфия – это особая страница в культуре Ближнего Востока и, в особенности, исламского Востока. Мы уже упоминали об особом, трепетном отношении к феномену слова в исламе. Это в полной мере проявилось и в отношении к письму, то есть к материальному отображению слова.

Один из иранских источников приводит известный хадис пророка Мухаммада (с.а.с.), в котором посланник Всевышнего Аллаха говорит о том, что тому, кто переписет красивым почерком Священный Коран, откроются врата рая (26).

Как отмечают источники википедии, Иран перенял арабскую каллиграфию, и, в скором времени, к известным, канонизированным каллиграфическим почеркам, возникшим в арабской традиции, иранцы прибавили свои нововведения, самым известным и красивым из которых, безусловно, является почерк насталик (45).

Тот же интернет ресурс продолжает и отмечает, «Почерк «насталик» быстро приобрёл популярность в персидском обществе и получил неофициальное звание «невесты исламских почерков» (45). По сей день насталик является одним из самых популярных почерков в Иране.

Википедия, ссылаясь на средневековые источники называет изобретателем почерка насталик Сеида Мир Али Табризи (1370-1447) выдающегося каллиграфа Востока. Мир Али Табризи не был уроженцем Табриза, его родиной некоторые источники называют Герат, но мастер прожил много лет Табризе, и здесь ушел из жизни (45).

Источники википедии пишут о том, что традиции Мир Али Табризи продолжил другой выдающийся каллиграф и мастер, владеющий наряду с насталигом, многими каллиграфическими почерками, Джафар Али Табризи (-----).

Как пишет википедия, выдающийся азербайджанский каллиграф Джафар Али Табризи оставил яркий след в истории каллиграфии Востока. Джафар Али Табризи изучал насталиг под руководством другого мастера каллиграфии Мир АбдАллаха Табризи (-----).

Источники из википедии отмечают, что В XV веке, в период правления Тимуридов, в Герате существовала знаменитая библиотека Тимуридов. Тот же электронный ресурс называет Теймура человеком, который заложил основу этой библиотеки. Затем ее

развитием занимался принц Шахрух, после которого этим культурным и научным центром занялся его сын тимуридский правитель Байсонкур (49).

Источники википедии касаясь этого вопроса пишут, что в библиотеке Байсонкура был одним из известнейших и богатых своими ресурсами научных центров Востока. Упомянутый интернет источник приводит отрывок из работы историка Абд аль-Раззака Исхака аль-Самарканди (1413-1482), который пишет о том, что в этой библиотеке наряду с каллиграфами работали иллюминаторы, миниатюристы, переплётчики, в мастерской трудились ювелиры (*заргаран*), столяры (*надджар*), мастера инкрустации (*хатамбандан*) и мозаики (*кашитарашан*), мастера резьбы, гравировки и других работ по металлу (*хаддади*), (49).

Тот же источник пишет: «Однако точкой отсчета деятельности мастерской принято считать, по меньшей мере, 1420 год, когда Байсонкур привез из Тебриза прекрасных мастеров, среди которых были художники – Дуст Мухаммад аль-Хатиб, Ходжа Али Мусаввир и переплётчик, уstad Кавам ад-Дин Муджаллид Табризи, который, согласно Дуст Мухаммаду, изобрёл способ украшения переплёта рельефами» (49).

Все эти сведения мы приводим именно в связи с деятельностью азербайджанского каллиграфа Джафара Али Табризи. Важным моментом для нас является то, что во главе упомянутой Библиотеки Байсонкура стоял именно Джафар Али Табризи. Согласно источникам википедии он был директором Библиотеки Байсонкура (49).

Более того, согласно тому же источнику наиболее яркими трудами библиотеки Байсонкура являются экземпляры рукописей: «Гулистан» Саади (Библиотека Честер Битти, Дублин), «Калила и Димна» (Библиотека Топкапы Сарай, Стамбул), и «Шахнаме» Фирдоуси (Библиотека Дворца Гулистан, Тегеран), однако из всех трёх миниатюры к «Шахнаме» выделяются особым изяществом и богатством» (49).

Далее источники википедии продолжают: «Текст (поэмы «Шахнаме» Фирдоуси) написал почерком насталик каллиграф Мавлана Джафар Байсонкури (Джафар Али Табризи), который служил главой китабхане Байсонкура» (49). То есть самое яркое наследие Библиотеки Байсонкура было переписано именно рукой азербайджанского мастера Джафара Али Табризи.

И на этом роль азербайджанских мастеров каллиграфии не ограничивается.

Наряду с каллиграфией Тебриз стал одним из самых известных и ярких центров персидской миниатюры. В этом городе сформировалась знаменитая тебризская школа миниатюры.

Источники википедии относят зарождение этой школы к XIII- XIV веку к периоду правления Ильханов. Именно в это время, как пишет упомянутый интернет ресурс, выдающийся политик и государственный деятель Рашид ад Дин собирает в Тебризе лучших каллиграфов региона для переписки манускриптов (26).

Источники википедии отмечают, что так была заложена основа тебризской школы. Тот же электронный ресурс, продолжая тему, отмечает, что новая пора расцвета в ее развитии наступает позже, а именно в период правления Сефевидов, когда тебризскую школу представляют такие мастера, как Мирза Али, Ага Мирека, Султана Мухаммеда, Мир Сеид Али, Бехзад и др (57).

Как отмечают источники википедии, и большинство исследователей одной из самых ярких фигур восточной каллиграфии и миниатюры является Султан Мухаммад. Его называют самым ярким представителем и тебризской школы, и всего сефевидского периода (57).

Как пишет википедия, о жизни этого человека известно немного, но практически все источники называют Низам ад Дина Султан Мухаммада уроженцем Тебриза. Один из самых известных теоретиков персидской миниатюры, автор трактата об этом виде искусства и современник Султана Мухаммада, ученый и каллиграф Дуст Мухаммад называет в своем трактате Султана Мухаммада первым мастером своего времени (57).

По сообщениям википедии жемчужиной искусства Султана Мухаммада является миниатюра «Мирадж пророка Мухаммада (с.а.с.)» (57).

Продолжая эту тему, источники википедии отмечают, что к самым известным работам мастера относятся такие, как иллюстрации к «Хамсе» Низами и иллюстрации к «Шахнаме» Фирдوسی. Интересно то, что Султан Мухаммад отличался разносторонним талантом. Как отмечают источники википедии.: « Известно, что он был дизайнером фаянса, а также, совместно со своим сыном, создавал эскизы рисунков для знаменитых персидских ковров со сценами охоты» (62).

Таким образом, тебризская школа миниатюры – это одна из самых ярких и богатых страниц искусства Востока.

Художник Мир Теймур в своей статье приводит высказывание известного немецкого ученого востоковеда авторитета в этой области – Ф.Шульца, который назвал тебризскую школу миниатюры «ALMA – MATER».

Автор статьи «Тебризская школа миниатюры» Мир Теймур, исследуя этот вопрос, отмечает: «Более 13 000 миниатюр XVI в. тебризской школы хранятся в музее Топкапы в Стамбуле. Богатейшая коллекция находится в России, в публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. Перечислять все страны мира, где есть миниатюры тебризской школы нет смысла – это будет обширный реестр.

Это тема отдельной работы, но упомянуть крупнейшие музеи мира мы считаем необходимым, и мы видим как широко распространились миниатюры из Тебриза: Париж – собрание Картье, Ротшильда, М.Вебера, Лувр; Лондон – Британский музей; Бостон – музей Изыщных Искусств; Тегеран – музей Гюлистан; Нью-Йорк – библиотека Моргана, музей Метрополитен; Веллингтон – галерея Фрир; Кембридж – музей искусств Фогт, Гарвардский университет; Дублин – библиотека Честера. И это далеко не все» (37).

Тебриз и Ардебиль стали важнейшими центрами такого вида прикладного искусства Востока и Ирана, как ковроткачество.

История иранских ковров, как считают специалисты, уходит своими корнями в глубокую древность. За многие века в персидском ковроткачестве сложились несколько сильных и богатых своими традициями школ- исфаханская, кумская, гератская и др.

Пожалуй одна из самых знаменитых и интересных школ коврового дела Востока является тебризская. Тебриз, как уже упоминалось, в разные века был центром культурного развития региона и столицей в период правления таких династий как Хулагуиды и Сефевиды.

Тебризская школа ковроткачества стала одной из ведущих в мире. Выдающийся азербайджанский ученый, ковродел и теоретик ковроткачества Лятиф Керимов в своей работе «Азербайджанский ковер» уделяет особое внимание истории тебризского ковра и ковроделов. Ученый, исследуя азербайджанское ковроткачество, касается в своей книге в целом роли Тебриза в истории культуры региона и, в связи с этим приводит высказывания известных европейцев, побывавших в этом городе.

Так Л.Кяримов ссылается на Марко Поло – одного из самых популярных и известных средневековых путешественников Европы, который пишет о Тебризе: «Тебриз большой город..., много там и других городов и городищ, но Тебриз самый лучший... Народ в Тебризе торговый и занимается ремеслами; выделываются тут очень дорогие, золотые и шелковые ткани... Тут много драгоценных камней» (34).

По словам Л.Кяримова, тебризские мастера славились в самых различных областях прикладного и декоративного искусства, причем их известность порой доходила до европейских городов. Л.Кяримов упоминает английского востоковеда доктора К.Вильсона, которого он называет паниранистом, но который, вместе с тем, отмечает, что «группа тебризских мастеров обработки цветного металла 500 лет тому назад (Книга издана в 1938 году – Л.К.) имели свои лавки в Венеции» (34).

И, конечно же, в рамках богатой традиции ремесел Тебриз не мог остаться в стороне от такого изысканного и сложного вида искусства, как ковроткачество.

Как отмечают азербайджанские источники, тебризская школа ковроткачества вместе с шестью школами коврового дела Северного Азербайджана, а именно Бакинской, Кубинской, Ширванской, Гянджинской, Газахской, Карабахской формируют основные семь азербайджанских школ ковроткачества.

В нашем исследовании, мы хотели бы коснуться, в основном, тебризской школы. Один из источников называет ее самой древней и известной из азербайджанских школ ковроткачества, отмечает, что она «охватывает Тебриз, Ардебиль, Марагу, Меренд, Маку, Хой, Урмия, Зенджан, Гараджу, Херис, Сераб, Ахмедабад, Мириш, Эхэр, Салмас, Гореван, Сенну, Гарадаг и другие ковродельческие пункты» (48).

Как пишет портал «Развитие искусства ковроделия в Азербайджане», со ссылкой на мнение специалистов, тебризская школа ковроделия по основным ковровым композициям делится на две группы – тебризскую и ардебильскую (48).

Другой интернет ресурс «Персидские ковры» пишет о символике тебризских ковров. Например, медальон в середине композиции является олицетворением Луны, а небольшие ромбики по краям символизируют рыб, которые любят Луной (47).

Наиболее известный пример тебризских ковров это знаменитый ковер «Шейх Сафи», который, как указывают источники википедии, был соткан в 1539 году в тебризской мастерской по заказу шаха Тахмасиба I для усыпальницы шейха Сафи ад Дина Ардебели мастером Максудом Кашани.

Википедия, со ссылкой на источники, пишет о том, что ковер «Шейх Сафи» хранится в настоящее время в Музее Виктории и Альберта в Лондоне.

История ковра «Шейха Сафи» очень примечательна. Как пишет С.Ахмед-заде ковер исчез из усыпальницы в 1891 году при таинственных обстоятельствах (17).

Л.Хохлова в своей статье упоминает о том, что уже через год 1892 азербайджанский ковер был выставлен на продажу на аукционе в Лондоне. Им заинтересовался Музей Виктории и Альберта. Причем у лондонского музея не хватило средств на покупку редкого экспоната, который был оценен в фантастическую, по тем временам, сумму 2000 фунтов. Для приобретения ковра был объявлен общенациональный сбор денег (64).

«Шейх Сафи» не единственный пример азербайджанского ковра, который стал украшением мировых хранилищ. Как сообщает источники из википедии: «Старинные азербайджанские ковры хранятся в Белом Доме, Государственном департаменте США и во многих музеях мира, включая Азербайджанский государственный музей ковра и народно-прикладного искусства в Баку, Музей Метрополитен в Нью-Йорке, Музей изящных искусств в Бостоне, Музей искусств в Филадельфии, Лувр в Париже, Музей Виктории и Альберта в Лондоне, Эрмитаж, Ватикан и т.д.».

Говорить о красоте и особенностях азербайджанских ковров можно много и интересно, но нас более всего, в контексте данного исследования, интересовал вопрос о том, в какой степени азербайджанцы повлияли на развитие Востока и Ирана.

Вышеизложенный экскурс можно продолжить, но важен принцип, который мы хотели выявить в нашем исследовании.

Азербайджан и азербайджанцы сыграли важную роль в формировании культуры, искусства и науки, общественной мысли Востока.

Наши соотечественники на разных этапах истории, в различных условиях, порой далеко не очень благоприятных, сохраняя свои этнические особенности и достоинство, бережно и с уважением относясь и к своей, и к инородной культуре, смогли обогатить мировое наследие ярчайшими примерами искусства, которые по сей день не перестают восхищать человечество.

История региона не знала покоя за последние десять веков. Мечом и болью проходили по этой земле, но не смогли сломать и озлобить этот народ.

Волею и милостью Всевышнего красота, мудрость, терпение и мужество, несгибаемость и терпимость, тонкое чувство красоты, уважение к самому понятию культура, независимо от того, откуда она исходит, умение принять и понять ее, все это качества, которые азербайджанский народ не растерял, проходя через века и испытания.

Узнавая иные народы, азербайджанцы не теряли своего «этнического позвоночника». Потрясающая способность отсева всего чуждого сохранилась за нами на многие века.

Огромный талант, дарованный Господом, будто залежи в недрах генетики, ждали своего часа. И неважно где и когда эта красота проявляла себя. Она всегда приносила яркое новшество на свою или иную почву.

Литература Востока, архитектура, искусство, в различных его проявлениях, самый наглядный тому пример.

Азербайджанцы доказали ценность своего вклада в мировое культурное наследие и число примеров такого вклада продолжает расти с каждым годом.

Литература

на русском языке

1. Аллахвердиев Г. Труд Хатиба Тебризи «Китаб ал-Кафи фи-л-аруз ва-л- Кавафи», как источник по восточной поэтике. «Элм». Баку – 1992.
2. Алиев Г.Ю. Темы и сюжеты Низами в литературах народов Востока. М., Наука, 1985
3. Бертельс Е.Э. История персидско-таджикской литературы, М., Наука, 1960
4. Бертельс Е.Э. Низами и Физули, М., Изд.Восточной литературы, 1962
5. Кязимов М.Д. Последователи Низами, Баку, Азернешр, 1991
6. Мир-Багирзаде С. Культура Исламской цивилизации. . Баку Элм 2011.

7. ШидфарБ.Я. Образная система арабской классической литературы (VI-XII вв.). М, Наука, 1974

на азербайджанском языке

8. Qasemi E.Q. «Məşrutə dövrü İran satirik mətbuatının inkişafında C.Məmmədquluzadənin və M.Ə.Sabirin rolu «filologiya üzrə fəlsəfə doktoru elmi dərəcəsi almaq üçün təqdim edilmiş dissertasiya işi, Bakı, 2015
9. Махмудов М. Р. Пијада... Тəбриздэн Шама гэдэр. «Язычы». Бақы – 1982

на персидском языке

10. یحیی آرینبور از صیا تا نیما انتشارات زوار ۱۳۷۹ شرکت قلم چاپ گلشن
11. ۱۳۸۲ с. 432 انتشارات فردوس شمیسا سبک شناسی شعر سیروس
http://www.goodreads.com/book/show/1727529_

Электронные ресурсы

на русском языке

12. Авлишвили Л. Саиб Табризи// <http://www.neizvestniygeniy.ru/cat/literature/ocherki/336431.html?author> (дата обращения 13.04.2016).
13. Академик. Философская библиотека// http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/6714/% (дата обращения 11.04.2016).
14. Алекперли Ф. Азербайджанский Ренессанс.// Зеркало 2012 <http://www.zerkalo.az/2012/azerbaydzhanskiy-renessans/> (дата обращения 11.04.2016).
15. Алекперли Ф. Возникновение и развитие научных знаний в историческом аспекте (Статья из азербайджанской национальной энциклопедии. Специальный том «Азербайджан», Баку, 2007, стр. 535-549, пер. с азерб. языка // <http://www.alakbarli.aamh.az/index.files/Historyofscience.htm> (дата обращения 11.04.2016).
16. Алекперли Ф. История медицины в Азербайджане (IV тыс. до н.э.-конец XIX в.) // <http://myazerbaijan.org/index.php?p=history/43> (дата обращения 11.04.2016).
17. Ахмед-заде С. Ковер Шейх Сафи – жемчужина азербайджанского ковроткачества // Эхо, Культура 16.05.2014 // <http://www.echo.az/article.php?aid=62821> (дата обращения 11.04.2016).

18. Бабаев Я. М. Азербайджанский поэт XIII века Хадже Хумам Тебризи//Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Выпуск№3 / том 2 / 2009 Коды Научная библиотека Кибер-Ленинка //: <http://cyberleninka.ru/article/n/azerbaydzhanskiy-poet-xiii-veka-hadzhe-humam-tebrizi#ixzz41Rfi3Eaa> (дата обращения 11.04.2016).
19. Бухарский квартал Петербурга // <http://bukharapiter.ru/vostoch-na-ya/shabistari.html>
20. Ватват Рашид ад-Дин Сады волшебства в тонкостях поэзии. Перевод с персидского, исследование и комментарий Н.Ю.Чалисовой М., 1985 <http://www.imamat-books.ru/poezia/430-sady-volshebstva-v-tonkostyah-poezii.html> (дата обращения 11.04.2016).
21. Гараманлы Н. Катран Табризи// <http://persian-poetry.livejournal.com/tag>
22. Дациев.А Низам аль-Мульк – величайший визирь исламского мира// ас Салам 15 августа 2015 // <http://assalam.ru/content/story/2696> (дата обращения 11.04.2016).
23. Гияси Дж. Архитектура азербайджанского средневековья// <http://irs-az.com/pdf/090621141215.pdf>
24. Джафари Н. Мухаммад Хусейн Шахрияр и его место в новой персидской и тюрко-азербайджанской поэзии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Душанбе 2012.// <http://cheloveknauka.com/muhammad-huseyn-shahriyar-i-ego-mesto-v-novoy-persidskoy-i-tyurko-azerbaydzhanskoy-poezii#ixzz40yH7sMSU> (дата обращения 11.04.2016).
25. Ибрахимов Б. Б. Общественно-философская мысль в Средней Азии (XVI–XVII в.) // Молодой ученый. – 2015. – №3. – С. 1002-1005.
11. <http://www.moluch.ru/archive/83/14869/> (дата обращения 11.04.2016).
26. Иранская каллиграфия. Статья из журнала «Персия». Статья подготовлена Культурным представительством при посольстве Исламской Республики Иран в Российской Федерации// http://farhang.al-shia.ru/kallig_p.html (дата обращения 11.04.2016).
27. Исмаилов Шаиг. Философия Махмуда Шабустари. «Элм». Баку – 1976//https://books.google.az/books/about/Философия_Махмуда_Ша_б.html (дата обращения 11.04.2016).
28. История персидской и таджикской литературы / под ред. Я. Рипка, пер. с чеш., ред., авт. предисл. И. С. Брагинский. – М. : Прогресс,

1970. – 440 с.; http://elibrary.az/cgi/irbis64r/cgiirbis_64.exe?LNG=& (дата обращения 11.04.2016).
29. История развития архитектурного искусства в Иране
<http://www.tebyan.net/index.aspx?pid=127742>
30. Каджар Ч. «Выдающиеся сыны древнего и средневекового Азербайджана» Издательство «Азербайджан» Баку – 1995//
<http://elibrary.bsua.az/yenii%5Cеbookspdf%5CwIEoM6L1.pdf> (дата обращения 11.04.2016).
31. Казымова Ф.Р. Журнал «Молла Насреддин» и восточная печать (Текст) // Филологические науки в России и за рубежом: материалы междунар. науч. конф (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). – СПб.: Реноме, 2012. – С. 21-24. //
<http://www.moluch.ru/conf/phil/archive/26/1690/> (дата обращения 11.04.2016).
32. Козем Б.Х. Возникновение и принципы организации учебных центров – Низамийи в эпоху сельджукидов (Текст) / Б. Х. Козем // Молодой ученый. -2014. -№6. -С. 603-605. //
<http://www.moluch.ru/archive/65/10512/> (дата обращения 11.04.2016).
33. Коран Священный // Перевод Эльмира Кулиева // <http://www.falaq.ru/quran/kuli/> (дата обращения 11.04.2016).
34. Кяримов Л. Азербайджанский ковер // http://elibrary.bsua.az/books_aysel%5CN_240.pdf
35. Лукашев А. А. . История изучения поэмы Махмуда Шабистари «Цветник тайны»// http://www.e-notabene.ru/fil/article_16478.html (дата обращения 11.04.2016).
36. Магомеди.М.А. Лирика Саиба Тебризи и проблема «Индийского стиля» в персоязычной поэзии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Баку 1991.// [Cheloveknauka.com.lirika-saiba –tebrizi](http://Cheloveknauka.com/lirika-saiba-tebrizi)
37. Мамедов Мир-Теймур Тебризская школа миниатюры // График 2006. // <http://graphic.org.ru/mamedov-mini.html#2> (дата обращения 11.04.2016).
38. Мамедов З. «Азербайджанские философы и мыслители Средневековья». – Баку, 1993. Аналитико-новостной портал www.azerbaycanli.org
39. Мой Азербайджан // бета-версия электронной библиотеки [Myazerbaijan.ORG/http://myazerbaijan.org/index.php?p=about](http://myazerbaijan.org/index.php?p=about)

40. Мортаза Шахид Моттахари Собрание сочинений. Первый том из раздела «История». Взаимное служение ислама и Ирана
//<http://www.birmaga.ru/dosta-part-64.html>
41. Мир Али Табризи // <http://www.wikiart.org/ru/mir-ali-tabrizi>
42. Музыкальный словарь. Музыкальная энциклопедия//<http://www.music-dic.ru/html-music-enc/s/6836.htm> (дата обращения 11.04.2016).
43. Мухаммад Хусейн Шахрияр – жемчужина современной персидской поэзии// 14.09.2013
<http://www.tebyan.net/index.aspx?pid=257510> Источники: trend.az, azcongress.ru (дата обращения 11.04.2016).
44. Нуриддинов М. Юсуф Карабаги и общественно-философская мысль Средней Азии XVI-XVII веков;/ Отв. ред. М. М. Хайруллаев; АН Респ. Узбекистан, Ин-т философии и права им. И. М. Муминова 122, (2) с. 20см Ташкент, Фан 1991.//
<http://www.biblus.ru/Default.aspx?book=7b187b0a4> (дата обращения 11.04.2016).
45. Персидская каллиграфия // <http://amalgrad.ru/viewtopic.php?id=62> (дата обращения 11.04.2016).
46. Персидская литература. «Были и небылицы» //<https://fr-fr.facebook.com/perslit/posts/> (дата обращения 11.04.2016).
47. Персидские ковры //<http://www.persiancarpets.ru/history/> (дата обращения 17.04.2016).
48. Развитие искусства ковротеления в Азербайджане // http://www.azerbaijan.az/portal/Culture/Folk/folkArts_01_r.html (дата обращения 11.04.2016).
49. Свободная энциклопедия Википедия Абуль- ала аль-Маарри
//[https://ru.wikipedia.org/wiki/Абуль- ала_ аль-Маарри](https://ru.wikipedia.org/wiki/Абуль-ала_аль-Маарри)
50. Свободная энциклопедия Википедия, Азербайджанский ковер.//
[https://ru.wikipedia.org/wiki/Азербайджанский_ ковер.](https://ru.wikipedia.org/wiki/Азербайджанский_ковер)
51. Свободная энциклопедия Википедия Байсонкур //[https://ru.wiki pedia.org/wiki/ Байсонкур](https://ru.wikipedia.org/wiki/Байсонкур)
52. Свободная энциклопедия Википедия Шахрияр Мухаммад Хусейн
//[https://ru.wikipedia.org/wiki/ Шахрияр_ Мухаммад_ Хусейн](https://ru.wikipedia.org/wiki/Шахрияр_Мухаммад_Хусейн)
53. Свободная энциклопедия Википедия Низамия (медресе)
//[https://ru.wikipedia.org/wiki/ Низамия_\(медресе\).](https://ru.wikipedia.org/wiki/Низамия_(медресе))
54. Свободная энциклопедия Википедия, Персидская каллиграфия
//[https://ru.wikipedia.org/wiki/Персидская_ каллиграфия](https://ru.wikipedia.org/wiki/Персидская_каллиграфия)

55. Свободная энциклопедия Википедия, Приветствия Гейдар бабе // https://ru.wikipedia.org/wiki/Приветствия_Гейдар_бабе
56. Свободная энциклопедия Википедия, Саиб Тебризи // https://ru.wikipedia.org/wiki/Саиб_Тебризи
57. Свободная энциклопедия Википедия, Сафиаддин Урмави // https://ru.wikipedia.org/wiki/Сафиаддин_Урмави
58. Свободная энциклопедия Википедия, Султан Мухаммад, Низамеддин // https://ru.wikipedia.org/wiki/Султан_Мухаммад_Низамеддин
59. Свободная энциклопедия Википедия, Тебризский ковер // https://ru.wikipedia.org/wiki/Тебризский_ковер
60. Свободная энциклопедия Википедия, Тебризская школа миниатюры // https://ru.wikipedia.org/wiki/Тебризская_школа_миниатюры
61. Скирбекк Г., Гилье Н. История философии Арабская философия и наука // http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Skirb/51.php (дата обращения 11.04.2016).
62. Солтанова Н.Б. «Физика в трактате «ат Тахсиль» Азербайджанского ученого XI века Бахманйара альАзербайджани» // Bakı Universitetinin Xəbərləri Fizika-riyaziyyat elmləri seriyası 2012 №4 // <http://static.bsu.az/w8/Xeberler%20Jurnali/riyaz%20%202012%20%204/17-f-Soltanova-1.pdf> (дата обращения 11.04.2016).
63. Фильштинский И.М. Литературная критика и поэтика IX–XIII вв.: (Арабская литература) // История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. -М.: Наука, 1983-1994. -На титл. л. изд.: История всемирной литературы: в 9 т. Т. 2. -1984. -С. 239-240. // <http://feb-web.ru/feb/ivl/v12/v12-2392.htm>
64. Хохлова Л. Восьмое чудо света // [Azcongress.ru 31.12.2007](http://azcongress.ru/2007/12/31/vosmoe_chudo_sveta/) // http://azcongress.ru/2007/12/31/vosmoe_chudo_sveta/.

На азербайджанском языке

65. Effektiv Təşəbbüslər Mərkəzi analitika və xəbər portalı // <http://www.azerbaycanli.org/?page=70&lang=aze>
66. Ədalətli sultanın bir günlük ədaləti... Azadlıq»ın Araşdırmaçı Jurnalistlər Qrupu KİV-ə Dövlət Dəstəyi Fondunun maliyyə dəstəyilə çap edilir. Azərbaycan.- 2013.- 22 fevral. -S.14. // <http://www.anl.az/down/meqale/azadliq/2013/fevral/295486.htm>

67. Fazil Mustafa millət vəkili, fəlsəfə doktoru Zakir Məmmədov və Sührəvardi fəlsəfəsi // «525-ci qəzet», 28.01.2010.// <http://www.azerbaycanli.org/?lang=aze&page=293&newsId=2345>
68. Musalı Vüsalə Türk Təzkiyəçiliyi – Elm və Təhsil: 2011 (Miladi)390
69. Vikipediya, açıq ensiklopediya Bəhmənyar Azərbaycani // https://az.wikipedia.org/wiki/Bəhmənyar_Azərbaycani
70. Vikipediya, açıq ensiklopediya. Hümam Təbrizi // https://az.wikipedia.org/wiki/Hümam_Təbrizi
71. Vikipediya, açıq ensiklopediya. Xətib Təbrizi // https://az.wikipedia.org/wiki/Xətib_Təbrizi
72. Vikipediya, açıq ensiklopediya. Mahmud Şəbüstəri // https://az.wikipedia.org/wiki/Mahmud_Şəbüstəri
73. Vikipediya, açıq ensiklopediya. Siracəddin Ürməvi // https://az.wikipedia.org/wiki/Siracəddin_Ürməvi
74. Yusif Qarabaği// Effektiv Təşəbbüslər Mərkəzi analitika və xəbər portalı [http://mənba: Əliyev Ə. «Bərdə» qəzeti, 1991, 2 noyabr. «Bərdə və bərdəlilər» \(Bibliografik məlumat kitabı, tərtib edəni Xuraman Ismayılova\) – Bakı, «Nərgiz» nəşriyyatı, 2010, – 448 səh.//azerbaycanli.org/az/page758.html](http://mənba:ƏliyevƏ.«Bərdə»qəzeti,1991,2noyabr.«Bərdəvəbərdəlilər»(Bibliografikməlumatkitabı,tərtibədəniXuramanIsmayılova)–Bakı,«Nərgiz»nəşriyyatı,2010,–448səh.//azerbaycanli.org/az/page758.html)
75. Zakir Məmmədov// <http://www.azerbaycanli.org/?lang=aze&page=293&newsId=2345>

на английском языке

76. Encyclopædia Iranica. Music of Azerbaijan // <http://www.iranicaonline.org/articles/azerbaijan-xi>
77. Philip Khuri Hitti, Islam, a Way of Life, page 147. University of Minnesota Press

На персидском языке

- از ویکیپدیا دانشنامهٔ آزاد پروین عتصامی
78. https://fa.wikipedia.org/wiki/پروین_عتصامی
از ویکیپدیا دانشنامهٔ آزاد حیدر بابایا سلام
79. https://fa.wikipedia.org/wiki/حیدر_بابایا_سلام
از ویکیپدیا دانشنامهٔ آزاد زین العابدین مرغه ای
(дата обращения 20.04.2016).
80. https://fa.wikipedia.org/wiki/زین_العابدین_مرغه_ای
از ویکیپدیا دانشنامهٔ آزاد ساعدی
81. <https://fa.wikipedia.org/wiki/ساعدی>
از ویکیپدیا دانشنامهٔ آزاد سید محمد حسین شهریار
8. https://fa.wikipedia.org/wiki/سید_محمد_حسین_شهریار
از ویکیپدیا دانشنامهٔ آزاد سور اسرافیل (روزنامه).
83. [https://fa.wikipedia.org/wiki/سور_اسرافیل_\(روزنامه\)](https://fa.wikipedia.org/wiki/سور_اسرافیل_(روزنامه))
از ویکیپدیا دانشنامهٔ آزاد عبد الرحیم طالبوف
84. https://fa.wikipedia.org/wiki/عبد_الرحیم_طالبوف
(дата обращения 20.04.2016).
85. بهرام آجورلو درآمدی بر سبک معماری آذربایجان // باغ نظر شماره ۱۴ // ۱۳۸۹
. http://www.sid.ir/fa/VEWSSID/J_pdf/44213891401.pdf
Bahram Ajourloo* PhD
An Introduction to the Azerbaijani Style of Architecture
دکتر ناصر علیزاده/ خانم فرنی صفدرپور تحقیق علم بیان در دیوان همای تیریزی شماره ۵۰/۵۱.
86. <http://www.ensani.ir/storage/Files/20120413175015-5163-151.pdf>
قالبهای شعر ترجیع بند و ترکیب 87
<http://vidah.rozblog.com/post/489>

Часть II.

РОЛЬ ФОНДА Г.АЛИЕВА В РАЗВИТИИ КУЛЬТУРНОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Сегодня мир переживает свои не самые лучшие времена. Чем больше сознательное мировое сообщество с целью установления мира и добра во всем мире проявляет внимание и заботу о культуре и ее составляющих, тем больше сопротивления со стороны, как глобализирующегося мира, так и растущего религиозного фундаментализма, тотальной кощунственной безграмотности и пренебрежения исторически сложившимся ценностям.

В настоящее время мир стоит перед серьезным выбором дальнейшего пути развития, в котором определяются приоритеты духовного и материального. И, чем больше устанавливаются приоритеты духовного плана, тем больше становится вероятным, что будущее человечества, а точнее, существование того или иного этноса, неразрывно связано с историческим опытом, сложившимися ценностями, культурой во всех ее проявлениях, и, наконец, с диалогом между культурами и толерантностью. Культурная и религиозная толерантность – важный элемент среди этих проявлений.

Как практический принцип в культуре межэтнического общения в современной социо-культурной ситуации толерантность является, прежде всего, принципом терпимости и безопасности. Все международные и межэтнические конфликты возникают на

почве непонимания, поэтому в современном мире развитие толерантности как практического принципа в культуре межэтнического общения является необходимостью.

В современной ситуации культура выживания – это культура уважения и терпимости. Она находится в процессе становления, она складывается постепенно, мучительно на протяжении тысячелетий, которые были заполнены самого разного масштаба войнами, конфликтами и кризисами. Но теперь, когда народы смешались, когда ни один народ не может быть искусственно изолирован от соседних, единственной основой, способной объединить разные расы, классы, интересы и позволить людям заняться трудом по переустройству мира, может быть толерантность.

В XXI в. толерантность стала одной из нравственных основ мирового сообщества. Термин «толерантность» оказывается ключевым понятием, эвристическим для понимания политических, социальных, культурных процессов и тенденций XXI в. Только на основе принципов толерантности может выжить человечество в современном плюралистическом, мультикультурном мире.

Конфликты, чреватые разрушительными войнами, несущие опасность выродиться в столкновение цивилизаций, угрожают самому существованию человечества. Их глубинными причинами являются интолерантность, нетерпимость, фанатизм, ксенофобия, экстремистский национализм, имеющие тысячелетние традиции. Толерантность – результат накопления человечеством опыта совместного существования на Земле множества народов, стран, культур, цивилизаций (3).

Стремительное развитие цивилизации, высоких технологий, роботостроения, и, благодаря этому, стремление человека утвердиться во вселенной своей сверхсущностью отрывает его от своего духовного начала. В свою очередь, культура – это живая память и напоминание человеку о его сущности.

В этой связи Азербайджан является уникальной страной, в которой сложились свои традиции и особая модель толерантности.

Согласно единодушной оценке международных экспертов и профильных научно-исследовательских центров, современный Азербайджан – модель страны, в которой сформированы гармоничные национально-этнические отношения. Накоплен уникальный опыт превращения культурного многообразия в фактор развития и безопасности общества.

Сформировавшиеся в историческом процессе этнокультурные многообразия (многокультурность, мультикультурализм) и образующие их основу этнокультурные ценности играют важную роль в развитии народов и государств. Но когда эти многообразия не регулируются государством или регулируются неправильно, когда в стране не формируется соответствующая мультикультурная политика, возникают серьёзные проблемы, даже происходят конфликты. Поэтому верное регулирование многообразия имеет большое значение для каждого поликультурного государства.

К сожалению, сам мультикультурализм тоже не принёс одинаково положительных результатов, ожидаемых от него в разных странах. В какой стране, и какие он дал результаты? Прежде чем приступить к поискам ответа на этот вопрос, мы должны установить, что исторически легло в основу этнического и религиозного многообразия страны? Некоторые страны, исторически минув всякие многообразия, пришли к точке соприкосновения с другими культурами как моноэтнические сообщества. В некоторых же странах многообразие имеет исконный (первоначальный) характер. В первом случае пришлым мультикультуральным ценностям нелегко было прижиться в стране с уже сложившимися ценностями. Попытки привития новых ценностей в таких странах волей-неволей обретают искусственный характер. Поэтому крах этой модели в некоторых странах Европы, например, в Великобритании, Франции, Германии, произошёл, наряду с субъективными, не без объективных на то причин.

В некоторых странах мира многообразие начинается с самых ранних периодов их истории. Разные народы, проживавшие на их территории, начиная с древнейших времён, дошли до современности, формируя друг друга. Если не разграничить «первоначальное» и «позднее» многообразия, нам не удастся раскрыть тайну краха мультикультурализма в какой-либо отдельной стране современного мира и его торжества в какой-то другой.

Мультикультурность как исследовательское понятие, используемое для характеристики сосуществования на едином культурном пространстве разнородных плюральных групп, является реакцией на ситуацию последних десятилетий. Несмотря на то, что культурная диверсификация была реальностью для многих сообществ и до середины XX в., лишь в условиях глобализации она, выступая в облике глобального культурного многообразия, подверглась необходимой рефлексии. Сторонники различного рода теорий и проектов мультикультурализма рассматривают его как гетерогенность современных обществ, а вместе с тем – как многосоставность и множественность существующих в них идентичностей. На теоретическом уровне акцент делается также на необходимости повышения престижа каждой культуры путем подчеркивания равенства групп и предоставления их членам возможностей публичного высказывания (14).

Существующая в Азербайджане нормальная мультикультуральная атмосфера – сосуществование различных конфессий, этнических сообществ в условиях мира и дружбы – своими истоками уходит в древнейшие периоды нашей истории. «Первоначальное» многообразие, наблюдаемое на территории Азербайджана, – одно из редких в мире явлений, и оно, как только что было отмечено, резко отличается от «позднего» многообразия. Именно «первоначальное» многообразие сформировало сохранившуюся на территории Азербайджана модель системных отношений. И в результате именно в Азербайджане, в особенности, в период независимости, приверженность и лояльность к многообразию, веками проявлявшиеся в творениях поэтов, писателей, учёных,

смогли обрести новый, теперь уже политический лад. Поэтому неудивительно, что в то время, когда в ряде стран Запада, в той же Франции, Англии, Германии делались официальные заявления о крахе мультикультурализма как политической линии, в Азербайджанской Республике мультикультурализм становится государственной политикой. В начальный этап государственной независимости Азербайджана великий лидер Гейдар Алиев для успешного развития Азербайджана в будущем избрал очень точную идеологическую цель. Он развил традицию многокультурности в Азербайджане и вывел её в качественно новую плоскость – политическую. Политика мультикультурализма, основа которой была заложена великим лидером, на современном этапе успешно развивается Президентом Ильхамом Алиевым.

Как отметил Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев, мультикультурализм стал образом жизни нашего народа. Превращение мультикультурализма в образ жизни гражданского общества – высшая ступень его развития. На этой ступени утверждение общечеловеческих ценностей, таких чувств, как доброта, милосердие, сострадание, терпимость, обретают в обществе особые масштабы и особую значимость. Идеи мультикультурализма укрепляются в общественном сознании.

Несомненно, в сравнении со странами Западной Европы Азербайджан имеет относительно малый реальный опыт демократического развития. Но он богат духовным опытом. Из наших дастанов, сказок, образцов нашей классической литературы можно привести немало примеров, связанных с древними демократическими принципами. Можно долго говорить о толерантности в духовной жизни Азербайджана в течение всей его истории. Всё это, естественно, является доказательством тому, что мультикультуральный образ жизни был свойствен азербайджанскому обществу изначально.

Возникает вопрос: где, в каких странах потерпели неудачу мультикультуральные ценности? Это произошло там, где после завершения процесса духовного становления общества на новых

миграционных волнах стали привноситься новые, до сей поры неведомые ему мультикультуральные ценности, чуждые ему воззрения. И уже сформировавшийся общественный, государственный организм не смог принять эту новую, искусственно прививаемую культуру.

В Азербайджане же эти ценности с самого начала не имели искусственного характера. Они изначально находились вместе, их общность имела естественное происхождение. В этом-то и суть вопроса. Поэтому мы методологически должны разграничивать понятия «первоначальное многообразие» и «позднее многообразие». Первоначальное многообразие в реальности не содержит в себе элемента миграции. Это сосуществование, совместное бытие многообразий с самого начала. Имея в виду именно это, Президент Азербайджана Ильхам Алиев указывает, что «традиции мультикультурализма в течение веков всегда существовали в Азербайджане. Просто, назывались они по-разному, но суть не менялась». Именно поэтому Азербайджан сумел «не сдаться» на фоне проблем, возникших перед политикой мультикультурализма в европейском пространстве.

Нам известны многие составляющие национальной безопасности государства – экономическая безопасность, транспортная безопасность, культурная безопасность, энергетическая безопасность, продовольственная безопасность и др. Каждый из них и все они вместе взятые являются важными для жизни государства компонентами. В данную систему как целостный компонент безопасности можно также ввести мультикультуральную составляющую, которая выступает как неотъемлемая часть духовной, идеологической жизни. Так же, как страна обеспечивает свою энергетическую, экономическую, культурную безопасность, она должна обеспечивать и безопасность мультикультуральную.

Мультикультуральная безопасность включает в себя ряд принципов. Эти принципы обуславливают ситуацию, когда государство ощущает себя уверенным в себе, справедливым, здоровым организмом, имеющим непрерывно и качественно обновля-

ящуюся суть. Дух мультикультурализма, мультикультуральной безопасности заключается в том, чтобы в той или иной стране права и свободы каждого охранялись независимо от его расовой, национальной принадлежности, от его религии и языка, чтобы охрана и развитие культурных ценностей всех народов, этнических групп осуществлялись независимо от их этнической, религиозной, расовой принадлежности. Если проблемы, возникающие в области обеспечения мультикультуральной безопасности общества, начнут обостряться, то это приведёт к противостояниям на этнической, религиозной, расовой почве. Наглядным тому примером является наблюдаемое в последнее время в ряде европейских стран усиление тенденций этнического и религиозного радикализма, национализма, ксенофобии, антисемитизма, исламофобии. К сожалению, иногда со стороны отдельных, не очень глубоко разбирающихся в происходящих в Азербайджане общественных, идеологических процессах организаций и официальных лиц из европейских стран выдвигаются немыслимые, даже смехотворные требования, претензии, связанные с национальными меньшинствами и правами человека в нашей стране. Азербайджан всегда готов вести дискуссии по всем вызывающим непонимание моментам. Но часто, когда на передний план выдвигаются условия всем понятные, но которые наши критики не могут и не хотят принять, увидеть, то начинаем думать так: возможно ли, чтобы учреждения или лица, считающие себя демократически настроенными, выдвигали подобные претензии?! Как какая-то государственная структура (к сожалению, такие тоже имеются), не обращая внимания на применяемые в отношении к Азербайджану двойные и тройные стандарты, может выдвинуть обвинения против небольшой страны, территория которой подверглась оккупации, и которая в труднейших условиях занята самоорганизацией, ценой великих усилий возрождается из имперского пепла, восстанавливает свои, выработанные веками, разрушенные в силу понятных причин ценности?! Неужели мир движется к возрождению средневекового христианско-исламского

противостояния?! Неужели вновь протрубили трубы крестовых походов?! Выдающийся немецкий мыслитель Ф.Ницше пророчески предупреждал нас: «Пустыня увеличивается». А ей нельзя дать увеличиться. Если сработает система мультикультуральных ценностей, будет сформировано адекватное отношение к этим ценностям, то увеличение пустыни можно предотвратить. Таким образом, формирование принципов мультикультуральной безопасности в стране, подобно Азербайджану, всей душой открытой многообразию, в реальности является попыткой систематизации некоторых протекающих в идеологической плоскости процессов.

Президент Ильхам Алиев в одном из своих выступлений отметил, что в зарубежных странах его часто с удивлением спрашивают: что стоит в основе такого толерантного, дружественного отношения друг к другу руководителей различных конфессий в Азербайджане? В чём причина этого?

Признаемся, что для азербайджанца сама постановка этого вопроса звучит странно. Потому, что современный азербайджанец ощущает эти отношения всей своей душой, всем своим существом. Он может и не знать этих причин. Но подобные отношения важны для нашей жизни так же, как воздух, которым дышим, вода, которую пьём. На этот вопрос, конечно, имеется и рациональный ответ. Наличие в Азербайджане такой среды связано с тем, что политическое руководство страны, глава государства проводит одинаковую политику в отношении ко всем конфессиям. Не ставит между ними каких-либо различий. Одинаковое политическое отношение, в свою очередь, обуславливает толерантное отношение конфессий друг к другу и каждой из них к государству. Итак, мы пришли к первому основному выводу: один из основных и наиболее важных принципов мультикультуральной безопасности заключается в создании механизма равного политического отношения к разным конфессиям внутри страны. Другой принцип мультикультуральной безопасности предполагает

наличие государственной заботы, направленной на сохранение имеющегося в стране национального многообразия.

Азербайджан – это страна, где в условиях мира, дружбы, братства, разделяя радости и невзгоды друг друга, живут представители разных народов. Эту территорию превратили в общую свою родину современные наследники древней Кавказской Албании – удины, аварцы, лезгины, а также евреи, талыши, русские, грузины, курды, а в недавнем прошлом – ещё и немцы. Сегодня те армяне, которые не приемлют абсурдных притязаний сепаратистов, тоже считают эту землю своей родиной. Хиналугцы, джекцы, каждый из которых населяет всего одно село, язык и этническая идентичность которых, кроме своих сёл, нигде больше не встречается, также принадлежат Азербайджану. Языковое и культурное богатство всех этих народов Азербайджанское государство считает своим богатством, своим достоянием. Великий лидер Гейдар Алиев говорил: «Государство, чем больше народов оно объединяет, тем богаче, потому что каждый из них вносит свой вклад в общемировую культуру и цивилизацию».

Сложившееся в Азербайджане новое, демократичное сообщество сегодня активно участвует в строительстве независимого государства. Его национальное многообразие не мешает живущим в нём людям чувствовать себя азербайджанцами. Оно может говорить на своём родном языке, может писать на нём, удовлетворять свои культурные потребности. В статье 44 нашей Конституции, названной «Право на национальную принадлежность», указывается: «Каждый обладает правом сохранять свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден изменить свою национальную принадлежность».

Представителей проживающих в нашей стране различных народов сегодня можно увидеть во всех областях жизни независимого Азербайджана – в политике, экономике, образовании, спорте, духовной жизни, словом, везде. Ещё один важный принцип мультикультуральной безопасности формируется благодаря

поддержке, оказываемой государством и обществом культурному многообразию в стране.

Таким образом, общеазербайджанский культурный контекст стал для них общим духовным пространством. Сегодня эта политическая линия – одна из приоритетных для Азербайджанского государства.

Ещё одним важным условием для сохранения культурного многообразия является то, что, наряду с государством, этим делом должны заниматься гражданское общество и поддерживающие его деятельность структуры. С этой точки зрения можно, в первую очередь, назвать Фонд Гейдара Алиева, который претворяет в жизнь грандиозные проекты. Реальную работу в этом направлении проводят Совет государственной поддержки неправительственных организаций при Президенте Азербайджанской Республики, Фонд государственной поддержки развития средств массовой информации при Президенте Азербайджанской Республики, недавно созданные Президентом Азербайджана Бакинский международный центр мультикультурализма, Фонд знаний при Президенте Азербайджанской Республики и др.

Проведённый на примере Азербайджана анализ мультикультуральной безопасности показывает, что при целенаправленном соблюдении её принципов не только внутренний потенциал страны охотно выводит на поверхность свои залегающие в глубинных пластах богатства, но и обогащается международный имидж страны дополнительными позитивными штрихами. Это последнее обстоятельство было не раз подчёркнуто иностранными участниками недавно состоявшегося в Баку 3-го Всемирного форума по межкультурному диалогу. Ещё один грандиозный тому пример – Первые Европейские игры, которые ещё раз подтвердили, что гражданину Азербайджана чужда самоизоляция во всех её проявлениях, он смотрит на все народы и нации в мире как на своих. Есть одна семиотическая оппозиция, которую многие народы всё ещё не могут преодолеть: оппозиция «свой-чужой». Для наших соотечественников эта оппозиция ещё в

средние века начала терять свой смысл. Сегодня эта оппозиция имеет предельно «мягкую» форму.

Место мультикультуральных ценностей и в литературе, и в психологии, и в отношении к миру, и в современных политических представлениях очевидно. Именно поэтому сегодня «Азербайджанский мультикультурализм» как учебный предмет привлекает европейские университеты. Можно отметить, что в ряде университетов уже началось преподавание названного предмета. Сегодня университеты Литвы, Грузии, России, Болгарии, Беларуси, Италии, Чехии проявляют интерес к Азербайджану и через преподавание «Азербайджанского мультикультурализма». Следует подчеркнуть, что одновременно началось преподавание этого предмета также в университетах Азербайджана. Ожидается, что количество таких университетов, как зарубежных, так и отечественных, будет возрастать с каждым семестром. Само преподавание этого предмета в азербайджанских и зарубежных университетах является ещё одним из принципов мультикультуральной безопасности.

Можно заключить, что принципы мультикультуральной безопасности для небольших, но имеющих глубокие корни и историю стран, каким является и Азербайджан, столь же важны и необходимы, как и принципы других доктрин безопасности. Утверждение перечисленных здесь принципов в Азербайджане стало возможным, благодаря совместным усилиям и совместному труду граждан нашей страны. Предотвращение сторонних идеологических вмешательств, сведение к минимуму провокационного характера тенденций зависит в том числе и от осуществления данных принципов. По мере приближения к точно указанной великим лидером идеологической цели мир адекватно узнаёт и с нарастающим интересом продолжает изучать и оценивать нас. А это, в конечном итоге, означает усиление лояльного отношения к Азербайджану в разных частях земного шара (19).

Американская газета The Hill опубликовала статью эксперта в области международных отношений Арье Гута под названи-

ем «Азербайджан – страна толерантности и мультикультурализма». Автор пишет, что многое говорится о религиозной толерантности в Азербайджане и даже так называемая комиссия США по свободе вероисповедания в странах мира по непонятным причинам обеспокоена ситуацией с вероисповеданием в Азербайджане и Казахстане – передает Vesti.Az.

«Удивительно, что аналитики этой комиссии настаивают на том, что государства не должны создавать препятствий для радикальных религиозных экстремистов и радикальных идеологий», – подчеркивает А.Гут.

По его словам, следуя логике комиссии, недавние выступления европейских лидеров, включая британского премьера Дэвида Кэмерона в Белом Доме или действия тех же самых французских и бельгийских полицейских, должны быть осуждены этой комиссией. Это, в свою очередь, отражает не только отсутствие координации между различными американскими органами, но и демонстрирует отсутствие стратегического видения по самым важным вопросам международных отношений.

На самом деле и вопреки позиции этой комиссии, Азербайджан и Казахстан являются одними из самых толерантных обществ в мире, возглавляют список самых толерантных стран, пишет автор». В 2014 году руководство Азербайджана создало два института, укрепляющие роль страны как государства, гарантирующего этническую и религиозную толерантность. Первым институтом стала должность государственного советника по межнациональным вопросам, вопросам мультикультурализма и религии, которую занял видный азербайджанский ученый, академик Кямал Абдулла.

Вторым решением стало учреждение Бакинского международного центра мультикультурализма, основным направлением деятельности которого является продвижение межкультурного диалога и гуманитарных вопросов», – отмечает автор.

Также, представляя информацию о религиозном составе Азербайджана, отмечается, что, несмотря на то, что шииты со-

ставляют большинство населения, Азербайджан также является родиной для последователей различных религий и представителей различных этнических групп. Уважение и толерантность к национальным меньшинствам были основой самого развития страны с древних времен, во времена Шелкового пути, вплоть до настоящего времени.

Представители национальных меньшинств и женщины занимали много постов в азербайджанском правительстве после восстановления независимости Азербайджана.

Самым главным испытанием для традиций религиозной и национальной толерантности в Азербайджане стали события, произошедшие в период развала Советского Союза.

В тот период армяне оккупировали 20 процентов территории Азербайджана и, осуществляя политику этнической чистки, создали проблему одного миллиона вынужденных переселенцев. Несмотря на широкомасштабное убийство и изгнание мирного населения, ключевой принцип сосуществования оставался характерной чертой азербайджанского общества. И даже спустя 20 лет с начала войны в Нагорном Карабахе, азербайджанское общество продолжает поддерживать гармонию между религиозными и этническими группами.

Здесь стоит вспомнить о примерном сосуществовании мусульман и евреев в Азербайджане. Азербайджан оказывает большую поддержку еврейской общине страны.

По инициативе президента Ильхама Алиева и Первой леди Мехрибан Алиевой были построены две синагоги и крупнейший центр образования на Южном Кавказе. Существуют и планы по строительству первого еврейского музея в регионе.

Красная Слобода – поселок в Губинском районе Азербайджана, который считается единственным еврейским поселением за пределами Израиля, является гордостью Азербайджана. В Губе мусульман и иудеев также связывают трагические события 1918-1919 гг., когда члены армянской националистической партии «Дашнакцутюн» учинили резню над тысячами мирных евреев и

азербайджанцев. Израиль высоко оценивает роль азербайджанского руководства в отношении к евреям, которое было бы невозможно без глубоких традиций уважения и сотрудничества, примерных отношений между двумя странами. Сейчас это сотрудничество переросло в торговые отношения, оцениваемые в 3, 5 миллиарда долларов, начиная от купли-продажи нефти до проектов высоких технологий и инноваций. Президент Азербайджана Ильхам Алиев заслужил уважение большей части израильского общества за его приверженность свободе и толерантности азербайджанских евреев» (20).

Способов реализации политики толерантности в Азербайджане достаточно. Институты гражданского общества являются лучшими исполнителями данной миссии, среди которых особо выделяется Фонд Гейдара Алиева.

Фонд Гейдара Алиева был создан, исходя из назревшей необходимости в выражении уважения и почтения памяти общенационального лидера Гейдара Алиева, отражения его богатого духовно-нравственного наследия, стремления подчеркнуть значимость для Азербайджана философии «азербайджанства» Гейдара Алиева, передаче новым поколениям идей национальной государственности.

Фонд Гейдара Алиева, функционирующий с 2004 года, принимает активное участие в строительстве нового общества, вносит вклад в социально-экономическое развитие страны, благодаря реализации различных проектов в области образования, здравоохранения, культуры, спорта, науки и технологии, экологии, социальной и других сферах.

Президентом Фонда Гейдара Алиева является Первая леди Азербайджанской Республики, посол доброй воли ЮНЕСКО и ИСЕСКО Мехрибан Алиева.

Фонд ставит перед собой следующие цели:

– способствовать изучению, пропаганде и претворению в жизнь идей и политики, определенной и разработанной видным политическим деятелем Гейдаром Алиевым во имя социально-

экономического, культурного прогресса страны, ее интеграции в мировое цивилизованное сообщество, улучшения материального благосостояния народа;

- содействовать реализации широкомасштабных программ и проектов, служащих делу процветания Азербайджана и повышению благосостояния народа путем использования богатого наследия общенационального лидера Гейдара Алиева;

- разрабатывать и претворять в жизнь программы и проекты в сфере науки, образования, культуры, здравоохранения, спорта и экологии;

- расширять сотрудничество с республиканскими и зарубежными фондами, неправительственными и общественными организациями, претворять в жизнь совместные проекты;

- способствовать решению локальных социальных проблем, оказывать помощь людям, нуждающимся в особой заботе;

- помогать выявлению и способствовать развитию творческого потенциала, знаний, умений и способностей людей;

- содействовать работе, связанной с широкой пропагандой азербайджанской культуры, сохранением духовно-нравственных ценностей;

- служить делу воспитания детей и молодежи как всесторонне развитых граждан;

- содействовать осуществлению мероприятий, направленных на повышение международного авторитета Азербайджанской Республики;

- доводить до мировой общественности азербайджанские реалии;

- сотрудничать с республиканскими и зарубежными учебными заведениями;

- содействовать проведению научных исследований;

- содействовать обмену опытом между учеными и известными научно-исследовательскими центрами зарубежных стран, способствовать повышению творческого и научного потенциала страны;

- развивать инфраструктуру детских организаций;
- способствовать развитию медицины и здравоохранительных учреждений;
- поощрять важные исследования в сфере экологии, пропагандировать здоровый образ жизни;
- организовывать конференции и семинары на актуальные темы на территории Азербайджанской Республики и за рубежом;
- организовывать выставки детей, творческой молодежи, деятелей искусства;
- способствовать установлению религиозной толерантности, построению гражданского общества, сохранению национально-нравственных ценностей в условиях глобализирующегося мира (21).

Как видно из официально принятых целей Фонда, установление культурной и религиозной толерантности является приоритетным для данной организации.

Исходя из объективности, считаем, что лучшее описание деятельности Фонда в области развития культурной и религиозной толерантности можно передать исключительно по первоисточнику. И считаем необходимым показать на примере некоторых мероприятий обобщенную и вместе с тем охватывающую информацию о деятельности Фонда Гейдара Алиева в области развития культурной и религиозной толерантности.

Вначале следует отметить, что в провинциях Пакистана Фондом Гейдара Алиева осуществлены широкомасштабные проекты в образовательной, медицинской и гуманитарной сферах. В рамках этих мероприятий в 2007 году в пострадавшем от землетрясения городе Музаффарабад была построена школа для девочек; была капитально отремонтирована школа, пострадавшая от селей и наводнений. На основании других проектов в провинциях Хейбер-Пахтунхва и Пенджаб было проведено вакцинирование против вируса гепатит В, в городе Пешавар в Институте церебрального паралича «Akbar Care» организовано бесплатное обследование, а в больнице Кульсум проведены операции на от-

крытом сердце. Для Фонда Хамза в Пешаваре были приобретены машина скорой медицинской помощи, оснащенные современным оборудованием и лабораторией по переливанию крови, тысячи пакетов для переливания крови, оказана материальная помощь строительству нового здания Хейберского глазного фонда и Фонду Саиф. Сейчас в регионе Дера Исмаил Хан строится водопроводная система. В то же время ежегодно в месяц Рамазан фондом организуются ифтары для детей-сирот во всех провинциях Пакистана, а во время Гурбан байрамы в городах Исламабад, Фейзабад (провинция Пенджаб), Лакки Марват (провинция Хейбер-Пахтунхва), а также пострадавшем от землетрясения регионе провинции Белуджистан неимущей части населения раздаются мясо принесенных в жертву животных. Сообщалось, что по инициативе Фонда 36 студентам 12 ведущих университетов Пакистана и 5 ученикам школы Рара выплачиваются ежемесячные стипендии.

В ноябре 2015 года по инициативе и при поддержке руководства Фонда Гейдара Алиева в доме сирот «Edhi Homes» в городе Лахор провинции Пенджаб Пакистана состоялось гуманитарное мероприятие. Данное мероприятие ознаменовало собой высший уровень отношений между Азербайджаном и Пакистаном и логической последовательностью выполняемого цикла программ гуманитарной помощи в сферах здравоохранения и образования.

На мероприятии было отмечено, что в 2012-2015 годах по инициативе Фонда Гейдара Алиева в Пакистане помимо ранее отмеченных был осуществлен ряд гуманитарных проектов в сферах здравоохранения и образования. В 2014 году по инициативе и при поддержке Первой леди Мехрибан Алиевой в провинции Дера Исмаил Хан был осуществлен проект «Водоснабжение Гейдар Алиев», а в 2015 году в Гуджархане – проект «Водоснабжение шехидов 20 Января», отметил, что в результате этого десятки тысяч жителей данных территорий обеспечены питьевой водой, за что Первая леди Азербайджана в 2012 году была удостоена пре-

мии «Символ гуманизма – женщина 2012 года», в 2013 году – премии «Шехид Беназир Бхутто», а в 2015 году – награждена орденом «Hilal-e-Pakistan».

В столице Боснии и Герцеговины Сараево по инициативе и при поддержке Фонда Гейдара Алиева были реконструированы центры для незрячих и слабовидящих детей и молодежи.

Все это указывает на гуманистический уклад Фонда в своих целях и намерениях, отсутствие пренебрежительности к географически далеким, но духовно близким народам.

5 марта 2015 года Первая леди Азербайджана, президент Фонда Гейдара Алиева Мехрибан Алиева встретила в Ватикане с министром культуры Святого Престола, кардиналом Джан-франко Равази. Эта встреча явилась историческим событием, так как она послужила еще одним выражением приверженности Азербайджана к ценностям мультикультурализма.

Деятельность Фонда Гейдара Алиева в сфере укрепления двусторонних связей между Азербайджаном и Ватиканом занимает особое место. Уникальность осуществляемых двусторонних проектов в гуманитарной и культурной сфере, связанные с реставрацией и электронизацией Римских катакомб, некоторых уникальных рукописей в Апостольской библиотеке Ватикана, а также с реализацией других проектов в качестве важного исторического шага, предпринятого Азербайджаном, как мусульманской страной, внесла колоссальный вклад в сокровищницу не только европейской, но и мировой культуры.

В древнем городе Акко, расположенном на севере Израиля, проживает одна из самых многочисленных в стране общин выходцев с Кавказа. Основную часть общины составляют выходцы из Азербайджана.

23 июня 2015 года в этом городе состоялось открытие фотовыставки «Азербайджан – территория толерантности», организованное Международной Ассоциацией «Израиль-Азербайджан» («АзИз») при поддержке Фонда Гейдара Алиева и Национального Центра толерантности Азербайджанской Республики.

На данном мероприятии были еще раз подчеркнуты тезисы, согласно которым жизнь еврейского населения Азербайджана на протяжении многих веков была самой безопасной и служила образцом для других регионов компактного проживания еврейского населения и, что благодаря Азербайджану, толерантность – это не абстрактное понятие, а конкретное.

28 мая 2015 года при организационной поддержке Фонда Гейдара Алиева и поддержке постоянного представительства Азербайджана при Совете Европы в штаб-квартире организации состоялась выставка в рамках проекта «Культурные ценности жемчужины Кавказа – Азербайджана».

На мероприятии было отмечено, что сегодня Азербайджан – правовое, демократическое и светское государство, расположенное на стыке двух континентов, является лучшим культурно-географическим пространством, где соседствуют различные культуры и религии, этнические группы, созданы благоприятные условия и бытует высокая толерантность, позволяющая населению этого пространства развивать свой язык и культуру.

Через Азербайджан, расположенный на стыке Запада и Востока, прошло множество цивилизаций, которые оказали несомненное влияние и внесли свой вклад в развитие его цивилизации и, несомненно, сыграли свою роль в становлении и развитии здесь мультикультурной ментальности.

Заместитель генерального секретаря Совета Европы Габриэлла Баттаини-Драгони, выступая на конференции, проводимой в рамках проекта, заявила, что культурные ценности, с которыми она ознакомилась, представляют собой синтез культур. Это, в свою очередь, является также синтезом культур, проживающих в стране этнических групп. Все это вместе и составило историю и культуру Азербайджана.

Культурное наследие Азербайджана разнообразно и красочно. Его культурные ценности несравнимы ни с какой страной. Историко-архитектурный заповедник «Ичери шехер», Гобустан и Атешгях, Габалинские археологические раскопки составляют

ценное всемирное культурное наследие. Имея такие материальные и духовные культурные ценности, Азербайджан не мог быть иначе как символом и воплощением толерантности.

3 сентября 2015 года в Париже открылась фотовыставка всемирно известного фотографа Резы Дегати «Азербайджан – страна толерантности», организованная Фондом Гейдара Алиева.

Выставка была посвящена крайне важной теме – толерантности. На выставке с помощью фотографий и фотокомпозиций была продемонстрирована мультикультурная составляющая характера азербайджанского народа.

Всемирно известный фотограф Реза Дегати выразил признательность Фонду Гейдара Алиева, отметив, что в сегодняшнем мире, полном проблем, есть край, где в условиях дружелюбия проживают представители различных конфессий и народов. Это – Азербайджан.

На выставке были представлены фотографии известного фотографа, сделанные им в разные годы. Эти фото познакомили зрителей с образом жизни, обычаями и традициями представителей различных народов и религий, проживающих в Азербайджане. Демонстрируемые на выставке работы известного фотографа воспевают уважение и почтение, существующее в отношениях между различными религиозными общинами в Азербайджане. На фотографиях можно было увидеть природу Азербайджана, древние обычаи и традиции, повседневную жизнь простых людей. Эти фото демонстрируют зрителю исторические достопримечательности нашей страны, образы жизни различных регионов Азербайджана, а также современность нашей, имеющей древнюю историю, страны.

8 сентября 2015 года в Париже в рамках проекта Фонда Гейдара Алиева «Азербайджан в сердце Парижа» была организована конференция на тему «Религиозная толерантность: культура сосуществования в Азербайджане».

На конференции была отмечена актуальность темы толерантности в сегодняшней мировой повестке дня, подчеркнуто,

что интерес Азербайджана к данной теме, являющейся вопросом мирового значения, носит показательный характер. Франции, как стране, глубоко интересующейся проблемами толерантности, интересно знать, как такая молодая страна, как Азербайджан, за короткое время добилась своего политического выбора и стала образцовой в этой области. Благодаря руководству Фонда Гейдара Алиева на этой конференции, на которой принимали участие представители мировой общественности, была дана всеохватывающая информация о толерантности в Азербайджане.

В частности, было отмечено, что Азербайджан исторически располагался на стыке цивилизаций, культур, религий. Наша страна является естественным мостом между Азией и Европой. Конечно, это географическое расположение сыграло свою роль в культурном разнообразии в нашей стране. Веками представители различных религий, культур, наций, этнических групп проживали в этом древнем крае в условиях мира и спокойствия как одна семья.

Азербайджан сохранил формировавшиеся в нашем обществе тысячелетиями традиции толерантности и терпимости. И после восстановления нашей независимости народ Азербайджана заинтересован укреплять их.

Азербайджан – одна из редких стран, которая является одновременно членом и Организации Исламского Сотрудничества, и Совета Европы. Азербайджан – светская мусульманская страна. Ислам – священная религия для большинства азербайджанцев, и они с большим уважением относятся к исламской религии, к своим традициям, корням. Азербайджанцы гордятся своим культурным, религиозным и историческим наследием. Одна из древнейших мечетей мира – мечеть, построенная в 743 году, находится в азербайджанском городе Шемаха. Одна из самых древних церквей мира – Кавказская албанская церковь расположена недалеко от другого, имеющего многовековую историю, азербайджанского города Шеки. Православные и католические церкви, синагоги, храм огнепоклонников – все это – основополагающие культурно-

го наследия Азербайджана. В то же время Азербайджан является открытой миру страной, стремящейся наладить сотрудничество со всеми странами мира.

Сегодня в Азербайджане также полностью обеспечиваются и религиозные свободы. Азербайджан является многонациональной, многоконфессиональной страной. Представители всех народов, всех религий, всех этнических групп в нашей стране обладают равными правами. Конечно, это закреплено Конституцией страны, однако такова и реальность.

Присущая азербайджанскому народу терпимость, сформировавшаяся на протяжении веков, способствовала тому, что для населения Азербайджана это нормальный образ жизни. В Азербайджане никогда не было и нет каких-либо противостояний или недоразумений на религиозной, национальной почве. Независимо от общественно-политического строя, народы в Азербайджане всегда жили в условиях взаимного уважения и взаимопонимания.

Продуманная государственная политика в этой сфере, сформировавшиеся в обществе традиции терпимости, толерантности и, конечно, стремительное экономическое развитие Азербайджана в последние годы являются одними из важнейших факторов для предотвращения распространяющихся в мире тенденций радикализма и религиозного экстремизма. Сегодня представители всех религий, национальностей и этнических групп в Азербайджане вносят свой вклад в развитие нашей страны. 96 процентов населения нашей страны составляют мусульмане, 4 процента – представители христианской, иудейской и других религий. В республике имеется 597 религиозных общин, в том числе 21 немусульманская. К примеру, единственным в мире населенным пунктом, где компактно проживают горские евреи, является поселок Красная Слобода в Губинском районе Азербайджана.

Государственно-религиозные отношения занимают в Азербайджане особое место. Сохранение традиций толерантности – один из основных приоритетов государственной политики. Госу-

дарство берет на себя ремонт и строительство в нашей стране мечетей, католических, православных церквей, синагог, в этой сфере нет никакой дискриминации. Уважение любого человека к другой религии начинается с собственной религии, и сила любого общества заключается в его религиозном и национальном разнообразии.

Неслучайно, в последние годы многие международные мероприятия, посвященные темам мультикультурализма, межцивилизационного диалога, межкультурного диалога, проводятся именно в Азербайджане, его столице – Баку.

Сегодня на Ближнем Востоке, в Европе, других местах происходят войны, конфликты, кровавые столкновения на религиозной почве. Порой религиозная ненависть создается искусственно. В различных уголках мира мы становимся свидетелями насилия на этнической и религиозной почве. Все мы хорошо помним трагические события, произошедшие в начале этого года в Париже. Конечно, эти тенденции, происходящие в мире процессы всех нас беспокоят. Однако сегодня одного беспокойства недостаточно. Думаем, что необходимо повысить ответственность политиков, общественных деятелей, международных организаций и, в особенности, медиа в данных вопросах.

Говоря решительное «нет» экстремизму и терроризму, мы должны уделять особое внимание пропаганде ценностей терпимости, миролюбия, толерантности в наших обществах. Альтернативы мультикультурализму нет. Такие опасные тенденции, как дискриминация, ксенофобия, исламофобия, антисемитизм, которые становились причиной катастроф цивилизаций и народов в истории человечества.

Азербайджан, как страна, обладающая глубокими корнями мультикультурализма, готов играть важную роль в поощрении этих ценностей на глобальной арене. Азербайджан вносит свой вклад и в сохранение различных религиозных, культурных и исторических памятников. В 2012 году в Париже, в крупнейшем музее мира – Лувре был открыт раздел исламской культуры.

Азербайджан внес свою лепту в создание данного раздела. На самом деле, это вклад Азербайджана в лице Фонда Гейдара Алиева во всю исламскую культуру.

При поддержке Фонда Гейдара Алиева в Риме реставрируются священные катакомбы. Впервые в истории Ватикана организация, функционирующая в мусульманской стране, оказывает содействие реставрации священных христианских памятников. При поддержке Фонда для проживающих в Баку еврейских детей построен образовательный центр «Хабад-Ор-Авнер». Фонд также вносит вклад в ремонт католических, православных церквей, синагог в Азербайджане.

Фонд Гейдара Алиева реализовал во Франции несколько крупных проектов. В 2005 году Фонд оказал финансовую помощь реставрации Страсбургского кафедрального собора. Фонд принимает участие в реставрации древних церквей в различных регионах Франции. Фонд оказал поддержку реставрации около 20 католических церквей в регионе Нижняя Нормандия. Все это служит пропаганде и поощрению ценностей мира, терпимости, гуманизма, укреплению связей между народами и религиями мира.

Имея такие благие намерения и цели, в современной истории Азербайджан и его народ столкнулись с этнической чисткой и геноцидом. Азербайджан подвергся агрессии со стороны соседней Армении, 20 процентов наших земель находятся под оккупацией, один миллион наших соотечественников оказались в положении беженцев и вынужденных переселенцев. В городе Ходжалы в одну ночь были зверски убиты 613 мирных граждан – женщин, стариков, детей. На оккупированных землях Азербайджана существовало 876 исторических, культурных и религиозных памятников, можно сказать, все они полностью уничтожены.

Несмотря на все это, Азербайджан старается, чтобы конфликт был урегулирован мирным путем, чтобы развивалось региональное сотрудничество, улучшились межнациональные отношения, расширился межрелигиозный диалог. Азербайджан го-

тов и в дальнейшем вместе с другими странами вносить свой вклад в сохранение этих общечеловеческих ценностей, развития ценностей коммуникации, яркими примерами которого являются толерантность и мультикультурализм. И важным элементом толерантности в Азербайджане является превращение дела ее сохранения в государственную политику.

Яркими примерами толерантности и мультикультурализма в Азербайджане конечно же является феномен проживания в Азербайджане горских евреев. Горские евреи веками живут в Азербайджане. За эти долгие столетия они подружились, породнились с азербайджанским народом. Менталитеты двух народов стали похожими. Но у евреев есть своя Тора, пророк Моисей, национально-духовные ценности. Азербайджан живет и развивается своими национально-духовными ценностями. Во Франции, например, дома евреи – евреи, а за его пределами – французы. В Азербайджане все обстоит иначе. Евреи – евреи и дома, и вне дома. Они ходят в экипе и дома, и за его пределами. Они и дома говорят «Внемли Израиль», и вне дома не боятся говорить это.

Сегодня в Азербайджане действуют семь синагог, две еврейские средние школы, один колледж «Ишива», три детских сада и Еврейский дом. Все эти годы они всегда делили радость азербайджанского народа.

В последние годы, когда Азербайджан подвергся агрессии, у евреев тоже были шехиды. У евреев тоже есть азербайджанский национальный герой Альберт Агарунов. Где бы горские евреи ни находились, они гордятся этим.

Как-то группа евреев из Франции, отметив шабат в Азербайджане, с горечью говорили, что мечтают о таком шабате. Мусульманское государство, не имеющее аналогов в мире, построило и подарило евреям синагогу. Чтобы обеспечить ее функционирование, государство ежегодно оказывают помощь. Азербайджан – самая благоприятная в мире страна для евреев.

То же самое можно сказать о христианах. Естественно, Азербайджан является светским государством. Религия отделена от государства. Но по своей составляющей все же Азербайджан – ислам-

ская, потому что большинство граждан являются мусульманами и только небольшое число – христианами. Но, несмотря на это, все религии в Азербайджане пользуются одинаковыми правами. Свидетельством этого является то, что в Азербайджане во всех институтах власти, бизнеса, образования, здравоохранения присутствуют представители всех национальностей и всех религий. В Азербайджане, наряду с мечетями, храмами, костелами, новые синагоги. Причем они открываются, строятся вновь, старые реставрируются. Большую помощь в этом оказывает Фонд Гейдара Алиева. Совсем недавно был открыт Православный религиозно-культурный центр. Надо сказать, что государство очень внимательно относится к религиозным проблемам. Ежегодно Президент Азербайджана поздравляет религиозные общины: христиан – с Пасхой и Рождеством, мусульман – с Гурбан байрамы, а евреев – с Рош Ха-Шана. В Азербайджане также функционируют религиозно-учебные заведения. К примеру, функционируют Исламский университет, при христианском храме – христианская школа, а также иудейские учебные заведения. Это свидетельство того, насколько государство уважительно относится к религиозным проблемам.

Очень важная черта азербайджанского менталитета – это глубокое уважение к религиозным чувствам другого человека; здесь нет религиозных кварталов или национальных кварталов, нет национальных или религиозных улиц. На одной улице, в одном доме, здании проживают представители разных народов и разных национальностей. В Азербайджане довольно много смешанных браков. И если, например, мусульмане празднуют Гурбан байрамы или Рамазан байрамы, то это праздник всех граждан Азербайджана, вне зависимости от их религиозной или национальной принадлежности. Если это Рождество или Пасха, то также все граждане знают об этом и поздравляют друг друга с праздником. Так же и Рош Ха-Шана и Песах – это общие праздники для всех азербайджанцев

Во многих странах мира светскость воспринимается как новая религия, в Азербайджане же все обстоит иначе. Каждый исповедует свою религию, не мешая другому.

К великому сожалению, из-за последних событий в мире, благодаря которым под мнимым «флагом Ислама» гибнут простые люди, представители всех религиозных конфессий, народов и этнических групп, все больше и больше стала развиваться исламофобия. У терроризма и радикализма нет никакой религии и национальности. В таких деликатных вопросах необходимо быть очень точными. Надо думать, о том, что эти слова затрагивают чувства миллионов людей. Так как, эти явления не имеют никакого отношения к Исламу.

Достигнутая благоприятная атмосфера в Азербайджане, конечно же, стала возможной, благодаря историческим корням. Люди веками жили вместе, среди различных культур, различных религий. С другой стороны, конечно, это должно стать государственной политикой, так как государство уделяет большое внимание защите и сохранению этих традиций толерантности.

Также очень важным вопросом, конечно же, является решение экономических и социальных проблем. Так как если посмотреть, то можно увидеть, что экономически зависимые и социально уязвимые страны являются очагами, где господствуют эти негативные тенденции. В тех странах, где нет стабильности и экономического развития, а есть бедность, где крайне низок уровень образования.

Конечно, если взглянуть на путь, пройденный Азербайджаном после восстановления независимости, то можно увидеть, что за это короткое время было достигнуто много огромных успехов. Например, 10 лет назад уровень бедности в Азербайджане составлял 50 процентов. Сегодня он составляет 5 процентов. Уровень безработицы сегодня также сократился до 5 процентов. Сегодня всему миру известно, какими высокими темпами развивается экономика Азербайджана.

Сегодня в государственной политике образование рассматривается как важнейшее приоритетное направление, так как, если вновь обратить внимание, то можно увидеть, какая часть населения склонна к радикализму, экстремизму. К сожалению, это – молодежь. Молодежь, которая не обладает знаниями, не может получить образование. Поэтому образование имеет огромное значение в предот-

вращении радикализма, и в Азербайджане уделяется этому большое внимание. По линии государства, юридических и физических лиц наша молодежь отправляется на учебу в зарубежные страны, дабы она увидела атмосферу, царящую во всем цивилизованном мире. Конечно, огромную роль в этих вопросах играют стабильность, экономическое развитие.

Толерантность, терпимость – это нормальный и обычный образ жизни для всех граждан Азербайджана. Здесь никогда не делаются различия между людьми по их национальной, религиозной принадлежности. Когда здесь знакомятся с кем-то, даже в голову не приходит, какой религии, национальности человек, стоящий перед ними, так как все всегда ощущали себя одной нацией.

Поэтому очень важно, чтобы опыт Азербайджана был сегодня признан в мире. Конечно, Азербайджан готов к сотрудничеству в этой области со многими странами, в том числе и с Францией, где проблемы терпимости и мультикультурализма стоят ребром. Азербайджан надеется, что этот опыт будет признан и широко пропагандироваться в мире. К примеру, благодаря этому опыту, можно также решить некоторые проблемы во Франции.

Примечательна роль в этом Фонда Гейдара Алиева, как неправительственной организации с большими правами и полномочиями. Фонд, опираясь на общественное мнение, на основе обращений и социальных опросов, анализ ситуации и выявления проблем в той или иной области выступает перед государством с различными проектами и пользуется авторитетом среди государственных структур.

С 31 октября по 1 ноября 2014 года Баку стал центром притяжения «Великих мира сего», которые съехались на III Бакинский международный гуманитарный форум. Около 800 гостей более чем из 70 стран мира обсудили широкий спектр вопросов глобального характера, представляющих интерес для всего человечества.

Составу гостей и участников форума могли бы позавидовать организаторы любого высокого собрания государственного масштаба: семь бывших глав государств, видные политики, авторитетные профессора мира, 13 лауреатов Нобелевской премии,

ученые и академики, деятели культуры и искусства, руководители ведущих мировых СМИ. Такой представительский состав гостей обусловлен, в первую очередь, возрастающим интересом к гуманитарным сферам во всем мире, а также проблемам столкновения культур и мультикультурализма.

Бакинский международный гуманитарный форум, который некоторые эксперты уже успели окрестить «интеллектуальным Давосом», проходит ежегодно под патронатом двух президентов – России и Азербайджана. Именно Баку с его извечным смешением наций, языков, конфессий и мультикультурализмом явился идеальным центром для подобного рода форума. На сей раз организаторы Бакинского форума предложили восемь интеллектуальных площадок для обсуждения, на первый взгляд, разных, но, по существу, взаимосвязанных между собой тем. «Конвергенция технологий и очертания будущего: основные вызовы XXI века», «Гуманитарные аспекты экономического развития», «Научные инновации и их трансферт в сферу образования», «Мультикультурализм и самобытность: в поисках ценностного согласия в обществе», «Национальная идентичность в эпоху постмодерна», «Устойчивое развитие и экологическая цивилизация», «Достижения молекулярной биологии и биотехнологии: от теории к практике», «Актуальные вопросы медиа в условиях глобализации информационного пространства» – на этих «круглых столах» шли дискуссии, полные подлинной интеллектуальной страсти. Актуальность тем, выдвинутых на повестку дня форума, отчетливо прослеживалась в выступлении президента Азербайджана Ильхама Алиева на церемонии официального открытия III Бакинского международного гуманитарного форума. В частности, он говорил о важности диалога культур, гуманитарного сотрудничества и уделил особое внимание вопросам мультикультурализма:

«В XXI веке альтернативы мультикультурализму нет. Конечно, в XXI веке мы не можем безучастно относиться к таким негативным тенденциям, как дискриминация, ксенофобия, исламофобия. Поэтому считаю, что формирование мультикультурных

обществ, пропаганда этих идей должны стать составной частью деятельности каждого ответственного политика, общественного деятеля. К сожалению, в некоторых случаях мы слышим и другие мнения, мол, у мультикультурализма нет будущего. В ряде стран по этому вопросу господствуют очень пессимистичные настроения. Считаю, что мы должны проводить свой анализ на основе положительного опыта в мире и пропагандировать положительный опыт, так как в мире существует много адресов мультикультурализма. В большинстве стран мира существуют многонациональные общества. Сосуществование различных религий, различных народов – веление времени. То есть человечество развивается в этом направлении. Сегодня общечеловеческие ценности составляют основу в любом нормальном обществе. В таком случае проблемы, связанные с мультикультурализмом, конечно, должны открыто обсуждаться. Мы не должны скрывать эти проблемы. Они должны открыто обсуждаться, необходимо анализировать положительный и отрицательный опыт. Еще раз хочу сказать, наша основная идея должна заключаться в том, чтобы вносить свой вклад в развитие мультикультурных обществ. Можно сказать, что опыт, накопленный в Азербайджане в этом направлении, – положителен. Как уже отмечалось, это государственная политика Азербайджана, образ жизни»... (22).

Подытоживая описание роли Фонда Гейдара Алиева в развитии культурной и религиозной толерантности, а также ситуации в стране в этой области было бы также уместно дать правовую оценку необходимости создания Центра мультикультурализма под эгидой самого руководителя страны.

Как неоднократно отмечал государственный советник Азербайджанской Республики по межнациональным вопросам, вопросам мультикультурализма и религии Камал Абдулла, создание службы (Центра мультикультурализма) было вызвано необходимостью восполнения некоторых лакун в идеологической плоскости и системного продолжения определенной государственной структурой политики мультикультурализма, начало ко-

торой было положено общенациональным лидером Гейдаром Алиевым. Как в сфере межнациональных и религиозных отношений, так и в области мультикультуральных ценностей в Азербайджане имеются сложившиеся веками традиции. Беречь их, придать им системный характер, добиваться их последовательного развития очень важно. Этого требует такое по-своему уникальное явление, которое мы можем определить как мультикультуральная безопасность страны. Государства, которые в состоянии обеспечить свою мультикультуральную безопасность так же, как в экономической, энергетической, продовольственной и других областях, в сегодняшней сложной политической обстановке, конечно же, чувствуют себя более уверенно, более независимо и более свободно. Азербайджан одна из таких редких стран.

Азербайджанская модель мультикультурализма отличается от других моделей высокой степенью терпимости, культурной и религиозной толерантности. Мультикультуральный настрой и бережное отношение к мультикультуральным ценностям – специфическое качество, присущее азербайджанской ментальности на протяжении многих столетий.

Проекты, реализуемые Бакинским центром мультикультурализма, действительно разнообразны, самое же главное – они не повторяют, а дополняют друг друга. Конечно, их объединяет одна общая черта – все они направлены на выполнение идеологических задач, поставленных Президентом Ильхамом Алиевым перед Центром в качестве основных целей.

Одним из самых больших успехов и успешных проектов Центра – это преподавание в университетах предмета «Азербайджанский мультикультурализм». Уже в семи зарубежных и семи отечественных университетах мы приступили к преподаванию этого предмета. Поскольку предмет и его направление являются новыми, то и проект включает в себя также несколько этапов от подготовки соответствующих специалистов для его преподавания до организации по завершении курса летних школ для иностранных и местных студентов. К этому следует добавить и продолже-

ние в разнообразных формах сотрудничества с этими студентами в дальнейшем.

В ближайшее время для уже знакомых с мультикультуральной жизнью нашей страны студентов из университетов Италии, Литвы, Болгарии, России, Грузии, Беларуси, Чехии впервые будет организована летняя школа в Азербайджане. Вместе с ними в этой школе будут участвовать и проходившие данный курс азербайджанские студенты из Нахичеванского, Гянджинского, Лянкяранского государственных университетов, Технического, Славянского, Экономического университетов, Бакинской высшей школы нефти. Основная наша цель в этом – превратить зародившийся у зарубежных студентов интерес к Азербайджану в любовь к нему. Значение этого проекта внутри страны тоже очень велико. В Азербайджане немало профильных университетов, в учебные планы которых не входят вопросы литературы, культуры, психологии, языка, истории.

Толерантность и мультикультурализм в Азербайджане как успешная модель все больше привлекает внимание зарубежных коллег, университетской профессуры, представителей общественно-политических структур. На конференциях, коллоквиумах, «круглых столах» об этом говорится часто, и мы видим, что в этих странах у людей есть искреннее желание изучать опыт Азербайджана.

Вместе с тем есть и такие, которые удивляются существующей в Азербайджане атмосфере толерантности. Они задаются вопросом: как же это может быть, что в стране, преобладающее большинство населения которой мусульмане, приверженцы разных конфессий могут жить в обстановке дружбы, искренности, быть друг другу поддержкой и опорой в делах? Те, которые адресуют этот вопрос к себе и нам, узнав Азербайджан поближе, начинают осознавать его риторичность. Но на этот вопрос имеется и конкретный ответ: это происходит так потому, что глава государства проявляет абсолютно равное политическое отношение ко всем конфессиям, не делая никаких различий между ними. Та-

кой подход способствует нормальным, искренним отношениям конфессий друг к другу, одновременно формируя их лояльное отношение к государству. Если руководители западных стран до того, как заявить о крахе политики мультикультурализма у себя, учли бы это обстоятельство, а также реальные успехи Азербайджана в данной области, то, возможно, смогли бы успешно наладить мультикультуральную безопасность в своих государствах.

Созданный по распоряжению Президента Азербайджана Бакинский международный центр мультикультурализма осуществляет немалую работу по обмену опытом с зарубежными странами. Проведенная в Италии совместно с итальянскими учеными научная конференция по истории удинов, состоявшаяся в Германии совместная с Бранденбургской академией наук конференция по религиозной толерантности в Азербайджане, проведенный в Аугсбургском университете коллоквиум по сопоставительному изучению немецкой и азербайджанской моделей мультикультурализма, организованный в Лондоне, в штаб-квартире ВВС, «круглый стол», посвященный азербайджанскому мультикультурализму, и другие подобного рода мероприятия, несомненно, добавляют новые штрихи к позитивному имиджу Азербайджана.

Проделанную Фондом Гейдара Алиева в этой области работу трудно переоценить. Руководитель Фонда, Первая леди Азербайджана Мехрибан Алиева неустанно трудится над реализацией системной концепции, призванной формировать позитивный имидж Азербайджана, как внутри страны, так и за ее пределами. К примеру, Аугсбург – типичный баварский город, имеющий древнюю историю, традиции, где преобладает местное католическое население. В этом городе мирно сосуществуют представители католической церкви и мусульманских мечетей, в котором есть и доля Фонда Гейдара Алиева. Существенный вклад Фонда Гейдара Алиева, лично Мехрибан ханум Алиевой в культурную жизнь Ватикана католики высоко ценят и помнят. Мусульмане также чувствуют гордость и радость от наличия этого факта. Эта

огромная благотворительная работа может рассматриваться и как серьезная общественно-политическая деятельность.

Еще одно важное направление, – работа по формированию идей азербайджанства в зарубежных странах. Центр во многих своих делах добился успеха, прежде всего благодаря деятельности Фонда Гейдара Алиева, так как Центр начинал свою работу не с нуля, а руководствуясь опытом Фонда. Люди, с которыми мы контактировали, как правило, уже имели определенную информацию о современном Азербайджане, о культурных, политических целях нашей страны (23).

Таким образом, мы наглядно увидели титаническую работу Фонда Гейдара Алиева и его роль в развитии культурной и религиозной толерантности параллельно с работой государственных структур. Уже сейчас можно сделать соответствующий вывод, что благодаря деятельности Фонда и его руководства в лице Первой леди Азербайджана, Посла доброй воли ЮНЕСКО и ИСЕСКО Мехрибан ханум Алиевой, Азербайджан еще на долгие годы останется центром толерантности и будет примером для самых развитых стран мира.

Литература

1. Венская декларация и программа действий A/CONF 157/23, Генеральная Ассамблея ООН, 12 июня. 1993 г.
2. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Париж, 2001.
3. Гафарова Ю. Ю. Мультикультурализм, транскультурность и «новое» понятие культуры. Фундаментальные проблемы культурологии: Том 7: Культурное многообразие: теории и стратегии / Отв. редактор Д. Л. Спивак. – М., СПб.: Новый хронограф, Эйдос, 2009, с. 29-37
4. Доклад Генерального директора ЮНЕСКО о выполнении Программы и бюджета ЮНЕСКО на 2000-2001 г. 21 мая 2001.
5. Доклад целевой группы о роли ЮНЕСКО в XXI веке от 19 мая 2000. 25. Доклад 159 Ex/39.
6. Информационный бюллетень ЮНЕСКО. 31 мая – августа 2006.

7. Итоговый документ заседания Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО. Париж, ноябрь, 1994.
8. Конвенции и рекомендации ЮНЕСКО, Касающиеся охраны культурного наследия, ЮНЕСКО, 1985.
9. Материалы Всемирной Конференции по политике в области культуры (Г.Мехико, 1982 г.) Декларация Мехико по политике в области культуры // Культуры: диалог народов мира. ЮНЕСКО, 1987. №3. 75
10. Материалы Конференции по культурной политике в условиях развития (30 марта – 2 апреля 1998 г. Стокгольм), Издательство ЮНЕСКО, 1998.
11. Материалы Международного Конгресса ЮНЕСКО по Всемирному наследию. Ноябрь 2002 г., Венеция, Итоговый документ. ЮНЕСКО пресс. Париж, ноябрь, 2002.
12. Наше творческое разнообразие – доклад Всемирной Комиссии по культуре и развитию. ЮНЕСКО, 1995, с. 282- 284.
13. Программа кафедры ЮНЕСКО (UNITWIN-UNESCO chairs Programme). Программа ассоциированные школы 76 ЮНЕСКО (ASP-net). Апрель 2007. Официальный Интернет сайт ЮНЕСКО, www.unesco.org
14. Тюлин И.Г. Культура толерантности: опыт дипломатии для решения современных управленческих проблем. М., 2004
15. Шедевры нематериального культурного наследия. Официальный Интернет-сайт. ЮНЕСКО, май, 2007. www.unesco.org
16. Галецкий Владислав «Критическая апология мультикультурализма»
17. Малахов В. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002.
18. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. Под редакцией В. С. Малахова и В. А. Тишкова. М., 2002
19. <http://www.gumilev-center.az/prevrashhenie-multikulturalizma-v-obrazzhizni-grazhdanskogo-obshhestva-vyssshaya-stupen-ego-razvitiya>
20. www.heydar-aliev-foundation.org/ru
21. <http://www.gumilev-center.az/azerbajdzhan-strana-tolerantnosti-i-multikulturalizma>
22. http://a-q.az/classificator/reportaj/reportaj_399.html
23. http://www.br.az/print.php?item_id=20150730110336214&sec_id=2

Часть III.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС АЗЕРБАЙДЖАНА

Мультикультурализм в азербайджанской литературе наблюдался всегда. Может, по-другому назывался или не имел точного определения, и в XX веке яркие иллюстрированные произведения мультикультурализма – это романы Курбана Саида «Али и Нино» (с одноименными центральными героями – Али Ханом Ширванширом и Нино Кипиани); Исмаила Шихлы «Кура неукротимая» (Джахандар-ага, Зарнигяр-ханум, Шамхал, Ашраф, Мелек, Алексей Осипович Черняевский, Дмитрий Семёнов и другие). Кроме указанного, в настоящий обзор также попали повести и романы, созданные видными азербайджанскими писателями на рубеже XIX-XX столетий (Чингиз Абдуллаев, Лев Аскеров, Зия Сафарбеков, Анар и т.д.), которые мы будем рассматривать в данном исследовании.

Прежде всего следует отметить, что на сеодняшний день литература, связанная с мультикультуральной проблемой не представляет собой единого движения, направления, даже группы авторов, что во многом тоже является знаменем времени. Сфомировавшейся эстетики у авторов нет, но можно говорить о возникновении некоторых эстетических констант, системы художественных приемов, которые можно рассмотреть в русле мультикультурализма. Поэтому в главную задачу настоящего исследования входит критический анализ художественных произведений

азербайджанских писателей, которые в той или иной степени отражают основные критерии мультикультурализма. Однако, прежде чем непосредственно перейти к выполнению поставленной задачи, считаем целесообразным сказать несколько слов о той почве, на которой произрастали отобранные нами сочинения. Старо, как мир, выражение, что литература есть отражение самой жизненной реальности. А наиболее талантливые сочинения, бесспорно, идут в русле наиболее значимых событий общественной атмосферы страны. Какие взаимоотношения складываются между людьми в обществе, какая культура бескомпромиссно уживается с другими, – в том направлении развивается и литература.

Можно привести немало примеров литературного мультикультурализма. Мог бы великий Низами написать «Семь красавиц», если даже абстрактно не представлял себе новых веяний в Раннем Средневековье. Ведь облик каждой красавицы приурочен к определённой культуре. А Р.М.Новрузов написал ряд исследовательских статей о синтезе культур в «Восточном диване» Й. Гёте. Говоря об арабской философии, нельзя умалчивать развитие западного романтизма как своего рода культа средневековья.

Отсюда протягиваются нити в первую очередь к испано-арабской культуре, которая предоставила миру шедевры литературы, поэзии и архитектуры. В позднем средневековье европейские учёные имели возможность наблюдать за диалогом между исламом и христианством. Причём, он порою приобретал на Востоке и Западе такой религиозный оттенок, который далеко не всегда позволял говорить о мирных путях его разрешения. Скорее, наоборот. Тем не менее на данном этапе развития философской мысли мы вновь отмечаем расцвет мультикультурализма. Следовательно, феноменом это явление становится на рубеже XX-XXI веков, а ростки его замечены давно.

Можно указать на факты иного, более современного характера, но также выдержанные в границах указанных общих установок мультикультурализма. Так, в Азербайджане возможна презентация монографий, созданных на основе произведений, отде-

ляющихся от нас многими веками. Сегодня они обсуждаются и анализируются в сопоставлении с западным мышлением человека. Ярким примером, на наш взгляд, можно считать прошедшее 11 августа 2015 года заседание Международной летней школы под названием: «Мультикультурализм – как образ жизни в Азербайджане: учись, исследуй, делись».

На данном форуме под руководством председателя Совета попечителей Бакинского международного центра мультикультурализма, академиком Камалом Абдуллаевым, в частности, обсуждался вопрос о некоторых параллельных темах «Китаби Деде-Горгуд» с западной философией и мифологией. Другое дело: быстротечный современный мировой порядок ставит на повестку дня такие проблемы, связанные с данным термином, которых, естественно, не могла знать древняя или раннесредневековая азербайджанская литература. Мультикультурализм в наши дни приобретает специфический смысл.

Что же это за смысл? Прежде всего хотим предупредить: искомое понятие – это система социально-политических и культурологических установок. В XXI веке оно, как видим, порождает цепь разноречивых суждений, чуть ли не сродни провайдерской Интернет-сети. С точки зрения научного истолкования, мультикультурализм связан с многочисленными этнопсихологическими запросами личности и религией. Общеизвестно, что толерантность к различным нациям и вероисповеданию – это ментальная характерологическая особенность азербайджанского народа. Ведь наша республика и в первой трети XXI века была и остаётся полиэтническим государством, в котором вместе с азербайджанцами компактно проживают такие национальные меньшинства, как удины, таты, талыши, лезгины, русские, белорусы, украинцы, курды, греки, евреи, немцы, татары и т.д. Каждый из перечисленных этносов является носителем уникальных особенностей, имеет собственную духовную и материальную культуру, самоидентифицированы по линии языка, обладают исторической памятью и менталитетом. Крайне важно, на наш взгляд, ясно и чётко себе

представлять, что мультикультурализм прежде всего историко-политическая категория. Из отечественной истории культуры каждой страны вытекают её корни; политика и социология словно нанизывают на философские рассуждения всё новые факты соответствующего содержания.

С художественной литературой дело обстоит несколько иначе. Здесь нельзя рассуждать категорично, искусственно подтягивая вышеизложенные факты к системе. Уникальность и всеохватность республиканской этнографической, политической и культурологической модели в Азербайджане 2010-2015 годов заключается в толерантности, изначально предполагающей ведение результативного межконфессионального диалога. При определённых благоприятных условиях в будущем он может даже стать показательным примером для других регионов планеты с полиэтничным населением.

Но мультикультурализм в художественной литературе нельзя подгонять под систему, готовую стандартизованную схему, остающейся неизменной на любом творческом взлёте. В то же время художественная литература Азербайджана, образно выражаясь, открыта для принятия и разработки синтезированных идей, берущих своё начало в России и на Западе, одновременно не порывающих с исконно восточными ценностями и традициями.

Итак, в самых общих чертах мы выяснили, что представляет собой мультикультурализм как новое социальное явление с культурологическим подтекстом. Новоявленный в двух своих «берегах», или психологических барьерах, он имеет как своих стойких защитников, так и ярых противников. Однако, изучая многочисленную литературу по настоящему вопросу, мы пришли к выводу, что представители противоположных по мировоззрению лагерей невольно тяготеют к освещению международного аспекта данного феномена. В статьях и рецензиях различных направлений, при столкновении позиций азербайджанских, русских и западноевропейских учёных присутствует значительно

больше материала этнографического, социально-экономического и политического характера. В таком случае ставится вопрос: есть ли в азербайджанской литературе мультикультурность? Если да, то в чём она заключается?

Отвечая на поставленный вопрос, мы прежде всего должны чётко себе представлять: во-первых, художественное творчество или документалистика (юбилейные статьи, публицистика и т.п.) имеют ряд отличительных особенностей, специфические черты и характерологические ассоциации. Они будут подробно раскрыты в ходе нашего доклада. Во-вторых, тот или иной азербайджанский писатель, который сумеет талантливо выразить эту специфику, ищет свой угол зрения: это может быть западное мышление персонажей, прямое или опосредованное отражение новой общественной идеологии, освещение некоторых признаков психологии личности, выбор тем, не свойственных нашей литературе до поры до времени.

По признанию главного редактора журнала «Литературный Азербайджан» Солмаз Ибрагимовой (оно открыто высказано в ряде статей и интервью) (23;24), черты мультикультурализма можно отыскать в произведениях Курбана Саида, Исмаила Шихлы, Чингиза Абдуллаева, Анара, Зии Сафарбекова, Айтен Акшин, Гюлюш Агамамедовой, Ляман Багировой, Гази Вахида, Исмаила Иманова, Таира Али, Новруза Наджафоглу, Марата Шафиева и других. Всех имён не вместить в работе. Остановимся на самых ярких и самобытных примерах.

Утверждая, что искомые черты или характерные признаки существуют в азербайджанской литературе, мне бы хотелось начать своё исследование с истоков мультикультурализма. В рамках указанных психологических барьеров, по нашему убеждению, крайне важно учитывать такую проверенную тактику мультикультурализма, как либерализм, толерантность и вытекающие из них лозунги «Свобода. Равенство. Братство». Причём, культурологи-аналитики не стремятся трактовать их в хрестоматийном ключе, как это было со времён Французской буржуазно-демок-

ратической революции, но вкладывают подлинный смысл в защиту человеческого достоинства.

Самоценность личности для них—прежде всего. Поэтому для противников мультикультурализма эти лозунги, как правило, не являются определяющими, иногда побочными, порою пустыми, возвращающими цивилизованный мир к антидемократии. Во всяком случае, в теоретическую базу анти-мультикультуралистов призывы к такой политике не входят. Для защитников настоящего феномена данные ценности превращаются в своего рода программные установки, так как они объективно призваны поднимать социальный имидж личности.

Но при анализе некоторых произведений азербайджанских писателей выясняется, что отражение такого имиджа имеет специфические особенности, отличные от вкладываемого в мультикультурализм политико-идеологического смысла. А именно: в художественной литературе Восток и Запад чаще интерпретируются с точки зрения глубоких расхождений в ментальности наций и народностей. Порою персонаж не способен адаптироваться в чужеродной среде, и это даже становится причиной его личностной драмы.

Полагаем, что за примером стоит первоначально обратиться к роману Курбана Саида «Али и Нино», роману, написанным ещё в начале XX века. В русле избранной нами темы он примечателен тем, что в нём, во-первых, формально отображено прошлое азербайджанской действительности, во-вторых, с содержательной стороны имеется описание абсолютно разных, взаимоисключающих друг друга мира: непознанный таинственный Восток, олицетворяемый героем-азербайджанцем, аристократом по происхождению – Али Хан Ширванширом, и сродни ему по внутреннему мировощущению, возлюбленной – Нино Кипиани, грузинки-христианки. В их лице мусульманское видение мира сталкивается с западным.

Но дело здесь не только в различиях полов, хотя эта мысль ясно прослеживается в романе и к тому же реально отвечает ин-

спирированным правилам мультикультурализма. Как правильно было подмечено, здесь одновременно представлены и два разных мышления, соответственно относящиеся к Востоку и Западу: Итак: «Восток, с присущей ему последовательностью, логичностью, философской любовью к мирозданию, вечности души в познании Вселенной и ее таинственной неспешности, в противовес прагматичному Западу, где все поставлено на скорое прогрессивное и выгодное человечеству развитию, где все служит только материальным интересам человека и удовлетворению всех его желаний и целей, порой иногда в ущерб природе» (12, 13).

Нино по мере своих сил и возможностей борется за равноправие полов. Эта борьба для неё заключается в отрицательном отношении к тем старорежимным традициям Востока, в которых веками роль женщины в мусульманском обществе принижалась и тем более не приветствовалась её просветительская деятельность. Поэтому Нино рассуждает в пределах своего западного мировидения.

Али далеко не всегда разделяет её «вольнолюбивые порывы». Так, он, к примеру, удивляется, «почему лицо Нино не спрятано под чадрой?». Надо полагать, что мысленно он сопоставляет мир женщин Запада и Востока. Духовность героя инстинктивно связана с западным мышлением, но восточные традиции тоже непременно притягивают его. И он считает, что восточную женщину под чадрой хотя и не видно, но она вполне узнаваема по своим привычкам, желаниям и мыслям. Чадра, размышляет Али, скрывает её глаза, нос, уста. Душа же остается неприкрытой. Душа восточной женщины ясна (Курсив автора). Вот и получается: любовь к Нино, с одной стороны, искренняя; с другой – приводит его в недоумение. Так что подходы могут быть разными: главное за ситуацией не пропустить человека – мысль, которую доводит автор романа «Али и Нино» в полном объеме.

Но помимо различий, отражающихся в мировоззрениях героев, не менее важной чертой мультикультурализма в этом романе становится соединение двух миров. Городской фон в целом

является, на наш взгляд, существенной корректировкой в психологии поведения героев. Прежде всего, роман К.Саида дорог нам тем, что он отражает веротерпимость и толерантность как характерные черты азербайджанского народа. И хотя в произведении строго зафиксирован временной пласт – первая треть XX века – эти качества людей преподносят как неизменные, присущие нашему народу испокон веков. Более того, они не претерпели особых изменений до сегодняшних дней.

Стремление освободиться от «вируса национальной вражды», (а если смотреть на этот бич человечества более широко и многопланово – то перенимать позитивное начало других культур) в данном случае заключается в том, чтобы освободиться от религиозной и расовой конфронтаций. Для этого необходим в первую очередь конструктивный диалог двух культур, построенный на принципах равноправия. По существу он и становится панацеей романа К. Саида. Здесь, – конкретизирует Н. Мамедханова, – важен «прежде всего поиск истины, примирения вероисповедания – ислама и христианства, Востока и Запада, мужчины и женщины. Ибо, идя в ногу со временем, они вынуждены жить между Востоком и Западом. В романе присутствуют два лагеря, охватывающие все аспекты жизни – начиная с географического положения Баку, отношения между Али и Нино, и заканчивая выбором сторон в войне. Между тем, как верно продолжает исследователь, автор не вынуждает на какое-либо суждение, а позволяет судить самому, заглянув прямо в душу Али, который не принадлежит ни Востоку, ни Западу, а принадлежит иному месту, называемому – Домом» (13, 101-102).

О каком доме здесь идёт речь? Вполне реальном, физически осязаемом. Дело в том, что Нино ужасно чувствует себя в Тегеране, а Али в свою очередь не может прижиться в Париже. И, по мнению героев, компромисс между Европой и Азией, а если точнее, – Ираном и Францией, может быть найден только в Баку, как умозрительной демаркационной линией, соединяющей континенты с разным вероисповеданием.

По ходу исследования мы и в дальнейшем планируем возвращаться к синтезу западно-восточных идей, поскольку именно через синтез разных жанров и направлений может развиваться национальная художественная литература.

Здесь же стоит отметить и творчество Аббаса Сиххата – поэта-романтика начала XX века, лирика которого наполнена гражданскими мотивами, критикой социального неравенства. Изучив на протяжении многих лет литературу Востока и Запада, русскую литературу, он приложил много усилий к тому, чтобы ознакомить азербайджанских читателей с их лучшими образцами. Особенно велики его заслуги в области пропаганды творчества А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Н.А.Некрасова, поэтов – некрасовской школы, Н.Бараташвили, А.Мюссе, В.Гюго, И.Гете и многих других.

Это был поистине подвижнический труд. Его переводы открыли национальному читателю поэзию писателей: «произведения, большинство из которых ни до, ни после на азербайджанский язык не переводились» (14, 44).

«Масштабность его переводческой деятельности заслуживает особого внимания. Будучи критиком, поэтом начала XX века, Сиххат перевел произведения более 25 поэтов XIX–нач. XX века – русских, украинских, французских, немецких и грузинских поэтов» (14, 82). И это отразилось и на творчестве самого Сиххата, в поэзию которого вплетены элементы восточного и западного стихосложения.

Также одним из ярких примеров, на наш взгляд, может служить роман Исмаила Шихлы «Буйная Кура», в которой ясно выражена идея двоимирия. Как и в романе Курбана Саида «Али и Нино», основные события здесь также отнесены к прошлому нашего народа. Только в романе И. Шихлы иная география: цивилизованному городу противостоит небольшая деревня.

Центральный герой романа Джаханदार-ага в своём цинизме неприязненно относится к общественному порядку в целом, хотя частично признаёт свою вину за содеянные им преступления. Пе-

ред нами большое семейство времени перелома в азербайджанской деревне. Супруга – Зарнигяр-ханум, трое детей (сыновья Шамхал, Ашраф и дочь Салатын). Хозяин большого поместья, он живёт на широкую ногу, часто навещает своих близких и дальних сородичей. Настоящего восточного хозяина семьи, по его понятиям, прежде всего характеризуют сила, мужественность, напористость и отсутствие какой-либо сентиментальности. Когда он приводит в дом молодую женщину – Мелек, насильно пытаясь склонить её к сожительству, в лице законной супруги Зарнигяр-ханум он видит прямую агрессию. Глава семейства оправдывает страсть как религиозными догмами на Востоке, так и внутренней поведенческой реакцией, присущей ему от рождения.

Как же на подсознательном уровне сознания Джахандара-аги уживается идеология двух культур? Надо сказать, что характер этого героя выкован временем. Он дитя дикой природы, исконный житель азербайджанской деревни, в которой пьяные драки и демонстрация физической силы заменяли другие качества. Прав тот, у кого деньги и власть. Так веками складывалась культура людей тех малых регионов Азербайджана, которые были далеки от больших цивилизованных городов. Потому и жестокость главного действующего лица следует объяснять глубоко укоренёнными ментальными понятиями. Отход от них на первых порах для него совершенно недопустим; Джахандар-ага привык жить по своим правилам и иных принимать не желает.

Положение усугубляется тем, что его сыновья (Ашраф и Шамхал) приняли правила и нормы другой жизни, весьма скептически относятся к той культуре и религии, которая повсеместно проповедуется у них в деревне. Наконец, начинает сомневаться в правильности своих действий и восточных старорежимных устоях жизни и сам Джахандар-ага.

Когда в конце XX века в свет вышла нашумевшая статья Самуила Хантингтона «Столкновение цивилизаций», то среди мультикультуралистов разгорелась жгучая дискуссия о значимости роли цивилизации в развитии социального бытия, челове-

ского сознания и государств. В первую очередь заговорили о том, в какой степени другая цивилизация пагубна для простого народа любой страны без деления на расы и нации и даже без особого учёта территориального признака. Вспомнили многочисленные выдержки из знаменитой теории Ж.Ж. Руссо о «естественном человеке» и, несмотря на прошедшие века, обратились к её отдельным установкам. Среди российских и западных мультикультуралистов в этом вопросе произошло размежевание: представители одного крыла подвергли резкой критике поступь прогресса цивилизации, так как он не только не облегчает жизнь народа, но и вредит самой культуре.

Мультикультуралисты-руссоисты (то есть «правый клан») считают, что современная цивилизация больших городов не способствует укреплению морали и добродетели, а только усиливает тяготение к лени, праздности, обломовщине, порождая паразитизм и тщеславие, ведут к испорченности нравов и т.п. Этот же лагерь в целом логично и последовательно продолжает мысль в том направлении, что культура некоей условной цивилизации, выходящая из-под контроля и пущенная на самотёк, порождает социальное неравенство.

Необходимо помнить, что мультикультурализм – междисциплинарная проблема, поиск той частной тактики и социокультурной стратегии, которые в мире могли бы в первую очередь обеспечить выход из социального неравенства. По мысли приверженцев старого классического подхода (теория Руссо в своём обновлённом виде), социальное неравенство автоматически приведёт к культурному неравенству, что породит в обществе определённого рода психологические конфликты. Кроме того, руссоисты полагают, что всевозможные мультикультуралистические схемы и модели, адаптированные в одних странах, с большой осторожностью должны внедряться в других государствах. А порою они вообще неприемлемы.

Что же они предлагают взамен? Бесконтрольные стимулы поведения людей в цивилизованном мире для них якобы легко

могут обернуться таким позорным явлением, как «культурно рабство», зависимость одних членов общества от других. Появляется, по их мнению, скрытая опасность, что цивилизованный мир чётко разделится на моральную и интеллектуальную элиту. Первая часть будет составлена в основном из «сливок», а другая часть человечества предстанет в виде бездумной и скучающей массы, склонной к конформизму и, увы, составляющей большинство. Добавим, что подобного рода рассуждения руссоистов на рубеже XX-XXI веков явно сыграли на руку тем современным западным мыслителям, которые выдвигали теории о превосходстве расы господ, появлении на земле сверхчеловека и т.п.

Чтобы избежать такой опасности, «правый клан» мультикультуралистов выдвигает теорию создания и развития демократической конституции и республиканской организации. В основе его лежит культурологическая идея защиты коллективной мудрости простого народа, который, мол, сам в своих проблемах сумеет разобраться без просветительского движения извне. С одной стороны, казалось бы, какая у них благая мысль – безграничная вера в «коллективную мудрость народа», в массе своей выходцев из провинции, не считающихся с повышением уровня технического прогресса, растущими культурными запросами людей из больших городов и т.п. Но мы уже в настоящем исследовании подчёркивали, что расхождения («ножницы»), отмечающиеся в теориях мультикультурализма, как правило, имеют как свои позитивные, так и негативные черты.

По всей видимости, искусственный возврат к идеям Руссо чреват также отрицательными последствиями. А именно: представители левого лагеря, не принимающие в расчёт вышеуказанные установки, в противовес «правым» подчёркивают, что для развития культуры во всех областях и регионах одного государства, скорее, важно и ценно не материальное неравенство, а стимул к успеху людей. Последнее, по их предположению, теснее всего связано с повышением их социального статуса. А что лучше способствует этому процессу?

Взаимопроникновение одной культуры в другую, ненасильственное, без давления со стороны, а плавное, естественное. В нашем случае речь идёт о внедрении новшеств городской цивилизации в деревенскую жизнь той же географической территории. Между прочим, именно противники руссоизма в мультикультурализме постулируют систему, носящую название «Аффирмация» – одна из важных частей международной политики. Она предусматривает льготы всем национальным меньшинствам, направлена на повышение их социального статуса в регионах, следовательно, на социальную защиту людей среднего класса достатка. Достоинством теории представителей «левого крыла», на наш взгляд, служит то, что при её манифестации и внедрении в практику жизни вышеуказанная нами эмпирическая модель единства многообразий, логическое в алогичном, естественное в парадоксальном и т.п. приобретает ясные и конкретные очертания.

Такое явление мы и наблюдаем в «Буйной Куре». Когда в селенье пребывают представители народного образования из центральных городов, то они оказываются пришлыми людьми. Сталкиваются два мира, две идеологии. Для Джахандара-аги и большинства сельчан они словно «погрузились» в чужеродную субкультуру, в которой, как следует из текста романа, чувствуют себя крайне неуютно, непрошеными гостями. В их сознании происходит слом социальной системы. Чтобы ощущать в ней себя увереннее, им необходимо «зацепиться» за что-то более константное, стабильное, временем проверенное. Однако столкновение двух цивилизаций не приводит к желательному результату. Возникает широко известный в теории мультикультурализма «эффект бумеранга»: отрицательное коренится в положительном процессе «культуризации» азербайджанской деревни.

Обстоятельно на этот счёт высказался исследователь Карагёзов Р. В одной из своих работ он пишет: «Если в процессе информационного воздействия с одной культурной средой личность сталкивается с информацией, противоречащей имеющимся у неё теоретическим установкам, возникает рассогласование

между содержательным компонентом психологической установки и образом реальной ситуации. Это расхождение переживается человеком как состояние дискомфорта (угроза). Угроза стимулирует личность к поиску возможностей её снятия или, по крайней мере, уменьшения» (10, 48-49).

Из огромной массы произведений азербайджанских писателей мы отобрали два литературных образца, в которых, по нашему убеждению, ярко представлено прошлое азербайджанской действительности в аспекте отражения восточного и западного образа жизни. Есть нечто общее, что объединяет названные романы. «Али и Нино» создано на заре XX века и, как убедились, развело по обе стороны мышление героев, принадлежащих к разным культурам. «Буйная Кура» – детище 1970-х годов, но все события в романе также отнесены к прошлому. Сплав мультикультуралистических идей и проблем выражен в столкновении двух цивилизаций в жанре «интеллектуального романа». На этом «идеологическом стыке» тематика романов оказалась на удивление схожей: борьба нового с отживающим, хотя географические широты оказались раздвинутыми.

Есть в истории азербайджанской литературы примеры иного рода, когда автор, синтезируя в своём творчестве разные культуры, отражает их диалог или параллельное сосуществование не только тематически. Он должен, по нашему разумению, уметь раздвинуть жанровые границы национальной литературы. И здесь мы не можем пройти мимо «звёздного» имени талантливого современного писателя Чингиза Абдуллаева, основателя жанра политического детектива в республике. Русскоязычный автор порядка пятидесяти романов, главным героем которых в большинстве своём является (теперь уже ставший легендарным не только в Азербайджане, но и в литературных кругах России и Запада) суперагент Дронго.

Поскольку сегодня творчески плодовитый писатель находится в расцвете сил, у нас не вызывает сомнений, что число романов и повестей об этом популярном герое детективного сериала возрастет. Без преувеличения можно сегодня констатировать, что Чингиз Абдуллаев обогатил детектив новыми художественными и лингвисти-

ческими приемами, открыв ранее неизведанные возможности перед будущими авторами этого столь популярного в наши дни жанра.

Чингиз Абдуллаев – автор огромного количества романов: «Голубые ангелы», «Опрокинутая реальность», «Зло в имени твоём» «Путь воина», дилогии «Правила профессионалов» и «Игры профессионалов», трилогии «Закон негодяев», «Кредо негодяев», «Совесть негодяев» и многих других. Он продолжает творить и в наши дни. Каждый год один за другим выходят новые произведения, и во всех них без исключения он остаётся верен единому жанру – психологическому и политическому детективу, непременно совершенствуя его формы и правила.

Следует зафиксировать, что жанр психологического и политического детектива под пером Чингиза Абдуллаева характеризуется актуальностью, законченностью и всегда осмысленным финалом. Большинство действий в произведениях Ч. Абдуллаева происходит в России и на Западе. Более того, наш автор использует цитаты гениальных русских и западных мыслителей, наиболее ярких представителей мира искусства, литературы и культуры человечества, в которых отражается вся суть произведения, его целенаправленность. Поэтому произведения Ч. Абдуллаева всегда опираются на реальные исторические и политические события, в которых прежде всего раскрывается психология человеческой души. Таким можно представить себе портрет выдающегося современника – литератора, языковеда, историка, философа, психолога и политика, и в свете всего вышеотмеченного ясно, насколько важным и актуальным представляется изучение его творческого наследия в аспекте мультикультурализма. Добавим, что это наследие множится год за годом.

Обратимся к некоторым наиболее характерным сочинениям разных лет. Подавляющее большинство критиков признаёт, что одним из самых удачных и сильных в творческом отношении произведений Ч. Абдуллаева является роман «Голубые ангелы». Но нас он интересует не только по причине одного из хронологически первых выступлений в печати. Во-первых, это становление и развитие в

Азербайджане симбиоза психологического и политического детектива на равноправных началах, что означает подлинное новаторство в национальной литературе и в то же время заимствование лучших западных традиций с их творческой переработкой. Дело в том, что современный английский, американский, кубинский, шведский, итальянский, французский детектив уже с 1960-1970-х годов активно использует в своём составе названные тематические линии. Указанные книги опубликованы на русском и целом ряде иностранных языков и уже давно стали во многих регионах планеты бестселлерами.

Чингиз Абдуллаев в этом жанре является реформатором. Во вторых, «Голубые ангелы» и все последующие произведения Ч. Абдуллаева несут с собой своеобразный «код да Винчи». Параметры западной культуры столь оригинально соединены с юридическими нормами российской государственности, что можно убеждённо говорить о сплаве современных информационных технологий с методами мировой сыскной работы. Между тем, как доказывает М.В. Тлостанова, «мультикультурализм подразумевает, что при новом прочтении определённого рода литературы соединение культурных и информационных ценностей на территории всех стран современного мира позволяют людям самим подключиться к исследованиям эстетических ценностей собственной культуры» (17, 131).

Вероятно, этот тот счастливый случай, когда умственный потенциал центрального героя большинства романов Чингиза Абдуллаева – Дронго (а его устами, понятно, говорит автор) соединён с ознакомлением эстетических ценностей Запада. Творчество писателя, подключая самих читателей к дедуктивным методам работы, целиком укладывается в широкое русло мультикультурализма (Нечто подобное, между прочим, наблюдалось в эстетике Аристотеля, утверждавшего, что зритель сопереживает актёрам и домысливает финал трагедий). И это разнообразие художественных приёмов наблюдается на всём протяжении сюжета.

Итак, «Голубые ангелы» – это роман о деятельности специального отряда «Интерпола». Первый политический роман, который был посвящён борьбе с наркобизнесом. Главная цель героев этого произведения – «голубых ангелов», представителей ООН, среди которых наш прославленный азербайджанский разведчик «Дронго» – найти и уничтожить лаборатории по производству наркотиков. Разведчики выполняют гуманную работу и вся суть произведения более чётко и конкретно выражена в цитате, с которой начинается роман: «Быть человеком – это значит чувствовать, что ты за всё в ответе» (А. де Сент-Экзюпери) (1, 4).

По тексту следует, что небольшая интернациональная группа людей вступает в смертельную схватку с «некоронованными королями белого бизнеса» и, рискуя собственной жизнью, добивается поставленных перед нею задач, – выявить и остановить главный источник распространения наркотиков на международной арене.

Цель мафиозных кругов – героев лучших политических книг – деньги, власть, обогащение за счёт войны. В раннем произведении автор использует факты международных разведок и данных Интерпола; в трилогии – более современные события, связанные с дестабилизацией, предательством, созданием обстановки искусственной паники во имя продажи земель и многие другие. Нетрудно видеть, что роман насыщен политическими сентенциями, которые в свою очередь тесно связаны со всевозможными элементами зарубежной культуры.

Вдумчивому читателю сегодня уже невозможно представить Холмса, Пуаро или Мегрэ, разъезжающих по всему миру: поиски каждого из них ограничены своим городом (максимум своей страной), где они знают каждую улицу, переулок и дом, что, естественно, облегчает их поиски преступников. Редкие исключения, когда эти герои выезжают за пределы знакомого ареала, в данном случае, разумеется, не в счёт. Отсюда и первое принципиальное отличие Дронго Ч. Абдуллаева от популярных героев-детективов: будучи экспертом ООН, он почти в каждом произведении посещает новую

страну. Причём, автор, как правило, достаточно подробно описывает посещаемое им государство, рассказывает о его политическом строе, об особенностях местного климата.

В романе «Опрокинутая реальность» он пишет: «Я побывал на всех континентах, кроме Антарктиды и Австралии. Но надеюсь, рано или поздно смогу побывать и там. Я посетил почти все крупнейшие города, видел уникальные памятники истории. Иногда мне кажется, что моя жизнь чем-то похожа на восточную сказку, настолько насыщенной и невероятной она была» (2, 112).

Правильно также подчёркивает в одной из своих статей А.Гаджиев: «Читая произведения А. Конан-Дойла, А. Кристи, Ж. Сименона, читатель практически не задумывается, в каких исторических условиях жили и работали их герои, какие политические, революционные или военные события их волновали... В цикле же произведений о Дронго Чингиз Абдуллаев не просто делает такого рода события фоном расследуемого преступления, но и зачастую последнее оказывается звеном первого. Именно поэтому современная история человечества, точнее, события последних полутора десятилетий, неизменно освещаются в произведениях этого цикла» (7, 91).

В русле избранной темы нашего исследования представляет также интерес роман Ч.Абдуллаева «Три цвета крови». Есть в этом произведении фрагмент примечательной беседы сотрудников европейской контрразведки. Внедряя террористическую группу в пределы РФ, они мыслят такими категориями, которые совершенно не свойственны менталитету славян. В этом романе не только мастерски закрученная интрига, связанная с поиском преступников; автор даёт понять, что представители высших индустриальных сообществ современной Европы мечтают взорвать идеологическую обстановку в России изнутри. А для этой цели следует в первую очередь внести хаос в её культуру, уничтожить внутренние связи человека, на котором держится его социальное бытие. Чтобы устроить новый культурный порядок, нужна «Варфоломеевская ночь», следует, по мнению западных аналитиков, внести в него элементы сумятицы, тем

самым разрушить ориентацию на «линейное понимание истории» и развития мировых сообществ.

И вот один из героев обращается к другому со следующими словами: «Порядок сейчас возможен исключительно через хаос. В конце-то концов, именно хаос был в начале человеческого пути, породив нашу Вселенную. Я даже боюсь, что в упорядоченной системе координат человечество никогда бы и не смогло возникнуть и далее развиваться. Повторяю, нужен всеобщий хаос, чтобы в дальнейшем дать толчок развитию новых идей и новых людей...» (3, 20).

Несмотря на прямолинейность столь сурового приговора человечеству, с точки зрения защитников теории мультикультурализма здесь не всё так однозначно. Герой, от имени которого прозвучала настоящая реплика, фактически пытается настоять на внедрении в иноязычной среде универсальной культурологической модели поведения. Он не учитывает того факта, что уже и на Западе многие передовые деятели искусств заговорили о ней, как не оправдавшей надежд. Но дело не только в этом. В конечном итоге даже у провальной теории в мире найдутся как защитники, так и противники. Здесь важно, на наш взгляд, подчеркнуть, что любые поиски культурной идентичности в двух разных мирах, как и попытки её сохранения, результативны лишь в том случае, если они выстраиваются в культурные стратегии развития и проходят проверку временем.

Мультикультурализм выступает против хаоса прежде всего по той причине, что он ориентирован на гармоничное соединение теории и практики взаимного бесконфликтного сосуществования в едином социальном пространстве разнородных культур. Только в такой модели может плодотворно осуществиться политика перехода от индивидуальных различий – к признанию прав на существование в обществах иных культур. Потому говорят и пишут чаще о том, что главной дилеммой, связанной с мультикультурализмом, является не только утверждение о правомерности множества жизненных практик, но также глубины различий, которые лежат в основе любого содружества. Ясно, что такая практика

человеческого общежития в корне противоречит политики хаоса как замены правопорядку, о чём и говорит герой романа Ч. Абдуллаева.

Г. Сеидова отмечает: «Подразделение культур на западные и остальные, куда также входят и восточные, явно приоритетное признание прав западных культур с характерологическим образом жизни на откровенно доминантное воздействие на иные культуры, которое на Востоке и Западе наблюдается в течение нескольких веков, по всей видимости, не совсем правомочно. В главной концепции мультикультурализм предполагает такие культурные различия, которые определяют основную культуру в обстоятельствах повседневного человеческого поведения. Репродуктивный же опыт в таких случаях показывает, что восприятие одной культуры её носителями нередко существенно отличается от того, как эту же культуру оценивают те, кто судит о ней со стороны» (30).

В свете отмеченного заметно, что Ч. Абдуллаев подвергает обструкции взгляды своего опального героя, говорящего о хаосе. Эти слова в романе произносит преступник, руки которого по локоть в крови. И не мудрено, что писатель выступает против доминирующего воздействия какой бы то ни было культуры. Больше того, желание устроить хаос в восточных странах или России со стороны так называемых благополучных европейских государств не выдерживает никакой критики. В работах передовых теоретиков мультикультурализма такие высказывания даже не корректируются, а просто пресекаются на корню.

В итоге нетрудно видеть, что такого рода размышления требуют особой эрудиции, и Ч. Абдуллаев ею обладает. По мысли А. Гаджиева, «этому в немалой степени способствует тот факт, что автор, по собственным признаниям, был более чем в семидесяти странах, а потому о передвижениях героя знает не понаслышке. Отметим, что эти описания автор удачно вплетает в сюжетную канву своих произведений, и они не только не кажутся инородным явлением, но и всемерно привлекают читательское внимание» (7, 90).

Итак, современное поколение азербайджанских и русско-европейских читателей, бесспорно, могут высоко ценить Ч. Абдуллаева как исторического бытописателя, доподлинно и без прикрас описывающего реальные события, происходящие сегодня в нашем беспокойном мире. Совершенно очевидно и неоспоримо, что художник слова, пользующийся важными и проверенными фактами, взятыми из международной жизни, заслуживает особого отношения и большого признания.

Кстати, оно и не заставило себя ждать. Так, «Российский журнал «Лица», принадлежащий холдингу «Совершенно секретно», в 2000 году опубликовал пятерку самых выдающихся людей России среди политиков, бизнесменов, режиссеров, писателей и актеров. Примечательно, что «Лауреат Букеровской премии по литературе, известный автор-постмодернист Владимир Сорокин оказался четвертым. А на первом месте упомянут единственный иностранец в этом списке – всемирно известный азербайджанский писатель Чингиз Абдуллаев. Свой выбор журнал объясняет тем, что автор создал литературный сериал про суперагента Дронго, способного решать вопросы, на которые нет ответов» (8, 6).

Если Ч. Абдуллаев явился родоначальником жанра политического детектива в Азербайджане, то его современник Лев Аскеров, балансируя на грани отражения философии сознания и научной фантастики, в нашем прочтении, удачно продолжил традиции европейского экзистенциализма. Можно сказать и так: если первый идёт от темноты к свету, то второй отчасти следует в противоположном направлении.

Перу Л. Аскерова принадлежат многочисленные исторические и психологические романы «Приговорённые», «Человек с того света»; фантастические – «С миссией в ад», «Месть невидимки», повести «Записки чекиста», «Рукопись доктора Преображенского», «Особых примет не имеют», очерки «Голубые вёрсты», детективная драма «Дом Иветты», документальная повесть в метафизическом и жанре «Возвращение» (об историческом пу-

ти легендарной личности Александра Стопани), рассказы «Сария Сурамини», «Мелодия Неаполитанского танца» и многие другие. В этих произведениях симптоматично отражены не только восточные реалии, но культура западного образа жизни, мышление людей другого времени и мира.

Из перечисленного видно, что наш соотечественник является довольно плодовитым писателем, сумевшим внести свою лепту во многие жанры национальной прозы, причём, в некоторых случаях сумел даже причудливым образом синтезировать их. К необычному симбиозу идей как нельзя лучше подходит мысль С. Гафаровой о том, что «в настоящее время при всём, порой полярном разброде мнений в области жанрологии, бесспорным остаётся сам факт взаимодействия, взаимопроникновения, синтеза литературных родов и видов, их тенденция к интеграции, с одной стороны, и дифференциации, с другой» (9, 66). Добавим: Лев Аскеров приходит к симбиозу не только жанровых идей, но и к сублимации двух культур.

Указанные и некоторые другие сочинения Льва Аскерова не только являют собой ясную картину новаторских для азербайджанской филологии суждений, но и представления своеобразной мультикультуралистической модели. А именно, объединяет в своих работах различные стилевые системы, образные мотивы и художественные приёмы, которые, оказывается, весьма близки творчеству известных английских писателей-экзистенциалистов: Айрис Мердок, Уильям Голдинг, Мюриэл Спарк, Колин Уилсон и некоторые другие.

Попытаемся вкратце указать на то, что экзистенциальное мировидение становится одной из определяющих черт творческого наследия Л. Аскерова. С одной стороны, многие его произведения отличаются остросюжетностью и динамичностью, держат читателя в постоянном напряжении, возбуждая мысль о таинствах человеческих. Несмотря на тот очевидный факт, что писатель тяготеет к реалистическому изображению характеров и событий, тем не менее порою отмечается самобытный, достаточ-

но оригинальный взгляд на литературу, философию, этику, психологию, психиатрию, происходит нарушение привычных границ общеизвестных реалистических канонов в сторону экзистенциального мировосприятия. Кроме того им с философско-исторических позиций поднимаются и анализируются извечные вопросы о жизни и смерти, смысле человеческого существования, что в целом и общем присуще произведениям названных английских писателей-экзистенциалистов.

С другой стороны, некоторые авторские суждения, которые пронизаны экзистенциальными мотивами, характеризуются выраженным драматическим пафосом и временами даже навевают на нас грусть. В романах, рассказах и повестях Л. Аскерова нередко ключевыми становятся слова или выражения, типа «скука», «страх», «наваждение», «боль», «игра». Или активно используются такие выражения, как горечь утрат, роковое ожидание, фатальное стечение обстоятельств, тревога, состояние растерянности и подавленности, потеря родных истоков у, разочарованность в прежних идеалах, смерть, которую ждёшь и т.п. То есть в художественном организме некоторых произведений заметны те же самые слова-сигнализаторы или отдельные выражения, которыми буквально переполнены романы А. Мёрдок, М. Спарк, У. Грина, К. Уилсона и других писателей-экзистенциалистов.

На наш взгляд, литературоведов ещё ждёт небезынересная дискуссия на предмет выявления некоторых черт и признаков мультикультурализма в отношении читательского восприятия произведений Л. Аскерова. Острая интрига и авантюрный сюжет ряда его сочинений, думается, позволяют причислить их к разряду массовой и, прямо скажем, не высоко художественной литературы. А печать западной идеологии в фантастических романах и повестях говорит об обратном: эта литература, пожалуй, для тонких интеллектуалов, словом – элитарная. Похоже, что наш писатель умело балансирует на грани двух типов культур.

А что на этот счёт гласит классическая теория мультикультурализма? Хотелось бы вспомнить, какие любопытные фило-

софские сентенции при выявлении положительных и отрицательных сторон этого противостояния есть в работе известного испанского мыслителя Х. Ортега-и-Гассета «Восстание масс». Для западного учёного массовая литература предстаёт как образец отражения несколько ограниченной, самодовольной, а чаще всего агрессивно настроенной массы, присваивающей себе право навязывать современным инородным обществам однобокие мультикультурные стандарты. Тем самым заметно снижается уровень духовной жизни. Поэтому Ортега-и-Гассет в названном труде противопоставил «жизнь благородную» и «жизнь пошлую».

«Первая, по его мнению, воплощает в себе энергию, творчество, достижения и заслуги, поиски высоких идеалов, а вторая – воплощение косности, разрушение норм и ценностей, примитивизацию жизни и отношений» (15, 39). Тем более удивителен окончательный вывод автора, что в некоторых прозаических произведениях последних десятилетий эти «интенции сублимируются», художественные пласты, накладываясь друг на друга, образуют причудливый сплав. Думается, что, читая такие сочинения, обращаешь внимание не на противопоставление двух культур – элиты и массовости, а более следишь за ходом описываемых событий. Это, по нашему мнению, отвечает мультикультуралистическому мировоззрению Льва Аскерова, когда забываешь о самой технике письма и с неподдельным интересом следишь за сюжетными перипетиями, нежели адресатом внимательного или невзыскательного читателя.

Продолжим наше исследование в русле отражения западного мышления в азербайджанской литературе как стратегии мультикультурализма. С этой целью обратимся к творчеству корифея современной азербайджанской литературы, бессменному Председателю Союза писателей республики – Анару. В многочисленных статьях, посвященных его многолетнему и плодотворному творчеству, не раз высказывалось мнение, что автор «Круга» и «Шестого этажа пятиэтажного дома» принципиально не способен изменить вектор поиска своего героя. Если так, то о синтезе за-

падно-восточных тем и мотивов не может идти речи. Но это неверно. Время скоротечно, а вместе с ним меняется и современная литература. Новыми размышлениями наполняются произведения Анара.

Так, с 1980-х годов он задумал небольшой по объёму цикл «Ночные мысли», который критика тогдашних времён окрестила жанром «лирической миниатюры». Но в 2015 году он признаётся: «Жизнь прошла, и настало время рассказать мне о ней. Этой фразой я когда-то завершал свои «Ночные мысли», видимо, не догадываясь о том, что и жизнь будет продолжаться. И новые мысли вновь не перестанут возникать» (5, 9). Недаром эссе от 2015 года имеет подзаголовок: «из неопубликованного». Анар не лукавит; эти мысли доподлинно оказались новыми, потому что в отличие от изданий прошлых лет, они, на наше усмотрение, отныне отражают классическую теорию мультикультурализма.

Почему же классическую? Поясним. Азербайджанская литература на протяжении нескольких десятилетий имеет свои особенности. Суть их в том, что она во многих случаях двуязычна, и потому её критерии невозможно искусственно подгонять, скажем, под американскую литературу XX века, в которой традиционная идея мультикультурализма объективно очень сильна. А дело заключается в том, что в своей извечной противопоставленности ассимиляционной концепции «плавильного котла» («melting pot») американская литература стремилась сохранять в каждом этносе исконные традиции в пределах единой национальной культуры.

Такое оказывалось возможным и единственно допустимым благодаря английскому языку, остававшимся главным языком общения вне зависимости от пёстрого этногенеза американской нации. Только на этом языке в Америке создаются произведения, что позволяет отнести их к общенациональной литературе. В азербайджанской литературе XX столетия такой мультикультурной парадигмы никогда не было, потому что ещё в советские годы азербайджанская литература создавалась как на родном, так и

русском языке. Творчество Анара тоже двуязычно. Однако именно это условие, по нашему мнению, давала возможность заметно глубже проникнуть в основы инородной культуры, отобразить её реалии, по-новому синтезировать факты, типизировать героев и т.д. Следовательно, появлялась благая возможность приносить в русскую и западную культуру колорит собственной этнокультуры.

Только с таких позиций и надлежит рассматривать «Ночные мысли» Анара настоящего года издания. Далеко не всё в новой культуре он принимает. Как реалисту, писателю-традиционалисту, ему претит русский литературный постмодерн. В ироничных тонах он пишет о том, что, к примеру, для В. Пелевина «внешняя поза», пиар значат гораздо больше, чем содержание. Конечно, это только его субъективное мнение. Но Анар утверждает: «...эпатаж приедается, но настоящее искусство требует «полной гибели всерьёз». И в итоге: «Нечего сказать, «Чапаев и Пустота» (5, 9) – вот какой суровый вердикт выносит он главному роману В. Пелевина.

Отрицательное отношение Анара к Виктору Пелевину, а в его лице к нормам постмодернизма в целом, быть может, несколько озадачивает. Но и оно неоднозначно. Западные теоретики мультикультурализма заявляют, что постмодернизму без различия цветов и наций присущ решительный отказ от «аналитической серьёзности». Если учесть тот неоспоримый факт, что «Ночные мысли» – это философские размышления автора многих лет, то его воззрения полностью совпадают с данной трактовкой мультикультурализма. Эта одна сторона медали. Русские же учёные в основном делают упор на том, что мультикультурализм чаще избирает путь романтизации социальной реальности. А здесь высок элемент морализации. Но Анар против таких подходов, и все его творчество – тому ясное подтверждение. Так что наш писатель лишь в определённой степени стыкуется с классической теорией мультикультурализма.

Вместе с тем Анар, оказывается, давно вынашивает план создания семейного романа по образцу западной литературы («Мне хочется создать семейный роман именно такого (западного) типа, взяв за основу судьбу нашей собственной семьи») (5, 8). Фактически перед нами кредо Анара. Он указывает, что представители его славного рода – Рафибейли со стороны матери и Мамедханлы по генеалогической линии отца – принимали активное участие в ряде событий общественно-политической и культурно-просветительской жизни республики. В то же самое время в его задачу входит создание цикла, напоминающего, по собственному признанию, идеи «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси, «Семьи Тибо» Роже Мартена дю Гара, «Будденброков» Т. Манна и т.п.

Нам представляется, что это уже серьёзная заявка на то, что писатель никоим образом не планирует манипулировать фактами национальной истории, замалчивать те или иные взгляды на восточный уклад в семье. Работы Анара последних лет – это не оглядка на Прошлое, а устремлённость в Будущее. И не только «Ночные мысли», но и другие сочинения (в первую очередь огромный трёхтомный труд «Литература, Искусство, Культура») являются точками пересечения нескольких культур. Это нетрудно показать, если ориентироваться на содержание этой книги. В ней Анару удалось новаторски взглянуть на культуру Востока и Запада, деятельность Джалила Мамедкулизаде в Азербайджане и Назыма Хикмета в Турции. С одной стороны, все три тома посвящены сохранению и приумножению того, что республике «дорого, важно и перспективно, – по мнению автора, – из сугубо нравственно-эстетических ценностей Прошлого и Настоящего». С другой, что почерпнуто из анналов русской и западной литератур, привнесено из других культур. Но гармония от этих двух перекрещивающихся линий повествования абсолютно не нарушается.

Надо заметить, что одним из наиболее важных и актуальных постулатов мультикультурализма является как параллельное существование разных культур, так и их взаимосвязь. Даже если

они в чём-то идентичны. Таким образом, речь идёт, скорее, не о формальном диалоге между культурами, этносами и возможности механической трансформации идей, а об их влиянии друг на друга с выявлением культурологической доминанты. Такой доминантой в «Ночных мыслях» становится желание Анара внести и свою лепту в общую мировую культуру.

Насколько скромно самому автору говорить об этом – вопрос не нашего исследования, а отношения к Анару критиков и современников. В любом случае его творчество в XXI веке оценят потомки. Тем не менее мы не имеем права не привести характерную, цементирующую весь текст этого эссе следующую выдержку: «... многое, о чём я всерьёз задумывался, было написано в прошедшие годы, осуществляется именно сегодня, на моих глазах. Да, многое из того, на что я привлекал общественное внимание в былые годы, – Гобустан, Деде Горгуд, Ичери Шехер, Огузская поэзия, а также ковры, мугамы, – из области интересов отдельных специалистов или исполнителей ныне стали достоянием всего общества, своеобразной визитной карточкой нашей страны для культуры всего остального мира, можно даже сказать – модными брендами» (5, 8).

Если подчеркнутое самим писателем рассматривать как вклад в «мировую копилку», то надо говорить о некоем воссоединении нескольких моделей мультикультурализма в единое целое. Тем самым в литературном творчестве достигнута одна из важнейших целей настоящего феномена – модель единства в многообразии, выделение частного как фактор объединения отдельных звеньев в общую цепь философских рассуждений. Для сторонников мультикультурализма, который в идеале рассчитан на труды, имеющие прямое отношение не только к Прошлому и Настоящему, но и нацеленными на Будущее, подобного рода высказывания в «Ночных мыслях» являются одним из конструктивных путей формирования единого общества.

Мультикультурализм как особая категория в историко-философском и социально-политическом истолковании фактиче-

ски представляет собой рупор передовых идей, в которых вопросы толерантности, уважения двух или нескольких сторон, сохранения суверенитета и другие всегда в центре внимания. Но художественная литература имеет ряд преимуществ, потому что может трансформировать отдельные культурологические установки в нужном автору направлении. Так, рассуждая о культуре разных народов, нельзя замалчивать собственную боль. Ведь мультикультурализм, выступая против доминирования конкретной культуры, вместе с тем не ставит запретов на личностные притязания. Он вполне допускает субъективное мнение, тем более, если поднимается вопрос острый, для нашего времени актуальный. И поговорку «Своя рубашка к телу ближе» нельзя рассматривать как голос художника-конъюнктурщика, когда «родное» в контексте проблем разных этносов не противопоставлено «чужому». Таких антиномий нет и в «Ночных мыслях» Анара.

В эссе значительное место уделено азербайджано-армянскому конфликту, но это не фрагменты исторических трудов, а взгляд человека с высоты знатока русской и западной культур. Естественно предположить, что художнику пригодился в этом отношении опыт нескольких десятилетий. Суждения, обобщения и выводы на указанную тему – результат долгих раздумий, начиная с «очага возгорания», то есть с 1988 года. Правда против потока лжи в устах писателя не гонится за сенсацией; отстаивая истину, восстанавливаются славные имена, очищаясь от идеологических «наростов», появившихся за последние 25 лет. На проблему Нагорного Карабаха Анар смотрит не с точки зрения сухого аналитического подбора фактов, но, скорее, психолога и даже судьи. Кто выигрывает, и есть ли победители?

«В структурах власти, в том числе среди военных, – пишет он, – есть немало лиц, сытых, пресыщенных чрезмерным богатством. А кому же охота менять комфортабельное своё существование на откровенный дискомфорт, мягко выражаясь, батального столкновения с неизвестным для себя исходом? И ради чего? Ра-

ди пустой и абстрактной идеи возвращения беженцев к своим родным очагам?» (5, 3).

От этой мысли осуществляется переход к недопустимости тотального превосходства одной культуры над другой, потому что война – это рубище, значит уничтожение (или насильственный сгон с земли) определённой части этноса. И когда мы в работе читаем о губительной политике, обрекающей «армян на изолированное прозябание во имя каких-то химерических идей», то понимаем: это не глас вопиющего в пустыне, а мнение всего передового сообщества. Обогащение кучки карьеристов, амбициозность и авантюризм, «заикленность сознания нации на так называемом геноциде столетней давности» – это, по словам автора, не только «экономический провал», но и духовный, культурный спад, который, быть может, уже в недалёком будущем приведёт к «демографическому истощению» наций.

С одной стороны, в Анаре говорит боль азербайджанца за поруганную честь родной земли. С другой, он словно упреждает мнение мирового сообщества. Если погибают люди, гибнет и культура. И вот итог: «Смириться со свершившимся фактом, принять нам, как должное, статус-кво, иными словами, согласиться с потерей более чем двадцати процентов территории нашей республики, исторических городов, колыбели азербайджанской культуры?» (5, 4). И, видимо, не будет преувеличением, если подытожить: Анар обращается в ООН, ЕС, к официальным наблюдателям передовых западных стран, чтобы спасти великую национальную культуру и не замарать пятном бесчестия другие.

Завершая краткий обзор, хочется подчеркнуть, что «Ночные мысли» – это квинтэссенция многолетнего опыта. Он охватывает глубокие культурные пласты – от русской классической литературы XIX века до лучших творений итальянского неомодерниста Умберто Эко с его нашумевшим романом «Имя розы», сербского писателя Милорада Павича («Хазарский словарь»), Лампедузы – автора романа «Леопард» и многих других. Синтез западных ли-

тератур и культур – это «биение пульса», шкала индивидуальных предсказаний. Есть, возможно, в «Ночных мыслях» одно из гипотетических предположений, над которым бьются в тисках противоречий сторонники и противники мультикультурализма: шаг в будущее, каким он видится учёным и художникам? Анар предсказывает: если литература не найдёт себе верных союзников в интеллектуальной и массовой читательской среде, то она рискует переступить ту культурологическую грань, за которой не будет возврата к нравственности в высоком смысле этого слова. И что тогда ждёт человечество? «Литература XIX века мучительно искала ответы на вопросы социальные, философские и нравственные, злободневные вопросы социального бытия. Литература XX века искала выход из отчуждения личности, его поистине фаталистического одиночества. Неужели литература и культура XXI столетия выход из многочисленных проблем будет искать в опошлении всего и вся, в откровенном цинизме, в похабщине или ерничестве по поводу духовных и эстетических ценностей?» (5, 18). Вопросы повисают без конкретных ответов.

Выше нами было выяснено, что одним из центральных принципов мультикультурализма является открытость разного рода дискуссиям. И когда сегодня мы с гордостью провозглашаем, что Азербайджан открыт для всего мира, доступен для дебатов с мирным разрешением узловых вопросов, мы подсознательно имеем в виду разные виды искусств. Азербайджанская литература, питающаяся идеями других культур, отражающая быт и реалии народов, идёт, по нашему мнению, в фарватере теории мультикультурализма. Конечно, назревшие в обществе проблемы могут быть поставлены на обсуждение как прямо, так и косвенно. Это уже зависит от волеизъявления писателя. Но они не теряют при этом самоценности. Только говорить надо, не голословно, а с фактами в руках.

На острие такой идеологической открытости в свет выходят романы Камала Абдуллы «Тайный деде Коркуд», «Неполная рукопись», «Долина кудесников» и другие. К. Абдулла относится к современным писателям-парадоксалистам, сознательно отверг-

шим традиционный реализм как творческий принцип. Естественно предположить, что в названных произведениях отразились объективные стороны жизни. Талантливый писатель и учёный не может не отталкиваться от жизненных конфликтов, но К. Абдулла, как правило, придаёт им черты вневременности, вечности, лишая их привычной исторической достоверности и конкретности.

В чём это проявляется? Во-первых, как представитель азербайджанского постмодернизма, он использует в своём творчестве уже годами наработанные в европейской и русской литературе и культуре рубежа XX-XXI веков черты и признаки новомодного направления. Это игра с читателем, резкие переходы от одной эпохи к другой, отчего существенно видоизменяется пространственно-временная парадигма сюжета, настойчивое повторение пересказанных историй, смешение стилевых систем и т.п. Во-вторых, автор открыто манифестирует причудливый жанровый синтез; в романы с разной степенью достоверности вписываются классические нормативы эпики, легенд, приёмы мифопоэтики. В-третьих, притчевая основа повествования даёт возможность придавать неправдоподобным ситуациям внешнюю правдоподобность, облекая парадоксальное содержание в обыденные прозаические формы.

Но самое главное отличие произведений Абдуллы от азербайджанских писателей-традиционалистов состоит в том, что постмодернизм в его лице как явление относительно новаторское, не вполне разработанное и малоисследованное, находится на точке пересечения западно-восточных культур с равноправным принятием тех особенностей мультикультурализма, на которые мы уже указали. Достигается такой эффект благодаря новациям, ранее не имевшим широкого распространения в азербайджанской литературе. К ним мы по праву можем отнести коллаж в «Неполной рукописи», где наблюдается соединение не сочетаемых вещей, или фактов, манкировка ситуациями, в которых нарушена каузальная, то есть причинно-следственная связь, произволь-

ное манипулирование временными параметрами. В романе «Долина кудесников» сплав разнородных культур, не присущих современной азербайджанской реалистической литературе, проявился в симбиозе легенды, философии, мистики и мифологии.

Парадоксы сознания, бесспорно, входят в азербайджанскую литературу с «обочины». Они свидетельствуют о том, что нет ничего естественного и одновременно противоестественного в романном действии. Всё логично и в то же время нелогично, скомпоновано и разбалансировано, подвижно и статично. Развенчаны авторитеты, нет кумиров, сброшены идолы. Случайное сменяется закономерностями, но в итоге чаще всего вновь господствуют хаос и неразбериха.

Такое происходит, на наш взгляд, ещё и по той причине, что мультикультурализм в постмодернизме Абдуллы допускает субъективацию объективных ситуаций. Поясним. В его произведениях размыта грань, которая отделяет наблюдения над объективным ходом событий от области культуры, в которой объективируется обобщённая стихия бытия. Тем самым последовательно объективируются и личностные переживания. Вот почему в названных романах Камала Абдуллы бросается в глаза намеренная фиксация внутреннего состояния личности или его видения сквозь эпохи, тревожные рассказы очевидцев событий о своих страхах и сомнениях. Это новое слово в азербайджанской литературе, не противоречащее национальным основам, но допускающее проникновение в ткань художественного организма норм и правил другой культуры.

Однако это новое слово, как нам представляется, отнюдь не отягощено мрачным взглядом на мир. К. Абдулла далёк от взгляда на человека как на пассивное и вечно страдающее существо. Оказывается, на мир можно смотреть совершенно по-иному, как это видится азербайджанскому писателю Зии Сафарбекову. А начнём с риторического вопроса: много ли найдётся в азербайджанской литературе произведений, главной темой которых стал свёршённый суицид или периодическое стремление к

нему. Вдумаемся, часто ли национальный читатель сталкивался с психологическими проблемами негативной самооценки личности, когда писателем отчётливо поставлена дилемма силы и слабости? Могло ли вообще подобное возникнуть в азербайджанской литературе в период господства советской империи?! Это бесспорная прерогатива западноевропейского романа. Таков печальный итог жизненного пути центрального персонажа «Смерти героя» Р. Олдингтона, полицейского Скоби в «Сути дела» Грэма Грина, Генри из повести Э. Хемингуэя «Снега Килиманджаро» (К роковой черте подошёл и сам автор). Не уживаются в своём мире романтические герои В. Гюго – полицейский Жавер и несчастный Гуинплен; тихо уходит из жизни последний отпрыск рода Будденброков – Ганно в романе Т. Манна... Но долгое время это не было свойственно современной азербайджанской литературе, пока не появился на свет роман Зии Сафарбекова «Мой проклятый мир», в котором данная тема поставлена полномасштабно.

Страницы произведения проникнуты несчастными судьбами людей, наших современников, которые на протяжении короткого отрезка жизни находятся на грани смерти, мечтают о ней, призывают её как спасительный островок от невзгод («Я ненавижу тебя, мой проклятый мир» – слышится со всех сторон). Печально и неотвратимо – так, во всяком случае, полагает З. Сафарбеков. Это происходит, как считает автор, по той причине, что люди не вписываются в культуру своего мира, а к новому берегу пристать не могут (вспоминаем психологические барьеры в теории мультикультурализма). Люди не могут обрести покой в цивилизованном обществе до тех пор, пока не найдут его в себе самом. Эпиграф к роману «Когда смерть граничит с жизнью, теряешь всё, обретая лишь бессилие...» вводит нас в обстановку пассивности человека, в лучшем случае ведущего борьбу за безрадостное выживание.

Насколько удаётся выяснить, пожалуй, впервые в XXI веке достоянием читателей стала книга, в которой с пронзительной остротой поставлена проблема психологической несовместимо-

сти личности с культурой среды, в которой вращаешься. Отдельные члены азербайджанских семей здесь либо оторваны от исконных корней, либо влачат жалкое существование по причине болезни, отгороженности от окружающих стеною недопонимания. Следует, конечно, отдавать себе отчёт, что в романе мультикультурализм словно вывернут наизнанку, так как З. Сафарбеков чаще выделяет всё самое худшее в человеке. Негатив поведения, что называется, «разлит» по страницам произведения. А если описывается сильная личность-доминанта, то она страдает от вышеуказанного сопротивления собственному бессилию.

Но таковы упрямые факты, изложенные в этой книге. И если в эссе Анара «Ночные мысли» мы попытались состыковать теоретическую базу мультикультурализма с философскими размышлениями автора о смысле бытия, человеческого существования, в психолого-политическом детективе Ч. Абдуллаева сосредоточили внимание на рассудочной стороне в поведении героя (расчёт вариантов и нестандартное мышление – прежде всего!), то у З. Сафарбекова сталкиваются две культурологические системы по линии идеологической.

Итак, один из героев ополчился на весь мир. Его отец бросил мать, увлѣкшись женщиной легкого поведения. Молодой человек замыкается в своём микромире, как в скорлупе. Одновременно с тем растёт ненависть к отцу. Причѣм, одно зло порождает другое, и ненависть приобретает масштабный и фатальный характер.

Аналогично происходит восприятие отца и окружающего мира главным персонажем: «Вот вдруг я и осознаю, что ненавистные чувства к отцу и всему окружающему миру – это моя собственная проекция и вместе с тем защитная реакция. Это то, чем я ежедневно питаюсь. Я подобен дементору (слепым тюремщикам Азбакана, сеющим зло и высасывающим человеческую душу)». Моѣ восприятие мира ограничивается ношением тьмы, которая порождает у людей страх. Я разрушаю всё, к чему прика-

саются мои руки. Это то, чем я постоянно живу, когда вижу Его, моего так называемого родного отца» (16, 56).

Что же тому виной? Оказывается, чужеродная культурная среда, в целом мало приемлемая для менталитета азербайджанской семьи. Можно привести бесчисленное количество примеров, когда отец по разным бытовым причинам уходит из семьи, оставляя жену с детьми. Избитый сюжет. Далеко не всегда встречаешь в художественном произведении пути вхождения в чужеродную культурную среду как факт принятия вызова времени. Таким же героем в романе Сафарбекова становится Тамерлан. Будучи брошенным в детстве отцом на произвол судьбы, он не сумел найти своё место в жизни, опустил, предал забвению все лучшие восточные традиции. Он оказался слабым человеком, и его земной удел ограничился низкосортными интересами.

Сам о себе он говорит: «Ты попадаешь совсем в другой мир, где нет никакой беготни, «дьявола в обличье ангела», нет даже и сплетен. Ты в этом мире не найдёшь «вязких болот», куда тебя могут затянуть самые близкие люди, уж абсолютно невозможно избавиться от этакой чертовщины» (16, 36). С горечью Тамерлан признаётся: «И тогда совершенно нам не выбраться из этого омута, не то чтобы самого себя, но даже самую малую часть своей души невозможно будет спасти. Спасти себя от луж, свинства, слякоти, мерзости. И тогда наступает истинный апогей. Безразличие, граничащее с пассивностью и бессилием. Момент жизни, когда тебя уже никто и ничто не волнуют» (16, 36).

Спрашивается, в какой же страшный мир затянули Тамерлана близкие ему люди? Здесь нельзя ограничиваться отдельными фрагментами из текста; следует внимательно прочесть весь роман, чтобы сделать правильные выводы и обобщения. Дабы не поддаваться искушению беллетризировать наш доклад, пересказывая сюжет, отметим, что центральный герой выбирает для себя самый худший и опошленный мир современной западной культуры, который целиком и полностью, по мысли автора, противостоит

стоит восточным нравам, обычаям и нормам проведения. О какой чертовщине в романе идёт речь?

Лужи, свинство, слякоть, мерзости (почти по Горькому) надо понимать в иносказательном ключе. Это уход в мир наркомании, когда человека сломали обстоятельства, и он не находит выхода. Весь комплекс культурологических идей, общепринятых и доступных для развития в Азербайджане, Тамерлан не приемлет, и берёт на вооружение западный образ жизни. Он сознаёт, что наркотики, столь распространённое явление на Западе, – «временная смерть, при помощи которой прячутся от этого мира (16, 42), но всё равно, словно очумелый, бросается в эту жизнь. Она переполнена западными фитнес-клубами, танцплощадками, где остатки «золотой молодёжи» «тусуются на иностранный манер». Порою складывается впечатление, что основное действие романа происходит не в Баку, а в ночных кабаре Парижа или шумной толкотне Америки. Недаром в романе процесс релаксации от наркотиков часто сопровождают «тёмное одиночество», «полная тишина», «забвение», сумрачная погода, дожди и туманы (Возможно, тонкий намёк молодого писателя на лондонский смог). Тамерлан как бы автоматически перенимает западный образ жизни, правда, повторяем, в его самом худшем сценарии.

Причём, показательно, что духом восприняв западный образ жизни, Тамерлан порою и не замечает собственных серьёзных огрехов, вплоть до административных или уголовных правонарушений. В известной степени он непомерно гордится тем, что не похож на своих соплеменников. Приписывая все достоинства исключительно самому себе, герой не замечает, что всё ниже скачивается по наклонной плоскости. Разделив вселенную на две культурные ипостаси, точнее, на «Мы и Они», Тамерлан признаётся: «Сейчас я понимаю, что действительно мир воспринимает тебя точно так же, как ты относишься к себе и воспринимаешь его сам» (16, 81).

И всё же в бесконечной череде печальных событий, происходящих в этом «проклятом мире», есть светлые образы, которые

автором выгодно оттенены. Это Сара и её домочадцы, которые продолжают лучшие традиции восточной семьи с не надуманным авторитетом отца и женщиной, умеющей таить свою боль (она несколько лет смертельно больна) от близких, чтобы не вызвать к себе жалость.

Противовесом необдуманным поступкам Тамерлана служит к тому же и безумная любовь Сары и её супруга. Они беззаветно преданы друг другу. Над ними не довлеют никакие готовые схемы и шаблоны. Отсутствие генетической связи между чужими по крови людьми полностью компенсируется общей бедой – болезнью жены и страхом мужа потерять её. И одной из примечательных особенностей повествования здесь становится не архетип страха, а любовь в высоком смысле слова. Во всяком случае, автор репрезентативно доносит до нас именно такую идею.

Любопытная художественная деталь вплетена в канву романа: молодой женщине, находящейся под суровым приговором врачей, как «Домокловым мечом», продлевает жизнь «Брунфельсия» – крайне редко культивируемое в Азербайджане декоративнее комнатное растение. В предисловии к роману сказано: «Сара замечает прекрасный, нежный и насквозь позитивный мир в таком редком растении, как брунфельсия. Долгие годы она больна неизлечимой болезнью, но это растение помогает ей наслаждаться этой жизнью, замечать прекрасное и не падать духом» (16, 4).

Нам кажется, как не пытается молодой автор скрыть восточную символику, прячась за ширмой малоизвестного растения, ему так и не удаётся обмануть бдительного читателя. Мы имеем в виду тот факт, что под брунфельсией надо понимать розу. Птицы поют под окном, когда героиня вдыхает её аромат. Это живо напоминает нам традиционные для восточной поэтики образы розы и соловья. И примечательно, что писатель не мог отказаться от художественного отображения единства модели в бесконечном многообразии как главного компоновочного элемента мультикультурализма. Целесообразно подчеркнуть, что мультикультурализм предлагает соединение культур, а не выбор одной

из них или оптимальных путей претворения в жизнь. В данном случае происходит некоторая литературная трансформация мультикультуралистических идей. А именно: модель З. Сафарбекова здесь представлена следующим образом: человек одной культуры, породы и расы, который, предав свою родословную, пристрастился к образу мыслей иной культуры, порою видит мир криво-зеркально. Таким показан отрицательный персонаж Тамерлан. Он, в нашем собственном воображении, словно кривое дерево, а от него, как известно, прямые ветви и тени не пойдут.

Сара со своим цветком живёт полнокровной жизнью, несмотря на то, что ей отмерено совсем немного. И она наделена способностью видеть добро во многих людях. Это восточный мир с неизменным желанием порядочного человека поскорее забыть плохое и помнить хорошее. По мысли Зии Сафарбекова, она воспринимает окружающий мир как «зеркало внутреннего состояния». Иными словами, её взгляды на людей и миропорядок адекватны. У Тамерлана же в свою очередь вместо красивого цветка только шприц и наркотики, и он видит мир соответственно иллюзорно. Это мир западный, который исподволь раскритикован автором. Хотя бы потому, что суждения о его культуре или образе жизни других людей вложены в уста одиозного действующего лица. На нём фиксируется определённый слом привычного для азербайджанцев этнокультурного кода.

Тем самым в романе З. Сафарбекова «Мой проклятый мир» Восток и Запад оказываются равноправно разведёнными по обе стороны, которые цементируют инородный образ жизни. И это бесспорное отражение одной из главных черт мультикультурализма.

Обзор азербайджанской художественной литературы, основные темы и мотивы которой так или иначе связаны с феноменом мультикультурализма, мы хотели бы завершить анализом произведений нашей соотечественницы, уроженки Азербайджанской Республики Айтен Акшин. Талантливая и многогранная писательница, впитав в себя все соки и корни земли родной, с пер-

вых лет XXI века проживает в столице Австрии. Здесь она и продолжает плодотворно творить, активно печатается в издательствах и журналах Вены и других городов этой замечательной страны, ныне ставшей для неё второй родиной. Австрийская пресса и издательства художественной литературы, насколько нам удалось выяснить, благосклонно восприняли её повести («Точка отсчёта», «Письмо сыну», «Кружевная пыль», «Карамельный крем», «Шёлковое дерево»), рассказы («Семь минут», «Добрая душа», «Осенние листья», «Островки разбитого на осколки романтизма», «Кошмар неудавшегося литератора» и многие другие), а также многочисленные миниатюры, притчи, сказки на современный лад, так называемые Обрывки «Дежурные слова», «Камень в снежке», «Из всех искусств» и особого рода Невыдуманные небылицы («Сказки Габриэля» и «Устами младенца»).

Молодой, но уже хорошо зарекомендовавший себя в Азербайджане и в австрийских литературных кругах автор, в перечисленных произведениях отражает динамику двух культур. Причём, она выплёскивает свои эмоции наружу, когда есть необходимость поведать о своих наиболее острых ощущениях и болезненных впечатлениях. Может быть, по этой причине в её книгах так зримо присутствуют столицы ведущих европейских государств – Рим, Париж или Монреаль, города Швейцарии, в которых она сама неоднократно побывала. Конечно же, в её рассказах и повестях присутствует бурная жизнь Вены, приютившей и развившей её талант. Когда в местной печати она, к примеру, описала дорогу на Монмартр (а именно так называется одна из центральных повестей её книги «Вальс на разбитых бутылках»), то невольно чувствуешь: словно с австрийскими гражданами поднимаешься на знаменитом французском фуникулере к базилику Сакре-Кёр, и вместе со своими новыми соотечественниками по второй родине вспоминаешь залпы франко-прусской войны 1870-х годов, так яростно описанной Ги де Мопассаном, а отголоски мы находим в пацифистских творениях Стефана Цвейга. В такие тонкие психо-

логические нюансы художественных деталей начинаешь воочию верить, понимая, что современный азербайджано-австрийский писатель успевае́т зафиксировать малейшие значимые картины, попадающие в поле её зрения.

Само собою разумеется, что наше обращение к творчеству Айтен Акшин связано с её новым местожительством. Трёхязычная писательница посылает в редакцию журналов Азербайджана свои произведения на родном и русском языках, в местной печати публикуется на немецком. Но в аспекте избранной темы нашего доклада представляется ещё более актуальным говорить о культурологической направленности автора. Прочитав большинство из созданного ею, можно прийти к выводу, что творческое мировидение А. Акшин проявляется в своеобразной балансировке между генетическими корнями и Австрией. По-видимому, существо дела заключается в том, что в большинстве её повестей и рассказов присутствуют эмигранты, а также немецкоязычные, англо-и франкоязычные реальные лица и художественные прототипы. Понятно, что отражена и культура этих стран. Одновременно с тем совершенно не удивляет и тот факт, что почти повсеместно витает самый дух родины. Причём, как нетрудно убедиться, перечитывая ряд её сочинений, национальная реликвия имеет место не только в перечислении имён или блюд, в строгом соблюдении традиций и обычаев, равно как и в процессе использования азербайджанских поговорок и пословиц. Весь сюжетный фон подчас пронизан восточными приметам, точнее, воспоминаниями давно ушедших лет.

Видный национальный писатель Чингиз Абдуллаев в своём предисловии к книге Айтен Акшин «Вальс на разбитых бутылках» по этому поводу точно заметил: «Автор любит существовать на грани двух миров, на стыковочных узлах двух культур – европейской и восточной. Наверно, сказывается и её личный опыт, и возможности молодой женщины, изначально выросшей в одном обществе и затем получившей образование и навыки общения в ином культурологическом пространстве» (4, 5). Такие критерии

оценок становятся для нас главным ориентиром при мультикультуралистическом подходе к ценностным установкам в произведениях Айтен Акшин.

Во времена «железного занавеса» многие люди, особенно представители молодого поколения, бежали от режима бывшего Советского Союза в Европу, в том числе в Германию, Швейцарию и Австрию. Уходили от элементарной нищеты, от заедавшего нудного быта советской рутины, наконец, от прямых и непосредственных партийных преследований. И хотя исторический период «неблагонадёжных» и тем более «врагов народа» 1970-1980-х годов канул в вечность, гонения на честных интеллигентов по некоторым политически привходящим причинам всё равно порою продолжались. О сложностях этого смутного времени в Азербайджане написана повесть А. Акшин «Post Skriptum».

Главные герои – Талят и Али – покидают насиженные места и уезжают в Европу в поисках лучшей жизни. Но с собою они забирают не только светлую мечту о новой земной юдоли, но и рецидивы «проклятого прошлого». Тяжёлым ярмом висит оно на шее, что, кстати, чётко обозначено автором и соответствующим мрачным психологическим настроем персонажей. Как крик изболевшей души звучат слова: «Обида у меня какая-то сидит... продолжал Али... злость какая-то, понимаешь. Не могу это перебороть, не могу забыть, как выезжали, как у нас на границе последнее отнимали, как в лицо плевали, как издевались» (4, 213).

Чтобы обосноваться в немецкоязычных государствах в те годы, Али в буквальном смысле слова пришлось пройти сквозь горнило ада. Поначалу из рядов партии исключили его родного отца («Буднично и без смакования, глядя куда-то в сторону, об исключении из партии отца Али известил партком. В доме появилось письмо, заканчивающееся словами: «Мы не хотим жить с теми, кто, пренебрегая идеями отцов и дедов, переступает через самое святое, что только есть у человека – любовь к Родине. Мы не желаем трудиться в одном коллективе с теми, – далее следовало в этом письме, – кто предательски оставляет Родину во имя

чуждых нашему обществу идеалов и ценностей» (4, 114-115). Затем его сняли с должности, опережая прямой и честный поступок уйти по собственному желанию. Не дожидаясь того рокового дня, когда «за что-нибудь зацепятся», покидает место работы и мать Али. Через пару месяцев без объяснений или предъявлений каких-либо требований, отчисляют из школы ребёнка.

Цепочку злоключений, впрочем, вполне обычных и закономерных для партийного процессуального кодекса двадцатипяти-тридцатилетней давности в Азербайджане и других государствах Советской империи, трудно даже назвать травлей, хотя именно на этом слове писательницей делается главный упор. Это более всего походило на мафиозную вендетту. И характерно, что спасительной «отмазкой» при этом, легко отделяющей стеною правых от неправых, служили готовые и стандартизированные формулировки тех лет, типа следующей, обыгрываемой в повести. «... мужчина в сером, повторив все сказанные ранее фразы, оглядел смотрящих ему в рот людей, лукаво улыбнулся и добавил услышанные им вчера слова от Самого: «Но если они не хотят жить с нами, то почему они думают, что мы хотим жить с ними, не так ли, товарищи?»» (4, 115).

Необходимо заметить, что под острым взглядом талантливого прозаика все точки над *i* таким росчерком пера не исчерпываются. В повести «Post Skriptum» разворачивается серьёзная и ответственная за судьбы молодого поколения дискуссия о строгой регламентации эмигрантов и острой необходимостью переезда в Европу, в том числе в Германию, Австрию и другие немецкоязычные страны. Так, эмоционально настроенный собеседник Али Таят в порыве диспута словно на едином дыхании выдаёт: «А что, всем эмигрантам памятники теперь ставить, да? А потом с ними выгодные для них сделки заключать, да? Да тут иностранцев хоть пруд пруди и... без болезненного отношения к прошлому и к тому, что кто-то когда-то эмигрировал» (4, 115). Лично нам представляется, что эта печальная статистика явилась как бы приглушённым отзвуком биографических данных самого

автора. Ведь, как мы уже показали, став членом Союза писателей и Союза журналистов Азербайджана в 1999 году, Айтен Акшин в настоящее время проживает в Австрии, временами переезжая в некоторые другие европейские государства.

Здесь дело заключается не в самом удручающем факте эмиграции, но в степени реализованных возможностей. Отечественной писательнице удалось в этой повести, по нашему мнению, хорошо показать, что лучшая часть молодого поколения в Азербайджане стремилась к получению подлинных знаний, а не дутых дипломов. Настоящие познания они могли лишь с большим трудом получить в республике в описываемое годы. Другая часть людей эмигрировала в Европу по чисто меркантильным интересам, проще говоря, в погоне за «длинным рублём». И, наконец, находились такие люди, которые и у себя на родине сумели зарекомендовать себя с лучшей профессиональной и морально-нравственной стороны, доказав свои высокие деловые качества. Однако это, как правило, удавалось немногим из наиболее талантливейшей и сильной духом молодёжи. Нынешнее поколение, конечно, довольно слабо знакомо с таким положением дел. Таким образом, серьёзная и своевременная, на наш взгляд, дискуссия из области политики в мастерски обработанной Айтен Акшин художественной прозе переходит в полемику психологического и культурологического характера, что также немаловажно.

Умение переключить на иной регистр демонстрирует автор в повести «Вальс на разбитых бутылках». Здесь центральными темами явились щемящие воспоминания о родине и вместе с тем красочное новогоднее представление в Европе. Главный герой Нариман, отправляясь в рабочую командировку в Рим, поражён красотами этого старинного античного города, но ни на минуту он не забывает о своих родных и близких. Считаем, что тема воспоминаний подаётся здесь как в строгих рамках реалистических канонов, так и современном постмодернистском стиле, активно постулируемом Айтен Акшин.

В самый разгар весёлого праздника и захваченный общей эйфорией, он звонит семье: «Некоторое время он вслушивался в короткие гудки. Захотелось перезвонить, рассказать Салиме (супруге – примечание наше), как не хватает её именно сейчас, сказать, что он их всех крепко любит и как здорово, что они есть у него, позвать к телефону детей, услышать, как они торопливо сменяют друг друга у аппарата...» (4, 195).

Вторая часть повести – это описание предновогоднего карнавала, в результате которого азербайджанский читатель может лучше узнать подробности необычайного народного гуляния в столице одной из европейских стран. Характерно, что весь антураж большой праздничной компании ассоциативно напоминает нам знаменитый финал романа Эрнеста Хемингуэя «Фиеста», только в роли действующих лиц здесь выступают не испанцы или американцы, а римляне-итальянцы, бодро вальсирующие с бутылками шампанского в руках. Заключительный аккорд этой повести, по мысли А.Акшин, призван смягчить горькие воспоминания главного персонажа Наримана об оставленной им в Азербайджане родной семье. Если в предыдущем произведении у героев обида за прошлые гонения застилала им глаза всем реалиям новой открывающейся жизни, то в этой повести сопряжение двух культурных слоёв – карнавального шествия и ожидание близких, явно уводят в сторону благодушно-сентиментального тона.

И, наконец, ещё одна повесть – «Кружевная пыль», которая привлекла наше внимание прежде всего по той причине, что в ней на переднем плане действуют немецкоязычные герои, нашедшие отдохновение от тягот и забот на Востоке. Главная героиня названного произведения Ева на родине теряет самообладание и контроль над собой в связи с удушающей атмосферой шумной цивилизации. Её раздражает как извечная городская суетолака, так и повседневная домашняя житейская суета. Замужество с неким господином Юргом и неровные отношения с господином Эрвином не приносят в её крайне неустойчивую психику желаемого семейного уюта. Юрг уже давно привык к вспыльчи-

вому, неуравновешенному характеру супруги, и на многие её «фокусничанья» не обращает особого внимания. В конечном итоге Ева начинает с ужасом осознавать, что неоднократно возвращается к разрешению пустых и ненужных вопросов, не привнося при этом в них ничего существенно нового. Фобия, как пытается донести до нас эту мысль Айтен Акшин, доходит до умопомрачительного абсурда.

Чтобы избавиться от кошмара, Ева перебирается на границу между Германией и Австрией и где-то в старом ганзейском квартале лечится в психотерапевтической клинике госпожи Флорины Штайнманн. С чувством необходимого такта, надо полагать, как дань уважения стране, в которой ныне проживает и работает писательница, описана спокойная и «милая» обстановка больницы, в которой распорядок дня вроде как субъективно располагает к правильному лечению и внутреннему умиротворению. Прогулки, реестр необходимых процедур, консультации – несложный механизм для душевнобольных людей.

Нами подмечена и такая любопытная деталь: в ходе личного общения с доктором Флориной Штайнманн Ева неоднократно ловила себя на мысли о том, что «говорила, говорила... пересказывала всё опять, подробно описывая незначительные детали, и не замечая того, что всё это уже говорит во второй, третий, десятый раз» (4, 232).

Этот художественный штрих, как нам представляется, «снят» с актива знаменитой методики выдающегося австрийского психиатра и мыслителя Зигмунда Фрейда, который, как хорошо известно, по несколько часов подряд внимательно выслушивал своих пациентов в полнейшем молчании. Учёный не перебивал своих подопечных, аккуратно записывая все показания перед вынесением диагноза.

Такой тактики придерживается и фрау Штайнманн. Но дело здесь не только в приёмах воздействия на пациента. Как мы уже отметили в самом начале анализа настоящего аспекта, связанного с творчеством Айтен Акшин, писательница умело балансирует на

границ двух миров: национального (азербайджанского) и западноевропейского (по большей части среди немецкоязычного населения). Однако вскоре выясняется, что выведенные в её произведениях литературные прототипы даже в пределах одной зарубежной страны способны чувствовать на себе своеобразное раздвоение личности. А. Акшин свободно пользуется этим достаточно известным в теории мирового литературоведения художественным приёмом. В такой необычной ситуации оказывается и Ева, которая в клинике фрау Штайнманн словно «отрезана от суетливо и тщедушного мирка». Она запуталась в мире современной цивилизации, и даже любая банальность в её новом поведении постепенно начинает приобретать значимые черты. По мысли автора, сжившись с таким положением вещей, незаметно привыкаешь к тому, что тебя, как мещаночку и провинциалку, всё устраивает, потому что ничего нового и экстраординарного с тобою не происходит, воображение не будоражит.

Почти все произведения Айтена Акшина чётко делятся на две части в согласии с временными и пространственными признаками. Так и в архитектонике «Кружевной пыли» Ева из душного мирка клиники попадает в Индию и Индонезию. На Востоке, собственно говоря, и совершаются основные события, переворачивающие психологию главной героини. Волею судьбы она попадает на территорию одного из священных озёр в местечке Пушкар, в котором мусульманское население производит ежегодный обряд омовения. Абсолютно незнакомая с правилами поведения в подобных «заповедных» местах, Ева никак не может понять, почему исступлёнными криками ею временному отдыху всячески пытаются воспрепятствовать прихожане.

«За спиной истошно закричала женщина с кувшином и, проворно догнав её (Еву), перегородила дорогу к мосту. Продолжая кричать, временами она грозно размахивала кувшином.

Ева замерла на мгновение, но протест против бессмысленности происходящего, смешавшись с щемящей болью одиночества, бессилия и потерянности, неожиданно вырвался в крике:

– Оставьте же меня! Ну, оставьте же вы меня все в покое!
Ева кричала истерично, навзрыд» (4, 246-247).

Разгадка оказалась скорой и прозрачной. Перед вхождением в мечеть или вступлением на освещенную пророком землю человек любой веры на Востоке должен снимать обувь. «Еве стало стыдно и неловко за свою истеричность и грубость. Вздохнув, она внимательно прочитала все... пункты, призывающие чужестранцев с подобающим уважением относиться к озеру, свято почитаемому местными жителями. Запрещалось также сквернословить и фотографировать совершающих ритуал омовения в озере» (4, 248).

Здесь героиня и стала свидетельницей процесса омовения. Возьмём на себя смелость признать, что австрийских учёных–литераторов, историков и философов-религиоведов непременно заинтересует зафиксированный А. Акшин этот мусульманский обряд. Его можно при желании рассматривать и как святое действие для европейца. «Толпящиеся у берега люди, – пишет автор, скорее всего, не понаслышке, – смотрели на совершающих ритуал омовения, некоторые бродили взад и вперёд, словно пытаясь отыскать что-то, другие быстро входили по пояс в озеро и, зачерпнув в воду начищенными золотистыми кувшинами, обрушивали на себя с молитвенными словами мутную желтовато-зелёного цвета воду. Завершив омовение несколькими глотками воды из святого озера, выскакивали обратно. Спрятавшись за каким-нибудь камнем, стягивали с себя мокрую одежду, натягивали заранее приготовленную сухую замену и присоединялись к стоящим у берега» (4, 251).

В композиционно грамотно построенном художественном произведении все сюжетообразующие части должны быть расставлены предельно чётко. Так и здесь: вступление – это пыль, кружащаяся по городу и создающая общую атмосферу повседневной толчеи; завязка – отношения Евы с Эрвином и Юргом; развитие действия (срединная часть) – курс лечения в клинике под присмотром фрау Штайнманн; кульминация – обряд омовения

ния в священном озере на Востоке. И, наконец, нам осталось сказать об остроумной развязке, придуманной А.Акшин и достойно венчающей эту повесть.

Вновь обратимся к тексту за подтверждением одной из радикальных гипотез, которую мы выскажем после цитации. «Что-то случилось с ней (Евой) прямо здесь, на берегу. Трудно было объяснить себе, что именно произошло. И не особенно хотелось понять, но она ощущала себя иной, и этого было достаточно. Исчезла разъедающая её боль (курсив наш), растворив в золотистых отсветах святого озера обиды на несбывшееся и разочарования» (4, 252).

Такая развязка знаменательна для нас в свете разработки проблемы мультикультурализма. Ева всем своим духовным существом «распахнулась навстречу новым чувствам» («Ева медленно отошла и села на камень, пытаясь разобраться в охвативших её пылких чувствах») под влиянием неожиданного события, очевидцем которого она случайно стала, и перевернувшая сверху донизу её скучный и однообразный образ жизни. Наблюдая изложенную сцену паломничества на Востоке, она невзначай открыла для себя самой те душевные качества характера, которые таились в ней годами, крепко присыпанные слоем пепла. Кстати, сказать, такой сюжетный поворот в теории современного литературоведения получил название «рассказ-открытие».

В заключении отметим, что на примере отобранных нами произведений азербайджанской литературы мы, показали какое поистине современное звучание способна приобрести литература при взаимодействии и синтезе культур, различных направлений, жанров.

Итак, отметим, что мультикультурализм – это органическая часть истории обществ, включающей в себя различные сферы социального бытия: политику, экономику, идеологию и культуру. Параллельное существование культур на паритетных началах охватывает также этно-национальные и конфессиональные отношения в социуме. . Мультикультурализм в особенности набирает

силу в первой трети XXI века, в эпоху глобализации, хотя не исключено, что его влияние равновелико ощущается в периоды относительной стабильности в развитии обществ и при социальных кризисах. В то же время по ходу исследования выяснилось, что институт мультикультурализма не замыкается перечисленными областями наук: темы и мотивы можно встретить в разных областях культуры и искусства.

В настоящем исследовании нашли отражение наиболее важные принципы азербайджанского мультикультурализма, феномен которого даёт нам право утверждать, что его изучение реально может укрепить толерантность и солидарность других народов народов, и в известной степени способствовать стабильности в обществе.

Литература

1. Абдуллаев Ч. Голубые ангелы. Б.: Язычы, 1992, 267 с.
2. Абдуллаев Ч. Опрокинутая реальность. Роман. М.: Эксмо-Пресс, 2001, 243 с.
3. Абдуллаев Ч. Три цвета крови. Роман. Ростов-на-Дону. Издательство «Проф-Пресс», 1996, 319 с.
4. Акшин Айтен. Вальс на разбитых бутылках. Художественная литература, 2013, 357 с.
5. Анар. Ночные мысли // Литературный Азербайджан, 2015, № 9, с. 3-33.
6. Аскеров Лев. Особых примет не имеют. Повести и рассказы. Баку: Язычы, 1986, 213 с.
7. Гаджиев Агиль. Супрецикл о Дронго // Литературный Азербайджан, 2003, № 2.
8. Гаджиева А. Российский журнал назвал Чингиза Абдуллаева лучшим писателем года // Зеркало, 2000, 21 апреля, 24 с.
9. Гафарова С.А. Актуальные проблемы современной жанрологии. Баку: БСУ, «Китаб алеми», 2003, 264 с.
10. Карагёзов Рауф. Коллективная память и национальная идентичность в эпоху глобализации // Социально-политические и экономические исследования, 2009, Т. 3, № 1, с. 48-53.

11. Курбан Саид. Али и Нино. Роман. М.: Издательство «Ад Маргинем», 2008.
12. Мир-Багирзаде С.А. Восток и Запад в романе «Али и Нино» // Элм, № 14, 31 июля, 2015.
13. Мамедханова Н. Дж. Литературные вдохновения. Баку: Элм, 2014, 184 с.
14. Мамедханова Н. Дж. Восприятие искусства и искусство восприятия. Баку: Элм, 2002, 132 с.
15. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: Фолио, 2000, 213 с.
16. Сафарбеков З. Мой проклятый мир. Роман. Баку: Uni-Print, 2013, 205 с.
17. Тлостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века». Дисс. ... д-ра филологических наук. М., 2000, 161 с.
18. Художественно-литературные источники мультикультурализма. Баку: Мутарджим, 2016, 288 с.
19. Шафиев М. О бедном гусаре замолвите слово // Литературный Азербайджан, 2004, № 12, с. 55-59.
20. Шихлы Исмаил. Буйная Кура. Роман. М.: Советский писатель, 1971, 345 с.

Электронные ресурсы

1. Азертаг. аз /ру // хебер // Азербайджанский мультикультурализм – 855131.
2. Бакинский Международный гуманитарный форум. Сентябрь-октябрь 2011 года. Обсуждение проблем мультикультурализма за «Круглым столом». http://www.bakuforum.org/ru/main_page_forum2011/stenoqrama/multiculture/
3. Ибрагимова Солмаз. Интервью о вручении литературных премий современным азербайджанским писателям: [www. azyb. az / admin/media/](http://www.azyb.az/admin/media/)
4. Ибрагимова Солмаз. Русский язык – духовный мир между народами! // [www. html. Sodrujestvo. az.](http://www.html.Sodrujestvo.az)
5. Малахов В.С. Культурный плюрализм versus мультикультурализм Независимая газета (НГ- Сценарии), 14.06.97. В сборнике «Скромное обаяние

- расизма». <http://www.igpi.ru/info/people/friends/malakhov/articles/1132597922.html>
6. Мамедзаде Ильгам. Мультикультурализм как вызов эпохи глобализации (<http://www.mgimo.ru/filesserver/books/rami4konvent/>).
 7. Мамонова В.А. «Мультикультурализм: разнообразие и множество», CREDO NEW теоретический журнал. <http://credonew.ru/content/view/606/32/> (16.05.2009).
 8. Низамова Л.Р. «Мультикультурализм», Экономика Социология Менеджмент <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/127521.html>, (3.07.2009).
 9. Рзаева Р.О. Меняющиеся ценности и мультикультурализм. Доклад на Бакинском Международном гуманитарном форуме. Сентябрь-октябрь 2011 года, 6 с. http://www.bakuforum.org/ru/main_page_forum2011/stenoqrama/multiculture/
 10. Сеидова Г. Идеи мультикультурализма в реалиях сегодняшнего дня: плюсы и минусы // [html. www. Phillaw – az. org](http://www.phillaw-az.org/html).

*** *** ***

Книга сверстана и отпечатана в ООО «МТМ-İnnovation»

*Редактор издательства – Алиш Мирзаллы
Технический редактор – Метанет Гараханлы
Компьютерное оформление – Руфат Вахидов
Корректор – Рита Муслимова*

Подписано к печати: 04.04.2018.
Формат: 60x90 1/16. Гарнитура: Times.
Офсетная печать. Офсетная бумага. Объем: 10,5 п.л. Тираж: 150.

«МТМ-İnnovation» ООО
Az 1014, Баку, ул. Расула Рзы, 125/139b
тел./факс: (+99412) 596 21 44